
ЛИДИЯ ПЕРСИДСКАЯ
Сказки
МП

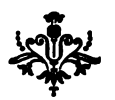

ЛИДИЯ ПЕРСИДСКАЯ

ЭФЕМЕРИДЫ

СКАЗКИ И РАССКАЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РОССИКА», НЬЮ ИОРК

Все права сохранены за автором

Printed in the United States

GRENICH PRINTING CORP.
151 West 25th Street
New York 1, N. Y.

ПАУЧКИ-АРГОНАВТЫ

Как ЯРКО светило солнце! Небо было синее, а воздух такой прозрачный и теплый, как-будто снова наступили летние дни.

Но разве могли наступить летние дни, когда на дворе была уже поздняя осень? — Нет, конечно! И это почувствовал даже паучек и стал поспешно готовиться к отлету.

Он крепко ухватился передними лапками за стебель камыша и, повиснув на метелочке, стал быстро, быстро выпускать тончайшие серебряные нити.

Ветер спутал их в белую длинную паутину и, завязав петлей, с силой потянул за собой.

Паучек отпустил камыш и на своем белом воздушном кораблике полетел над болотом.

Он был не один. Впереди него, позади, с боков, отовсюду неслись куда-то, такие-же как он, молодые паучки-аргонавты, смелые путешественники.

Но почему назвали их так, аргонавты?.. Разве они так же смелы, как те древние герои, что отправились на своем корабле «Арго» искать золотое руно?..

Конечно, они очень смелы, может-быть даже смелее древних героев, потому-что они отправились в дальнее плавание, не имея ни корабля, ни крыльев, в сущности, не имея ничего, кроме одной только тоненькой шелковой ниточки.

А осень ведь уже уходила, и этот день был только так, случайный, на смех всем. Посмотрите, мол, как бывает еще жарко. А на самом деле было совсем уже не жарко. Ночи были темные, деревья стояли без листьев, а в полях было пусто и холодно.

Но молодые паучки не боялись поздней осени и в солнечные дни один за другим улетали, исчезая в прозрачном воздухе.

Куда они летели и зачем?.. Этого никто не знал. Их уносил ветер, как весной он нес белый пух с тополей, как рассеивал семена одуванчиков на зеленых лужайках, как сеял летучие семена ив на лугах и лесных опушках.

Паучки летели со всех сторон, и их белые, длинные паутинки заплетали серебристыми нитями воздух, деревья и кусты. Это и было

бабье лето, — седые, длинные волосы осени, засверкавшие в лучах солнца.

Паучек тоже в этот день навсегда покинул родной домик.

Его мать оставалась на болоте. Она никуда уже не стремилась лететь и спокойно сидела на паутине, выжидая, когда поймается в ее сеть муха.

До чего тонко была сплетена эта сеть! Недаром паучиху прозвали Длинный Вязальщик... Из самой середины паутины шли как спицы тонкие лучи, а поверх них воздушным кружевом была наброшена легчайшая спираль. Паучиха сидела в центре.

А в это время паучек был уже далеко и летел. Рядом с ним кружился сухой лист с ольхи, но после, когда ветер совсем стих, лист упал на землю. Но с паучком этого не случилось, — его воздушный кораблик был слишком легок и продолжал лететь даже при самом незначительном ветре.

Паучек правильно угадывал направление и, как искусный пилот, смело управлял своим корабликом. Он перебегал с одного конца ниточки на другой, собирал свой канатик, распускал паутину и весь отдавался полету.

Ветра не было, и только нагретый от земли воздух поднимался и уносил паучка все дальше и дальше по воздушным волнам.

Он летел над лесом. Где-то далеко, уже позади, остался камыш и родное болото.

Но вот, солнце скрылось. Темная туча закрыла половину неба, лететь было уже неприятно, и паучек стал собирать свою нитку.

Вдруг, он испуганно замер. Вместо леса под собой паучек увидел черную широкую реку и стал падать вниз, прямо в воду. Он наверное утонул бы, но над самой водой, легкий ветерок снова поднял его и, играя, понес вдоль реки.

Паучек увидел впереди громадный белый пароход. Пароход мчался прямо навстречу, все ближе и ближе. Еще секунда — и белая волна захлестнула-бы паучка вместе с его воздушным корабликом. Но вдруг, порыв речного ветра подхватил паутинку и бросил ее прямо на палубу. Паутинка, как флюгер, забилась на мачте.

— Бабье лето!.. — услышал паучек веселый радостный голосок. — Бабье лето!..

И паучек увидел на палубе маленькую девочку в красной шапочке. Она хлопала в ладошки и громко смеялась.

Но паучку недолго пришлось смотреть на девочку. Ветер снова с силой рванул паутинку и оторвал ее от мачты. Паучек увидел под собою землю.

Солнце уже опускалось за горизонт. Неужели уже скоро вечер? Поле было пустое, освещенное косыми лучами солнца. Вороны и галки расхаживали по полю.

И вдруг, он увидел другого паучка. Паучек летел недалеко от него на таком-же точно воздушном кораблике. Их ниточки зацепились одна за другую и они полетели теперь вместе.

Но что это? Их кораблик оказался слишком тяжелым. Может-быть это роса уже успела упасть на их парус, и кораблик, отяжелев, стал опускаться. Он опускался все ниже и ниже, пока не зацепился за ветку дерева.

На дворе был уже вечер. Солнце зашло. Вокруг было тихо и спокойно. Поле лежало безжизненное и молчаливое. Паучек натянул на себя шелковую ниточку, укрылся и крепко уснул.

Его разбудили утром крики птиц. Это улетали на юг запоздалые цапли. Они летели низко и беспокойно и взволнованно перекликались.

Утро было тихое и холодное. Солнце перебирало серебряные нити бабьего лета. Сколько их набросала за ночь осень! Повсюду на траве, на кустах, на деревьях, — всюду лежали эти белые кораблики. Выброшенные на мель и застигнутые врасплох, они не могли уже лететь и, обрызганные росой, отяжелевшие от сырости, ждали горячего солнца.

Однако, как уже холодно светило солнце! Оно уходило все дальше и дальше и, с каждым днем, становилось все равнодушнее и холоднее ко всем.

Паучек расправил лапки, почистился и стал снаряжать свой кораблик. Стайка соек села на дерево. Они пронзительно кричали и ссорились между собой. Сойки улетели и прилетели дрозды.

Это были уже последние перелетные птицы. Они очень спешили и о чем-то тревожно перекликались.

Паучек не понял, о чем они говорили. Дрозды полетели на юг, туда, где была река. Наконец, солнце поднялось высоко и в последний раз, согрело всех.

Сегодня день был еще тише, чем вчера. Паучек летел теперь над болотом. Его обдало знакомым запахом травы и сырости. Какая зеленая осока и как приветливо шумит камыш!

Паучек собрал паутину и стал медленно, медленно опускаться на землю. Наконец-то, он снова на болоте! Вокруг него запахло мятой. Паучек увидел на камыше, таких-же как и он, молодых паучков-странников.

Они суетились и спешили занять лучшие места в камыше. Это и были их зимние квартиры.

Здесь, на этом крепком, старом камыше и паучек устроит свое зимнее гнездо.

Он влез в уютный тихий уголок между стеблем и сухим листом камыша и притаился. С ним была его паутинка, клубочек шелковых ниток. Он стал плести себе теплое одеяло.

На дворе совсем уже не было жарко. Солнце быстро ушло, бросив свой последний прощальный взгляд. Зачем уже тепло? Разве мало

было жарких дней? Паучек выглянул из своего домика — ему не хотелось еще спать.

Как захолодало, однако! Брр!.. Камыш нагнулся низко, низко. Это ветер дул все с одной стороны, волоча за собою тучи. Вот вам и бабье лето!..

На болоте стало мрачно и пусто. Хорошо, что дрозды улетели. Лягушки замолкли и спрятались в ил. Они лучше всех знали, когда будет тепло или холод, дождь или засуха.

Паучек тоже спрятался, ему стало холодно. Пусть теперь ветер треплет его камыш!.. Паучку уже все равно. Он во-время успел найти уютное местечко и устроить себе на зиму теплый домик.

....

Но, где-же «Золотое Руно?»... Разве паучек нашел его в этом уютном, теплом домике, где можно спокойно слушать вой ветра?

О нет, это только так, временный приют. А весной, когда зашумят ручьи, зацветут деревья и возвратятся перелетные птицы, — паучек снова пустится в путь. Он распустит свой белый воздушный кораблик, натянет паруса и полетит туда, где ждет его «Золотое Руно».

ХУДО-ТУТ

ПРИЛЕТЕЛА большая пестрая птица. Она села на дерево, раскрыла над головой свой волшебный зонтик и таинственно закачалась на ветке.

— Худо-тут!.. — печально крикнула она, — Худо-тут!..

Она взмахнула своими яркими пестрыми крыльями, блеснула на солнце радужным зонтиком и как вихрь пролетела над головами детей.

Никто из детей не заметил ее, кроме одного мальчика. Может-быть, и маленький мальчик тоже не увидел-бы ее, но он ближе всех стоял к дереву и услышал ее тревожный крик. — Нет!.. — задорно крикнул он птице, — нет, мне не худо здесь!..

— Какая страшная птица.. — подумал он. Почему она кричит так печально, — Худо-тут?..— разве тут худо?

На другой день снова прилетела пестрая птица. Совсем низко уже опустилась она к земле и села на ветке возле дома, где жил мальчик.

Худо-тут!.. — крикнула она, — Худо-тут!..

И удивительными показались мальчику ее волшебный зонтик и пестрые крылья.

Худо-тут?.. — прошептал он... — почему птица опять так печально кричит, — худо-тут?.. — Мне совсем не худо здесь. Ведь это мой дом, где меня любят и заботятся обо мне.

— Улетай!.. — с волнением крикнул он птице, — улетай себе прочь!.. Мне не худо здесь, мне хорошо!.. — Но в голосе его уже не было прежней уверенности.

На третий день снова прилетела птица. Она села теперь совсем уже близко, на окно, и постучала мальчику черным клювом.

— Худо-тут!.. — еще печальнее крикнула она ему, — Худо-тут!.. Весь вздрогнул мальчик от ее вещего крика и с тоской подбежал к окну. Хотел он уже согнать страшную птицу с дерева и бросить в нее палкой, но таинственно закачалась на ветке птица и раскрыла перед мальчиком радужный зонтик, весь в волшебных рисунках.

— Какой удивительный зонтик!.. — с восторгом воскликнул мальчик. — Какие чудесные картинки нарисованы на нем!.. — И он весь потянулся к птице.

— Подожди, не улетай!.. — с волнением крикнул он ей. — Не улетай, покажи мне твой зонтик!

Посмотрела птица на мальчика и спрятала свои чудесные рисунки.

— Нет, — сказала она, — я покажу их тебе после, когда ты придешь ко мне. — И она вырвала из зонтика перо и бросила его мальчику.

— На, возьми его!.. — крикнула она, улетая. — Оно поможет тебе найти дорогу ко мне.

Схватил мальчик блестящее перо и прижал к груди. Но, как тоскливо и скучно сразу показалось ему все вокруг! Родной дом его, вдруг, весь насупился и почернел, враждебно зашумел любимый сад, и не узнал мальчик родного места.

— Как здесь скучно и страшно, прошептал он, озираясь. Недаром птица кричала мне, что здесь худо. Зачем ты оставила меня, птица? — с тоской крикнул он ей вслед. — Зачем дразнишь меня своим волшебным зонтиком?..

Но улетела уже птица и ничего не ответила мальчику. Посмотрел мальчик на перо, бережно спрятал его у себя на груди и пошел прямо, неизвестно куда.

И встретилась ему тогда веселая ворона и каркнула:

— А мне хорошо здесь!

И встретился тогда ему беспечный заяц, и серая мышь, и слепой крот и все они сказали ему:

— Нам хорошо здесь и ничего мы не хотим лучшего.

Посмотрел мальчик на стройные колосья, на синие васильки и увидел бабочку, и пушистого хруща, и золотых пчелок и стало ему весело и легко.

— Не здесь-ли живет моя птица? — подумал он. И только хотел он уже присесть на бугорке, возле зеленой тропинки, как увидел, вдруг, пеструю птицу. Она пролетела низко над ним и, исчезая, крикнула:

— Худо-тут!.. Худо-тут!..

И сразу все потемнело и все омрачилось вокруг мальчика. Посмотрел он на рожь и испугался высоких колосьев, взглянул на васильки и показались они ему страшными, заманивающими его в гущу высокой ржи, посмотрел на пчелок и бросился бежать, куда видно, от их высунутых ядовитых жал.

Долго бежал мальчик по полю, пока не добежал до леска и не свалился в мягкую траву. Прохладно и удобно было ему здесь. Березы обступили его со всех сторон и спрятали от всяких страхов, наклонилась к нему липа и успокоила его, а добрая земляничка протянула ему красную ягодку и сказала:

— Скушай ягодку — это утолит твой голод!..

— Не здесь-ли живет рогач-бородач?.. — подумал мальчик. — Не здесь-ли попрыгивает с ветки на ветку белка, не здесь-ли прячется колючий ежик и не здесь-ли живет моя птица?..

И как-будто услышали мысли мальчика зверьки, и выполз жук — рогач-бородач и шутя поставил против него рога, выглянула среди веток игривая белочка и бросила зеленый орех, зашевелился и тяжело задышал глупый ежик, и пробежала остроносая лиса и крикнула мальчику:

— Нам хорошо здесь и ничего лучшего нам не надо!..

И все они сказали мальчику одно и тоже: — Нам хорошо здесь, среди мягкой травки, среди густых деревьев, среди вкусных кореньев.

Хорошо показалось и мальчику в лесу среди зверьков и деревьев. Лег он в густую траву и забыл уже про страшную птицу.

И вдруг, упала на него сухая ветка, закачалась сердито липа и закричал печальный голос:

— Худо-тут!.. Худо-тут!..

Вскочил мальчик на ноги. Белые березы расступились и насмешливо зашептались между собой, враждебно покосилась на мальчика зеленая липа, повернулся спиной рогач-бородач, вылез из сухих листиков еж и сердито поставил против него все иголки, ударила хвостом-дергачем белка и щелкнула зубами лиса.

Стало жутко мальчику и побежал он прочь из леса. Долго, долго бежал он, пока не упал без сил на дорогу. Скрылось солнце над ним, потемнело небо, подул свежий ветер и наступил вечер.

— Возвращайся домой! — прокричала над ним ночная птица, — разве тебе не страшно здесь одному?..

Больно ударила его крыльями летучая мышь, и мальчик в страхе побежал домой. Забыл он уже про волшебный зонтик с картинками, про вещую птицу и ее перо.

Но вдруг выпало перо из курточки и как живое затрепетало на земле, озаряя все своим светом.

И сразу прошел страх у мальчика, вспомнил он про птицу и ее радужный зонтик и поднял перо с земли.

Так пришел он в большой город. Он шел с темного поля прямо на свет, который увидел еще издали. Сперва он подумал, что это звезды упали на землю, но когда он подошел ближе, то увидел, что это круглые стеклянные фонари, которых не может потушить ветер.

Остановился мальчик, пораженный суетой и шумом, и подумал про себя: — Не здесь-ли живет моя птица?..

И в ответ на его мысли, вспыхнули ярким светом темные окна домов и осветились нарядные витрины.

— Это ее дом!.. — с восторгом подумал мальчик и остановился возле окна с вкусными булочками и сладкими пирожками.

— Какие вкусные булочки... — подумал он и протянул руку к стеклу. Но неожиданно открылась дверь чудесного дома и из нее высунулся толстый человек.

— Уходи прочь!.. — грубо закричал он, — уходи!.. — И он больно ударил мальчика по руке.

И вдруг засверкало перо в руке мальчика и ослепило глаза толстому человеку.

— Я вижу у тебя красивое перо, — сказал он, смягчаясь, — дай его мне, за него я дам тебе вкусную булочку.

И он протянул мальчику булочку, посыпанную миндалем и сахаром. Но не соблазнился мальчик вкусной булочкой. Не соблазнился он и теплой курточкой и новыми башмачками... Вырвался он из рук человека и побежал...

— Держите вора!.. — закричал тогда толстый человек и погнался за мальчиком.

— Держите вора!.. — кричали вслед за человеком люди и бежали за мальчиком.

— Держите вора!.. — кричали страшные голоса.

Но разве мог убежать маленький мальчик от здоровых людей, которые бежали быстрее его? Сердце кричало ему: — Беги, беги!.. Оно готово было выскочить из груди, но его слабые ноги падали от усталости и не могли бежать.

Свалился мальчик на мостовую возле фонаря и, как затравленный зверек, весь дрожал от страха. Люди с криком и улюлюканьем подбежали к нему. Но его глаза никого уже не видели и со страхом искали только толстого человека.

Он прибежал последним. Его толстые ноги едва волокли его тяжелое, большое тело. Задыхаясь, он кричал:

— Драгоценное перо! Он украл у меня его... Все в драгоценных камнях, что так горят!..

— Неправда! — горячо крикнул мальчик. — Я ничего не крал, перо мое!.. Слезы текли у него по щекам, лицо его горело от обиды и горя, но ему никто не верил.

— Маленький лгун!.. Воришка!.. — кричали люди и они сорвали с его плеч старенькую курточку.

Его худенькие руки крепко держали перо, обыкновенное перо лесной птицы удода. Оно было все мокрое от слез и на нем не было никаких драгоценных каменьев.

— Ха-ха-ха!.. — смеялись люди, — это-то драгоценное перо?

— Ха-ха-ха!.. — смущенно смеялся и толстый человек и тер свои глаза, ничего не понимая.

Встал мальчик на ноги и пошел. Никто не видел, как он шел дорогой, весь согнувшись от холодного ветра и дождя. Вода так и лилась по его белокурым, всклокоченным волосам, маленькие башмачки хлопали порванными подошвами. Он весь дрожал от холода и шел медленно и устало.

И повстречалась ему тогда ворона и печально каркнула:

— А мне плохо тут!..

И повстречался ему трусливый зайчик и грустно сказал:

— Мне холодно и страшно тут!..

И пискнула ему серая мышь и слепой крот:

— Нам холодно и плохо здесь!..

Остановился мальчик и не знал уже, куда идти дальше. Задул со всей силой на него осенний ветер и забросал его желтыми листьями. Замигали над ним мокрые снежинки и облепили его с ног до головы.

— Я не могу уже идти дальше... простонал он и упал на холодную землю.

— Иди, иди домой!.. — тревожно зашумели над ним березы и липы: — Ты замерзнешь здесь...

— Кто шумит так печально? — спросил мальчик.

— Это мы, — сказали ему деревья.

— Кто плачет так горько? — спросил он.

— Это мы, — ответили ему тучи.

— Кто так жалобно звенит в засохшей траве?

— Это я, — сказал ему осенний ветер.

И закружилась над мальчиком белая метелица. Завыл, загудел ветер, заметались из стороны в сторону деревья и весь лес застонал и заскрипел от бури. Прилетела тогда страшная птица и низко склонилась над ним.

— Ты пришел уже, — сказала она мальчику, — тебе не страшен больше ни холод, ни дождь, ни снежная вьюга. Смотри, теперь я покажу тебе мои картинки.

И она раскрыла над ним свой волшебный зонтик. Как чудесно все изменилось вдруг! Затихла метелица.

— Бим-бум! Бим-бум!.. — заиграла где-то музыка.

— Лю-ли-лю-ли!.. — подпевал тихо ветер.

— Дзинь-дон, дзинь-дон!.. — зазвенели нежно на деревьях ледяные сосульки.

И сошли с неба звездочки. Пафф! — вспыхнули они зелеными огоньками.

— Пафф, пафф!.. — И они зажгли на земле белые снежинки.

Расцвели синие, розовые, красные цветы. Маки и колокольчики закивали приветливо мальчику головками.

— Ты пришел уже, мы давно ждем тебя!.. — хором запели они ему.

— О-о!.. — прошептал с восторгом мальчик, — как хорошо мне здесь.

— Бим-бум, бим-бум!.. — играла музыка.

— Лю-ли, лю-ли!.. — пел ветер.

— Это я выростила для тебя цветы, — сказала одна звездочка. — Иди ко мне. Она была красивее всех. На ее золотых волосах горела корона, она ласково улыбалась мальчику.

— Я покажу тебе волшебную карусель, — сказала она, — где кружатся мои сестры.

О, что это была за карусель! Там собрались со всех сторон неба разнообразными гирляндами красавицы-звездочки и кружились, повиснув на золотых лучах.

Все быстрее и быстрее кружилась карусель...

— Бим-бум, бим-бум!.. — играла музыка.

— Пафф, пафф!.. — разрывались в небе яркие огни и сыпались на землю золотым дождем.

— Я иду к вам... — прошептал мальчик и очнулся. И сразу все исчезло. Перестала играть музыка и тревожно закричал где-то среди веток черный ворон:

— Уходи отсюда, уходи! Ты замерзнешь здесь.

Зашумели печально над ним береза и липа:

— Беги, беги скорее домой!..

Как холодно и страшно было в темном лесу. Белый снег густо укрывал опавшие листья, обледенелые ветки на деревьях стучали, как кости одна об одну.

— Не бойся, — прозвучал над мальчиком знакомый голос птицы. — Не бойся, я спрячу тебя под свой зонтик.

И она снова раскрыла над ним волшебный зонтик.

Какой удивительный сад теперь появился перед глазами мальчика. Он весь был из ледяных узоров и дрожал в волшебном сиянии.

— Дзинь!.. — выростали мгновенно высокие пальмы.

— Джисс!.. — расцветали кактусы радужными цветами.

Ледяное кружево со всех сторон окружало мальчика, тонкие иголки протягивались к нему и кололи. Но ему не было больно.

И, казалось, теплый ветерок нежно веял на него, и ломались иголки и ледяные цветы, и тонкими кристаллами они сыпались на землю и снова росли.

— Бим-бум, бим-бум!.. — играла где-то музыка, затихая.

И все ниже опускался над мальчиком зонтик страшной птицы, и все быстрее и быстрее сменялись над ним волшебные картинки.

А на утро люди нашли в лесу полузамерзшего мальчика. Он был еще жив, его застывшие руки крепко сжимали перо лесной птицы, удода.

Говорят, что это перо вещей птицы, что есть такое поверье, будто своим жалобным криком, — худо-тут, — она вещает беду и горе.

ЭФЕМЕРИДЫ

НУЖНО ТОЛЬКО подождать, чтобы скрылось солнце, а когда оно скроется и на небе останется последняя розовая полоска, сумерки бесшумно подкрадутся в своих мягких чулках и незаметно со всех сторон окружат землю.

У них очень много дела. Им нужно потушить на небе розовую полоску, но так, чтобы этого никто не видел, поднять туман с земли, чтобы сразу пахнуть на всех сырым холодком, разбудить каждый ночной цветок и открыть его чашечку, чтобы насытить ароматом воздух, обрызгать росой траву, растормошить ночных птиц и насекомых и, наконец, тихо черкнуть громадной спичкой по небу, чтобы поразить всех неожиданной зарницей.

А после, когда станет так тихо в воздухе, что всем покажется, как-будто ветер навсегда оставил землю, вдруг басом загудят жуки-навозники, жуки-олени, жужелицы и полетят ночные бабочки в своих теплых шерстяных платьицах, — в это время над водой появится маленькое воздушное насекомое.

Это нежное, легкое и недолговечное существо. Оно живет только день, даже меньше дня, — всего несколько часов и, за его кратковременное, скоропреходящее существование, его прозвали Эфемеридой.

Эфемерида расправила свои легкие прозрачные крылышки и опустилась на белые лепестки водяного лютика.

На венчике лютика сидела ночная бабочка и пила сладкий сок. Эфемерида не могла понять, почему всем было дело до этого цветка и, что в нем искали бабочки и жуки...

Бабочка недовольно закрыла от Эфемериды венчик цветка бархатными крыльями серого цвета и сердито сказала:

— Подумаешь, тихоня, — выпила весь мед и притворяется, что ничего не понимает!

Но бабочка напрасно сердилась на Эфемериду. Она и не думала пить мед. Если-бы она даже и хотела выпить сладкий сок из цветка, она не смогла бы этого сделать, так как у нее не было рта. Ведь ее жизнь была слишком коротка, и поэтому она не нуждалась ни в пище, ни в питье.

Эфемерида не успела перелететь на другой цветок, как над ней с

шумом пронеслась бабочка-сумеречница. У нее были горящие чудесные глаза. На одну секунду она развернула длинный хоботок и, смахнув им сладкий сок с цветка, показала Эфемериде трепещущее мохнатое платье, покрытое тончайшей шерстью.

Но Эфемерида не успела рассмотреть ее платье. Сумеречница свернула длинный хоботок и исчезла в надвигающейся темноте.

Эфемериду испугал жук-плавунец. Он вылез из воды недалеко от нее, весь темно-зеленый и блестящий, со светлой полоской по краям грудного щитка.

Эфемерида отшатнулась от жука и испуганно прижалась к цветку. Жук тяжело пролетел над ней, проветривая сильные крылья.

Это был большой жук-хищник, и его не любили и боялись все личинки и даже мелкие рыбки.

Однако, сколько желающих повеселиться появилось уже из воды!

Жуки-вертячки, веселые спортсмены, и даже водомерки, весь день плясавшие на водяном паркете, теперь раскрыли крылья и полетели над водой.

Наконец-то прибыли главные гости — Эфемериды! Они только-что сбросили с себя одежду водяных личинок и вылезли из воды.

Эфемерида радостно понеслась за ними.

Красавица Рогоза, в тяжелом бархатном платье, завистливо смотрела ей вслед: — как жаль, что она не могла принять участие в общем весельи!.. Но у нее не было ни крыльев, ни ног, а корни так крепко привязали ее к земле, что нечего было и думать ей сдвинуться с места.

То-же было и с водяными лютиками, и с белыми кувшинками и с тростником. Он был выше всех и о чем-то грустно шептался сам с собой.

Одна за другой вспыхнули на небе звезды. Над водой громко загудел жук-плавунец. С жаром запели лягушки-артисты.

Теперь уже понеслись не только одни Эфемериды, но и стрекозы-лютки в темно-синих костюмах и комары и глупые вертушки-мошки. Эфемерида опустилась на тростник. Ей необходимо было передохнуть. Она раскрыла прозрачные крылышки и, вытянув гибкое тельце с тремя длинными щетинками на конце брюшка, смотрела на всех светящимися большими глазами.

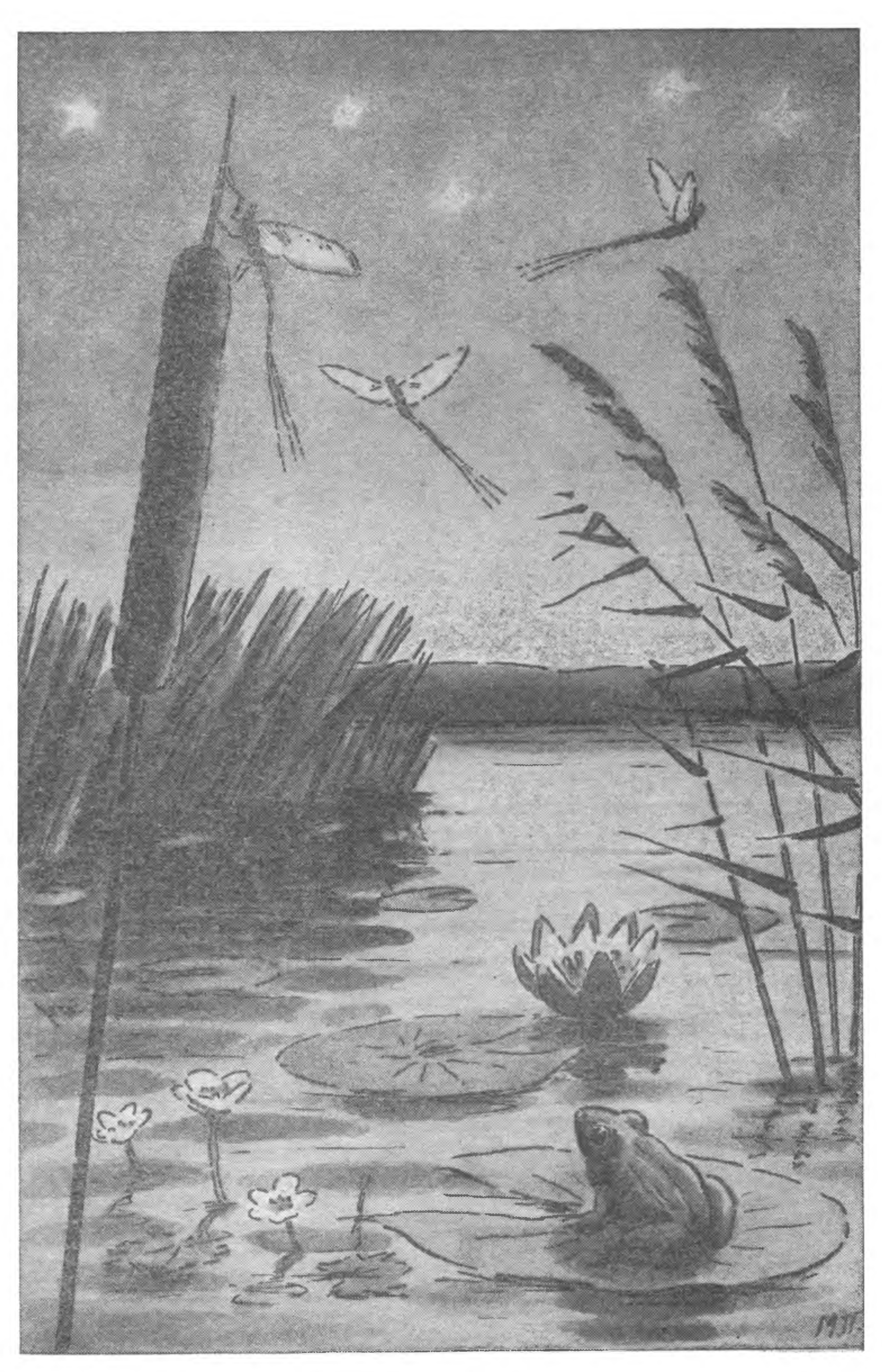
Сколько завистливых глаз устремилось на нее!

Рогоза вытянулась над ней, чтобы лучше рассмотреть ее. Что в ней красивого? Водяные лютики подняли вверх белые головки.

Только один тростник строго шумел. Никто не понимает, до чего Эфемерида красива!

Но Эфемериде некогда было долго отдыхать. Ведь ее жизнь была слишком коротка и продолжалась всего один только вечер.

Она встретилась с другой Эфемеридой. Такая же легкая и прозрачная, она летела над водой прямо к ней. Но у нее были громадные

Наконец-то прибыли главные гости — Эфемериды,

глаза. Они светились в темноте и манили к себе Эфемериду. Эфемериды закружились вместе и полетели над водой.

Луна бросила им под ноги кружевную дорожку. Она таинственно убегала в темную чащу леса. Здесь пряталась где-то лесная герань и ночная фиалка. Из глубины на них пахнуло сырым холодком и прошлогодними листьями.

Трепещущие и легкие, эфемериды влетели в чащу. И вдруг, темная тень надвинулась на них и закрыла кружевную дорожку. Страшный враг — летучая мышь, злой нетопырь, летел прямо на них.

Но эфемериды быстро свернули в сторону и скрылись среди листьев орешника.

Чей это домик так приветливо светится под сухим листком и кто в нем живет?.. Эфемериды вошли в домик. Здесь жил светлячек. Он освещал свой домик зеленым фонариком, спрятанным у него на кончике брюшка.

Эфемериды опустились на плюшевый диванчик из зеленого мха. Светлячек навел на них фонарик и осветил их:

— Здесь есть недалеко пустая ракушка, — сказал он, — там можно было-бы хорошо поселиться.

Но эфемеридам не нужен был домик, у них не было времени устраивать себе гнездо. Им нужно было торопиться и торопиться, чтобы успеть бросить свои яички в воду и оставить там после себя потомство. И они понеслись к воде.

Красавица-Рогоза завистливо прошумела где-то внизу. Старая лягушка в зеленом клеенчатом плаще квакнула всем:

— Нечего им завидовать, они и понятия не имеют, что такое долгая жизнь!..

И она низко наклонилась к слизняку-Катушке и толкнула его в бок.

— Они бросают уже свои яйца в воду... Фи, как они спешат!..

Слизняк-Катушка вытянул как можно дальше свои усики. На конце усиков у него были близорукие глаза. Но он ничего не увидел. Над водой уже начал подниматься туман.

Однако, как устала Эфемерида! Она бросила последнее яичко в воду и опустилась на тростник. Лягушки затихли. Куда-то исчез жук-плавунец. Попрятались жучки-вертячки и водомерки. За луной приехали через все небо белые барашки и она укатила в своем глубоком экипаже. Туман над водой становился все гуще и гуще.

Эфемерида слегка приподнялась и, раскрыв крылышки, хотела еще раз полететь, но вдруг опустилась на тростник и устало замерла.

Ее жизнь кончилась. Ведь она совершила все и ей незачем было больше лететь.

МЫШИНЫЙ РАЙ

ТАК И ПРОШЛИ теплые дни, нечего уже было надеяться на новое лето. А кто видел, как они уходили?.. — Никто, кроме маленькой мышки. Она проснулась однажды ночью и услышала странный шум. То, что она увидела, было действительно нечто необыкновенное, выходящее из ряда вон. Она высунула свой остренький нос из норы и вся замерла от любопытства.

По старой дороге, что шла в город, и по которой она так часто видела тянущиеся бесконечные обозы с мешками, теперь шли, взявшись за руки и стараясь как можно меньше шуметь, летние дни.

Но, Боже, какой трусливый и потертый имели они вид!.. Теплые платки висели на их долговязых фигурах, громадные зонтики и калоши торчали у каждого из под руки.

Все это было так смешно, что маленькая мышь не выдержала и громко рассмеялась. Она вылезла из своей норки и без страха побежала по полю, чтобы лучше рассмотреть их вблизи, но, каково было ее удивление, когда она уже ничего не увидела на дороге.

Ночь была темная и несколько капель дождя упало на ее серую шубку. Ей стало холодно и страшно, и она поспешила домой. Дома она еще раз обернулась и посмотрела на дорогу, но и отсюда она ничего уже не увидела.

Может-быть, кто знает, все это ей показалось со сна. Но теплые дни в эту ночь все-таки ушли, в этом уже не было никакого сомнения.

На утро пошел дождь, зашумели деревья и побежали в перегонку одна за другой тучи. Маленькая мышь огорченно посмотрела на поле, понюхала холодный воздух и полезла обратно в нору.

С этого дня жизнь для мышей становилась все труднее и труднее. Все надежды на зерно в поле рухнули окончательно. Конечно, в этом никто не был виноват, кроме птиц, перелетевших из пустого леса в поле. Но от этого никому не становилось легче.

Маленькая мышь по-несколько раз в день бегала к соседке и всякий раз возвращалась ни с чем. Что может быть неприятнее скупых, сварливых особ!.. Они сидят в своей норе, боясь двинуться с места, точно торговки на рундуке, и никого не подпускают близко к своему добру.

Маленькая мышь дала себе слово больше никогда не ходить к ней.

Но кто волен в своих словах? Вечером она снова шла к ней и униженно просила дать чего-нибудь поесть. Ужасное время!..Даже толстый дядюшка похудел и все чаще и чаще просил маленькую мышь чего-нибудь раздобыть.

У каждого есть свои слабости. Маленькая мышь готова была голодать сама, только бы не видеть страданий своих близких. Но жить так дальше не было уже никакой возможности, и нужны были решительные меры, чтобы не умереть с голоду.

Дед маленькой мышки и еще несколько опытных мышей устроили совещание, и в полночь, когда в селе пропели петухи, в нору стали собираться старые мышиные деятели. До чего тесно и тепло стало в норе!..

Маленькая мышь прижалась в самый дальний угол и, держа в зубах кусочек гнилого дерева, светила всему собранию. Первый сказал свое слово старый дед:

Почтенные мыши!.. Нам пора обратить внимание не только на наше общее несчастье — постигший нас голод — но также и на нашу, хорошо всем вам знакомую соседку, которая не только не голодает, но, как ни в чем не бывало, в такое тяжелое время прекрасно раздобывает себе и своей семье пищу и живет, припеваючи... Что все это значит?

Дед протер лапкой глаза и обвел все общество многозначительным взглядом. Племянник соседки, случайно попавший сюда, смущенно опустил голову, и дед устремил на него свои проницательные глаза.

— Да, вот, кстати... — сказал дед и указал всему собранию на племянника соседки.

— В то время, когда все мы так голодаем... — пропищал возмущенно дядюшка.

Племянник соседки поднял умоляюще глаза на маленькую мышь, и она перевела свет в сторону.

— Господа!.. — громко прокричала она, так как поднялся ужасный шум, — он не виноват, он сам голоден так же, как и мы...

Мыши с любопытством посмотрели на нее, и она смущенно замолчала. Он, действительно, был здесь ни при чем и, в скором времени, его оставили в покое. Маленькая мышь несколько раз встречалась с его горящими благодарностью глазами и вздрагивала от волнения.

Собрание затянулось далеко за полночь, и последнего слова, принадлежавшего дядюшке, маленькая мышь уже не слышала. Изнемогая от усталости и голода, она крепко уснула.

Была уже глубокая ночь, когда она проснулась. Все собрание давно разошлось. Ей приснился удивительный сон, как-будто сама королева мышей посетила ее нору, а два ее сына, молодые королевичи, втащили к ней в нору целый мешок сала, и она так много ела во сне, что сразу почувствовала, будто она сыта уже на добрую неделю.

Но все это ей только показалось, потому что через минуту она почувствовала ужаснейший голод и слабость во всех четырех лапках. Кусочек гнилого дерева освещал ее норку, и она увидела, что никого из ее близких здесь уже нет. Сердце ее испуганно забилось и, вся дрожа от страха и холода, она выползла из норки и побежала по полю.

На дворе, как и все эти ночи, шел дождь, и вокруг нее ничего нельзя было разобрать. Но, вдруг, гул и писк мышиных голосов привлек ее внимание, и она побежала в сторону жилища соседки.

Здесь творилось нечто невообразимое, неподдающееся описанию. Богатая норка соседки была до основания разорена, а все запасы скупой мыши были съедены.

Маленькая мышь увидела своего дядюшку. Он вертелся возле соседки и громче всех кричал своим пронзительным голосом:

— Всех веди, всех нас веди!.. — услышала маленькая мышь и испуганно схватилась за сердце. Несмотря на все унижения, пережитые от соседки, мышке стало очень жаль ее, когда она увидела ее всклокоченную шубку, помятые окровавленные уши и полные слез глаза.

— Ах, ах! — стонала соседка, — я не знаю, чего вы от меня хотите, я не знаю...

Но она просто хитрила и притворялась, потому-что, когда молодые и старые мыши обступили ее со всех сторон тесным кольцом, она, обессиленная и выведенная из себя, крикнула им не своим голосом:

— Ну, идите, идите!.. я покажу вам... только...

Но тут она уже не выдержала и горько зарыдала. Маленькая мышь бросилась к ней, тоже вся обливаясь слезами и горя желанием помочь ей, но ее сдавили со всех сторон, и она осталась далеко позади. Она увидела совсем незнакомые лица громко кричавших над ее ухом мышей, услышала незнакомые голоса и беспомощно заплакала. Возвращаться обратно одной в норку ей было страшно, идти-же ночью вместе с толпой было неприятно и, не зная, что делать, маленькая мышь схватила первого попавшегося мышенка за хвост и притянула к себе.

В темноте она не разобрала, кто это и только, когда совсем близко около ее лица мелькнули черные глаза, она узнала племянника соседки.

— Это вы?.. — прошептала она, — не уходите от меня, мне одной страшно...

Мышенок тоже был один и обрадовался маленькой мышке не меньше, чем она ему. Они пошли рядом, чувствуя себя в полной безопасности. Впереди них гудела толпа, но им не было уже страшно.

В темноте они долго шли по полю, в некоторых местах переходя вброд через лужи воды. Дождь все время падал на их шубки и, если-бы не теплая одежка, они давно-бы закоченели от холода.

Но когда они прошли уже все длинное поле, соседка вдруг остановилась и жалобно заплакала.

— Я не помню дороги! — сказала она, но ей никто не поверил, и

угрожающие голоса заставили ее идти дальше. Они вошли в лес и долгое время брели по мокрым листьям и воде. Казалось, этому путешествию не будет конца, и маленькая мышь, запыхавшись, оперлась на лапку своего провожатого.

Соседка остановилась еще раз возле широкой дороги, и они увидели большой белый дом, где жили люди.

— Мы пришли! — прошептала про себя соседка и тяжело вздохнула. — Слушайте-же меня! — громко и сердито крикнула она всем, неотступно преследующим ее.

Маленькая мышь вдруг увидела своего деда, мать, отца, всех своих родственников, и радостно подбежала к ним:

— И я здесь! — радостно запищала она.

Соседка захлопала в ладоши, и все замолчали.

— Слушайте же меня! — крикнула она оробевшим мышам. — Сейчас вы пришли сюда только по моей милости, так помните-же: если вы будете шуметь, если вы будете лезть прямо на глаза людям, вы лишитесь возможности ходить сюда, да, кроме того, вас подавят здесь и вы пропадете, как пропала в прошлом году серая бабушка...

Вся толпа мышей всколыхнулась от неожиданности и волнения, так как до сих пор никто еще не знал, где девалась серая бабушка.

Маленькая мышь прижалась к матери и ни на минуту не отставала от нее. Сердце у нее замирало от радости и страха, она уже чувствовала запах сала, свежего хлеба и других вкусных вещей.

— Идите сюда!.. — повелительно крикнула соседка, и мыши все разом ринулись под крыльцо дома. — Не все сразу!.. — сердито запищала мышь.

— Не все сразу, не все сразу! — азартно закричал дядюшка, и маленькая мышь увидела его обрубленный хвостик, быстро исчезающий в прогрызенной в стене дырке. Она влезла последняя, пропустив вперед мать и деда. Теплый воздух защекотал ее ноздри, и она вся потянулась вперед, ощущая под лапками деревянный пол.

Боже, что за шум и возню подняли мыши, забыв предостережения соседки. Теперь никакие силы не могли уже удержать их, они ринулись во все стороны, нюхая воздух, громко ссорясь, и отнимая друг у друга пищу. Сколько времени они страдали от голода, а скупая соседка так и не обмолвилась до сих пор никому о таком мышином рае.

Да, это был настоящий рай!.. Первая комната, куда они попали, была столовая. Громадный буфет был плотно закрыт, но разве долго или же трудно им было прогрызть в нем дырку?

Маленькая мышь была точно во сне и, припав к кусочку жареного мяса, не отрываясь, глотала пищу. Какое наслаждение испытывать, как постепенно наполняется голодный желудок и проходит голод! И только совсем уже утолив свой голод, она вылезла из буфета и осмотрелась вокруг.

Розовый свет от ночной лампочки лился из соседней комнаты, высокие стулья и желтый диван стояли возле стенки. Она пискнула от восторга и побежала к мышам. Многие из них уже наелись и бегали, чувствуя себя здесь как дома.

Маленькая мышь взлезла на спинку дивана и кубарем скатилась на пол. Здесь было так тепло и мягко, что она проделала это несколько раз. Рядом с ней бегал племянник соседки и толкал ее лапкой. Они бегали взапуски вокруг дивана, стараясь поймать друг друга за хвостики, вокруг стола и стульев.

А после, набравшись храбрости, они забежали в спальню и взлезли на кровать. Здесь было еще веселее, и они начали бегать по одеялу и спящему человеку. Слова соседки давным давно были забыты, и маленькая мышь становилась все смелее и смелее.

— За мной! — пропищала она, и они вдвоем взбежали на голову человека и запутались в теплых, мягких волосах.

— Ай! — закричала испуганно маленькая мышь, — ай, ай!.. спасайте меня, я не могу выбраться!..

Но, было уже поздно. Племянник соседки упал на пол, а громадное туловище перевернулось на кровати и чуть не раздавило маленькую мышь. Горячие пальцы человека схватили ее и с силою сжали.

— Ай-ай!.. запищала маленькая мышь, — ай-ай, вы раздавите меня!..

Человек разжал пальцы и, в свою очередь, страшным голосом закричал:

— Здесь мыши, ай-ай!..

На другой кровати зашевелился другой человек и чиркнул спичкой.

Маленькая мышь напрягла все свои силы, работая лапками и стараясь высвободиться из волос, но все ее усилия были напрасны. Она почувствовала опять чьи-то руки и кто-то с силою сбросил ее на пол. Она ударилась грудью и на минуту потеряла сознание. — Я умираю!.. — пронеслось в ее голове, но после она снова очнулась и, пошатываясь, побежала в столовую. Как сквозь сон, она слышала, как ринулись к дырке все сразу мыши, как поднялась там ужасная давка, но она едва уже сознавала, что происходит вокруг нее.

Она видела, как громадный человек встал с кровати и пошел в столовую со свечею в руках и услышала плаксивый женский голос из спальни:

— А я тебе говорила, нужно завести кошку, вот видишь, целое нашествие мышей!..

Маленькая мышь испуганно спряталась за ножкой стола и подождала, пока человек, осторожно ступая по полу, подошел к буфету и постучал дверцей. Последние мыши с шумом исчезли в дырке, и

человек, зевая, громко выругался им вслед. Он не заметил маленькой мыши, и она услышала нечто ужасное:

— Сегодня-же достану кота, пусть поохотится на вас!..

Впрочем, может-быть, кто знает, это ей показалось со страху.

Маленькая мышь последняя покинула дом. На дворе рассветало, и она побежала домой. Она бежала, едва переводя дыхание, вся горя желанием предупредить мышей, рассказать всем о страшных словах человека.

Неизвестно, успела-ли она рассказать, только в доме человека в тот-же день появился пестрый кот. Он лениво потягивался, ложился на пуховые подушки и мечтательно щурил зеленые дьявольские глаза.

СЛЮНЯВКА

Вот и на лютике тоже слюнка! Ветер качает ее вверх и вниз. Пусть себе думают, что это кукушкина слюнка качается, тем лучше, или же, что это кто-то нарочно наслюнил на траву и цветы.

А на самом деле это совсем и не кукушкина слюнка, а домик, да какой смешной, на самом верху стебелька, под цветком лютика!

Сколько уже цветов вокруг! Теперь утром и не проберешься среди них по лугу, чтобы не утонуть в росе!.. А деревья!.. Ни одной почки не осталось на деревьях, нераскрытой солнцем.

А вот и гость! Хитрый муравей притаился за листиком и по стебельку подкрался к слюнке. Голова большущая, челюсти страшные... раскрыл их, протянул лапки и стал ощупывать.

— А кто здесь спрятался, хорошо было-бы его скушать!..

Слюнявка — это был ее домик, по настоящему — слюнявая пенница, но это уже слишком длинное название для такой крошки, от страха замерла у себя в домике и, чтобы никто не видел ее, столько напустила вокруг себя пузырьков, что совсем исчезла среди пены.

Муравей потрогал лапками один пузырек, другой, и стал ломиться прямо через слюнку, но вдруг... фу-ты!.. сразу же увяз весь — лапки, усы, даже брюшко стало мокрым, и скорее повернул обратно.

А слюнявка так наслюнила вслед муравью, что с лютика даже капать стало. Ну да пусть капает, это так, на страх врагам, чтобы не мешали расти слюнявке!

Не так просто вырости ей, чтобы стать настоящей взрослой слюнявкой пенницей с сильными крылышками и крепкими ножками. Ведь она была еще только личинкой со слабыми лапками и совсем неразвитыми крылышками.

Вот и в это утро, не успела слюнявка оглянуться, как увидела вдруг возле своего домика осу-хищницу.

Оса летала вокруг слюнки и не знала еще, с какой стороны легче забраться к слюнявке. Наконец, села недалеко от лютика и спряталась в цветах.

Слюнявка чуть-чуть высунулась из домика, чтобы посмотреть,

куда девалась оса, как вдруг оса заметила ее и бросилась к ней. Вот когда пригодился слюнявке ее домик.

В одну секунду она спряталась и заперлась на тысячу замочков из пузырьков пены.

Оса остановилась в недоумении и начала прислушиваться, что делается в домике.

Сразу можно было сказать, что она настоящая разбойница. Рыльце злое, усиками поводит и брюшко — туда-сюда. Подошла к замочку, протянула лапку и надавила на него, а там оказался не замочек, а пузырек — хлоп... и лопнул!.. Так и надо!.. — Прямо в рот разбойнице. Сразу усы, голова стали мокрыми, а на месте замочка вырос новый пузырек, один, другой, третий... Ага!.. Попробуй-ка теперь добраться до слюнявки!..

Ничего не поделаешь! — Зажужжала оса и полетела не солоно хлебавши.

Врагов сколько угодно у слюнявки, — куда ни глянешь — там и враг. Всем хочется полакомиться вкусной личинкой.

Вот и птичка!.. Только заметила на лютике слюнявку, как сразу-же спустилась с веточки.

— Пик-пик, а кто здесь живет?..

Слюнявка прижалась к самому стеблю, вся съежилась и снова напустила пены. А птичка всунула свой тоненький клюв в пену и стала искать, куда спряталась слюнявка. Может-быть и нашла-бы слюнявку, как вдруг вся наерошилась и чихнула — один раз, другой... Так ей и надо! Пусть знает, что не так легко скушать слюнявку. Повернулась птичка и улетела прочь.

Только этого и нужно было слюнявке. Пока к ней подбирались со всех сторон всякие враги, она все росла да росла, становилась все больше и крепче. И, наконец, совсем выросла и превратилась в слюнявую пенницу. А теперь уже домик ей больше и не нужен.

Она вылезла из пены и, вся мокрая, притаилась на стебельке лютика.

Ну, и денек!.. Красная смолка так и горела, вся обливаясь липкой смолой. Ромашка и гвоздика сияли на солнце. Все цветы на лугу расцвели ко дню ее выхода из домика.

Слюнявка вытерла мокрую спинку о листик лютика и высунулась на солнце. Ее кожица темнела и делалась все зеленее и зеленее, пока не слилась в один цвет со стебельком лютика и травы.

Теперь ей уже не нужна больше пенистая слюнка. Она уперлась крепкими ножками в стебелек лютика, расправила крылышки и прыгнула далеко в траву.

Только ее и видели!..

Оса остановилась в недоумении и начала прислушиваться, что делается в домике.

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

У ДРЕВНИХ НАРОДОВ лебедя считали священной птицей, а о лебеде-кликуне создалась даже легенда. В ней говорилось, будто лебедь-кликун поет в своей жизни один только раз, перед смертью.

....

Стая лебедей-кликунов несколько лет подряд прилетала на зимовку к одному озеру. Озеро было бурное и пенистое. Даже зимой оно не успокаивалось и не замерзало. Вода прорывалась откуда-то из глубины гор и будоражила его.

Вожаком этой стаи был необыкновенно красивый лебедь, превосходящий своим ростом и силой всех лебедей стаи. Он сверкал в воздухе ослепительно белыми широкими крыльями и плавно опускался на воду. За ним опускалась и вся стая.

Озеро шумело, его синяя холодная вода всякий раз недружелюбно встречала лебедей.

Но лебеди не боялись холода. Густой пух и плотные перья как панцырь защищали их.

Лебедь-вожак спокойно плавал по озеру рядом со своей подругой, такой же белоснежной, как и он.

Волны слегка раскачивали лебедя и его красивая голова на стройной гордой шее далеко была видна на воде.

Но, когда поднимался снег и с гор начинал дуть ветер, лебедь размахивал крыльями и трубил. Его сильный голос разносился по озеру и предупреждал стаю о грозящей опасности. Снег сыпался откуда-то из-за гор и был колючий и острый, как-будто насквозь пронизанный морозом.

Теперь возле берега, где больше всего было пищи, озеро начинало покрываться слоем льда. Их пищей были водяные растения, мелкая рыбешка, ракушки, черви и другие мелкие водяные животные. Они водились на дне озера, где вода была мельче.

Лебедь-вожак шлепал ногами по воде, махал крыльями и разбивал тонкий лед. То-же делала и его подруга и вся стая.

В эту зиму ветер беспрестанно дул с гор, а мороз с каждым днем

становился все свирепее и злее. Но озеро еще держалось. Только возле берега тонкий слой льда становился все толще и шире.

Лебеди уже не могли разбить его своими могучими крыльями и, уступая морозу часть своего места, отплывали на середину озера.

Лебедь-вожак тоже отплывал, но он отплывал не сразу. Он приближался вплотную к ледяной преграде и изо всех сил наступал на нее белой могучей грудью. Ему казалось, что он может оттеснить лед.

Он бил по льду крыльями, ломал перья, сердито кусал лед крепким клювом и понемногу отступал. Его сломанные перья плавали по воде, как хлопья снега.

Лед становился все крепче, толще и все ближе надвигался на середину озера.

И вот, однажды ночью, разразилась буря. Мороз и ветер яростно бушевали над озером, увлекая с гор снежные глыбы.

Вся вода в озере, даже на середине, где было сильное течение, покрылась кусками разбитого, как стекло, льда. Он со всех сторон надвигался на лебедей и все теснее и теснее окружал их.

Лебедь-вожак вышел из воды. На его груди висело ледяное кружево. Он тяжело поднялся на лед и, неуклюже ковыляя, пошел по снегу.

Было совершенно темно, ветер налетал на него, трепал перья и, поднимая с земли тучи мелкого снега, слепил глаза.

Лебедь вытягивал далеко вперед шею, как-будто искал воду и неуверенно, потеряв гордую осанку, шел вперед. Буря сшибала его с ног, он скользил по льду и падал. Но воды нигде не было, всюду был только снег.

До него донесся из темноты тревожный голос его подруги. Она жалобно звала его. Услыхав ее призывный крик, лебедь повернул обратно к озеру и поспешно заковылял на ее призыв.

В темноте вся стая, покрытая снегом и льдинками, ждала его. Лебедь подбежал к подруге и, протянув далеко к ней шею, клювом нашел ее голову.

И вдруг, он шумно стряхнул с себя снег, бряцнув ледяным кружевом, гордо выпрямился и, откинув назад голову, запел сильным чистым голосом.

Озеро со стоном замерзало, а лебедь все пел и пел, заглушая своим голосом треск льда и вой бури.

К его пению присоединилась хором и вся стая.

Они подхватили его одинокую песню, и их печальные голоса торжественно зазвенели среди снежной бури.

Они стояли друг около друга, вытянув к небу длинные шеи и, закинув головы вверх, хором жалобно пели. Их сильные голоса звенели как серебряные колокола.

Буря налетала на них и ломала белоснежные перья. Она обсыпала

их сухим, колючим как песок снегом и с шумом исчезала в темноте.

Но они не замечали ни бури, ни надвигающейся на них голодной смерти и горестно продолжали петь. Казалось, что они прощались со всеми, кого-то оплакивали и, полураскрыв крылья, куда-то улетали, безвозвратно оставляя землю.

Это и была та, овеянная когда-то легендой, последняя лебединая песня, пропетая ими в предсмертный час.

....

Но, утром, буря унеслась в горы, и неожиданно подул теплый ветер и сломал лед над бурной водой озера. Лебеди теперь снова спокойно плавали среди воды и, опустивши длинные, гибкие шеи глубоко в воду, беспечно искали себе пищу.

ОСА ПЕЛОПЕЯ

ПАУЧИХА выбрала себе место для гнезда на полянке возле старой кривой сосенки и ночью, незаметно для всех, взобралась по стволу к ее верхушке и начала строить здесь свою сеть.

Это была хищная, жадная и ненасытная паучиха-Крестовик. На ее круглой коричневой спинке, как знак смерти для всех маленьких и больших насекомых, был нарисован большой белый крест.

Никто из маленьких обитателей полянки и не подозревал, какая угроза уже нависла над ними. А что за разнообразное и густое население было на полянке!

Под каждым листиком и веточкой кто-нибудь да прятался или был здесь чей-нибудь домик. Возле каждого кустика, травки и камешка жили в норках кузнечики и сверчки. А сколько в воздухе носилось ночных бабочек, комаров, жуков!.. Вся полянка так и кишела, полная жизни и звуков.

Паучиха недаром выбрала себе здесь место. Старая сосенка уютно стояла на краю полянки и протянув ветки, манила к себе всех. Луна причудливо набросила на нее свой наряд и она, склонившись, задумчиво смотрела на вереск.

Паучиха взобралась вверх на ее ветки и выпустила свою первую шелковую нитку. Она вытягивала ее из конца своего брюшка, из крошечных, как в сите, отверстий. Казалось, у нее был неисчерпаемый запас паутины.

Паутина без конца выделялась у нее в виде густой жидкости и, мгновенно застывая в воздухе, тянулась тончайшими нитями.

А, когда ей нужно было протянуть паутину далеко к противоположному дереву, она пускала тончайшие нити по ветру, не свивая их вместе. Легкий ветерок нес их по воздуху и цеплял за ветки.

Так она перебрасывала свой первый воздушный мост. Теперь, легко перебегая с одного дерева на другое, она растягивала между ними воздушную сеть.

Как точно она наметила центр паутины и протянула от него во все стороны лучи-радиусы! А, как искусно и ловко она набросила на них легкую прозрачную спираль с липкими петельками!

Она с гордостью осмотрела свою постройку. Вот когда, наконец,

был готов ее воздушный замок! Луна озарила его, и он весь засиял, освещенный, как свечечками, каплями росы.

Паучиха поместилась в центре сети и, повиснув вниз головой, неподвижно замерла, выжидая добычу.

Первым гостем прилетел к ней длинноногий комар и поймался на липкую петельку. Напрасно он хотел освободить свои тонкие лапки.

Паучиха дернула свою шелковую нитку, и он сразу весь запутался еще больше в ее липких узелках. Быстро подбежав к нему, она крепко обкрутила его шелковой ниткой. Теперь, связанный, он не мог пошевельнуться, и она легко потащила его к себе на середину паутины, где жадно и полакомилась им. То-же случилось и с мухой, бабочкой-белянкой и многими другими — она всех их без разбора пожирала.

Но, однажды, на ее уединенное жилище набрел паук-крестовик, такой же хищник, как и она, с белым крестом на спине.

Он увидел ее еще издали и, не приближаясь близко к ее воздушному замку, взлез на куст бересклета.

Паучиха заметила паука и сердито затанцевала, тряся натянутую паутину. Паук, казалось, только и ждал этого. Он поспешно поднялся по ветке вверх и быстро стал наводить свой воздушный мост к паучихе.

Однако, он напрасно надеялся на любезный прием. Когда он хотел перебежать к ней по мосту и был уже на пол-пути, паучиха свирепо набросилась на него.

Паук стремительно упал вниз и повис, качаясь на нитке. Выждав немного, он снова стал подниматься по своему канатику к паучихе. Не доходя до нее, он остановился, опустил хвостик вниз и поднял передние лапки вверх. Этим он хотел показать паучихе, что непрочь познакомиться с нею.

Паучиха повернулась и более благосклонно взглянула на него. Этого было достаточно для паука, он сразу же, быстро и игриво покачиваясь из стороны в сторону, смело перебежал через мост.

Паучиха больше не прогоняла его, и он поселился в ее воздушном замке.

На полянке было жарко. Солнце торопилось благословлять всех подряд, не обращая внимания ни на что. Цветы поворачивали головки и с нетерпением ждали новых свадьб. И, наконец, ветер, веселый священник, неожиданно прилетел с юга и, сгоряча, сразу прикрыл всех своей жаркой рясой.

Вот когда началось уже настоящее веселье: танцы, пение и музыка продолжавшиеся до самой ночи. И даже при лунном свете, когда осветился уже весь многоэтажный дом пауков, еще не прекращалось веселье.

Теперь только к музыкантам, игравшим на полянке, присоединились комары и, приплясывая в воздухе головокружительный танец, с

жаром дули в свой гобой, оглашая всю поляну музыкальным звуком.

Это был настоящий концерт. Даже маленькая зеленая квакша, древесная лягушка, увлеченная общим весельем, присоединилсась к оркестру и от всего сердца запела своим трогательным контральто одинокое соло.

Но скромнее всех была свадьба пауков. Несмотря на их великолепный дом, залитый светом, у них не было своей музыки и своего пения. И пара самодовольных и круглых как шар новобрачных, спустившись по шелковой лестничке, с любопытством подсматривала чужое веселье.

И было на что посмотреть. Черный сверчок, быстро взбежав на песчаный холмик, широко расставил лапки и, упав грудью перед сверчихой прямо в песок, хотел заиграть ей свою серенаду, но, от избытка чувств, вдруг лишился своего чудесного дара и кроме трения, как на тертушке, у него ничего не получилось. Тогда, сконфуженный, он вскочил на лапки и стал приплясывать на одном месте неизвестный танец.

Луна потушила на полянке свечечки, музыка затихла и водворилась тишина. Свадьбы отыгрались и на горизонте начал бледнеть рассвет.

На утро, паук и паучиха снова принялись за работу. Они спрятались от всех в укромное местечко своего гнезда и, повиснув вниз головой и вверх лапками, терпеливо стали выжидать добычу.

— Дззз!.. — раздавался телеграфный звук, и паук весь вздрагивал и мчался по своей воздушной дороге к жертве. Запутавшись в шелковых проводах, она телеграфировала ему о своей беде. Он набрасывался на нее и жадно пожирал ее.

Паучиха в свою очередь, с другого конца гнезда набрасывалась на другую жертву и поедала ее. И оба паука, похлопывая себя по жирному брюшку, опять повисали головой вниз и блаженно замирали.

Но, как возмущались и негодовали комары, мухи, бабочки и все маленькие обитатели полянки и как трепетно ждали избавления от пауков.

А когда однажды попал в паутину зеленый кузнечик, веселый музыкант-скрипач, их негодованию не было конца.

Они видели, как кузнечик беспомощно дрыгал лапками, повиснув в паутине и как долго старался вырваться на волю.

Пауки набросились на него с двух сторон и хотели связать его своей крепкой веревкой. Но он ударил их сильными лапками, и они отскочили от него в разные стороны.

Бедный музыкант теперь забился в паутине, из всех сил стараясь освободиться из нее. Но паучиха, неожиданно подпрыгнув, ловко набросила на него петлю. Связав его лапки, она обмотала его липкой паутиной и, обезоружив, убила.

О, это была ужасная смерть, и все долго не могли забыть о ней!

Но всему бывает конец. Муха-стрекотуха, бестолковая особа, прилетевшая откуда-то издалека, стала рассказывать всем, что и у пауков есть свой враг, сильнее их. Никто так и не понял, о чем она болтала. Но возмездие таки пришло. Избавительницей была красавица Пелопея, необыкновенная оса.

Она появилась над полянкой в бархатном платье черного цвета с яркими желтыми кольцами на брюшке и, сверкнув нарядными крыльями с красной каймой, пролетела над замком пауков.

Паук и паучиха сразу-же заметили ее и трусливо спрятались в сторожевой будке. Оса стремительно пронеслась мимо них, неся в своих длинных лапках паука.

Они видели, как она с трудом втащила его в свое песочное гнездо и, отложив прямо на живот паука яичко, улетела за новой жертвой. Так она заготовляла запас пищи для своего будущего ребенка.

Зеленый кузнечик, сверчиха и многие другие тоже увидели это гнездо с парализованным осиным ядом пауком и от чрезмерной радости и пляски едва не поломали себе лапки.

Солнце уже не грело, а палило. Даже кривая сосенка, не выдержав и согнувшись еще больше, выливала прямо на землю свои смолистые духи. Цветы, расстегнув яркие платьица, задыхались на солнце, трава желтела, и только кузнечики, как ни в чем не бывало, пиликали на своих скрипках.

И в этот жгучий томительный полдень, мелькнув где-то на солнце, прорезав как молния горячий воздух, опять прилетела на полянку красавица Пелопея.

В своем строгом бархатном платье с длинной талией, перетянутой желтыми кольцами, и нарядными яркими крыльями, она влетела в воздушный замок пауков.

Бабочки сразу же перестали сосать мед и замерли от радости. Кузнечики смолкли, выронив свои инструменты на землю, а сверчиха, забыв всякие приличия и хорошие манеры, проворно взлезла на зверобой, самый высокий цветок на поляне, и с верхушки его уставилась на дом пауков.

Паучиха выскочила из своей сторожевой будки и с ужасом помчалась под крышу. Оттуда она хотела еще бросить свою веревку и головой вниз скатиться на землю, но не успела.

Оса быстро схватила ее своими длинными лапками и стремительно нанесла ей меткий удар жалом. Спрятав жало, она схватила паучиху сильными челюстями и, поднявшись на воздух, исчезла в лучах горячего солнца.

Паук-крестовик, увидев смерть своей подруги, быстро бросил вниз веревочную лестницу и, высоко подобрав круглое брюшко, стал изо всех сил убегать. Как неловко и смешно он удирал! Он падал, спотыкался в траве и при общем ликовании, наконец, исчез в траве и кустах.

Но, не только он оставил полянку, — все пауки и паучихи, почуяв опасность, бросились в бегство. Они в ужасе оставляли свои дома, запасы пищи и, куда видно, убегали прочь.

Вот, когда воцарилась настоящая радость и веселье на полянке! Все мухи, комары, мушки, жучки, бабочки, сверчки и кузнечики, все приняли участие в весельи.

А одна муха даже совсем сошла с ума от радости. Разогнавшись на всех парах, она влетела в пустой дворец Крестовика и, пробив насквозь головкой шелковую стенку, при общем одобрении и смехе кувыркнувшись в воздухе, вылетела назад. Она несколько раз проделала этот фокус и своим примером заразила и других мух. Они стали разорять дворец паука. Вот вам и мухи! Какие жалкие тряпочки и клочки остались только на сосенке от великолепного здания пауков!

ЗЕЛЕНЫЙ ШАР

СТАРИКАШКА выпрямился во весь свой рост и подул так сильно, что еще раз сковал все морозом, но никто его уже не испугался. Он важно прошел мимо окон и стукнул сосновой веткой в последнее окошко, завешенное серым одеялом. Он знал, кому стучать.

Все трое детей проснулись в ту-же секунду, а самый маленький громко крикнул:

— Кто стучит?.. Ему было три года.

Старикашка рысцей перебежал на теневую сторону тротуара и дети видели из окна, как он исчез за домом.

Солнце уже грело и было так тепло, что петух на заборе кричал во все горло:

— Верьте, не верьте, весна!..

Все трое детей выбежали на улицу и высунули вдогонку старикашке язык.

— На-на!.. весело кричали они, и воробьи тоже чирикали на тополе:

— На-на!..

Старикашка повернулся лицом и строго погрозил всем веткой, ветка была вся белая от мороза. После он спрятался за угол дома и не появлялся уже совсем.

А по тротуару шел человек и нес разноцветные шары. Они все рвались в воздух, и человек шел и размахивал руками, боясь улететь вместе с ними.

Но самый красивый шар был зеленый. Это уже был действительно необыкновенный шар.

Солнце все освещало одинаково, но зеленый шар был освещен ярче всех и как петух кричал детям:

— Верьте, не верьте, весна!..

Этот зеленый шар и купила женщина самому маленькому из детей. Она дала ему в руки шар и сказала:

— Держи за ниточку крепко, а то улетит!..

Маленький уцепился за него обеими руками и никому не хотел дать его подержать. Лицо у него было круглое и счастливое и сам он был похож на красный шар.

Старшей из троих была девочка, ей было уже семь лет, и ей больше, чем всем другим хотелось подержать шар. Она просила маленького:

— Дай только на секундочку, я попробую, как он вырывается, но маленький кричал:

— Не дам, не дам никому, — мой шар!.. — И он никому не давал.

Девочка была тоненькая, как спичка и упрямая, как стебелек. Она стояла возле водосточной трубы и все время просила:

— Дай на секундочку, дай на секундочку!..

Голуби ходили по карнизу над головой у девочки и ворчали:

— Глупая, глупая девочка!..

Курица тоже расхаживала по улице и презрительно говорила ей:

— Охота тебе...

Но девочка не слышала или-же не хотела слышать. Маленький носил шар всюду за собой и, чтобы не выпустить его, зацепил за единственную пуговицу, которая как глаз торчала у него на животе.

Рот у него не закрывался, и он шагал направо и налево, налево-направо. Напрасно вороны кричали ему:

— Закрой рот, а то мы влетим тебе в рот!.. Маленький не закрывал рта и шел прямо по лужам.

Зеленый шар был так красив, что ни один человек не прошел мимо, чтобы не сказать:

— Вот так шар!.. И маленький с гордостью посматривал на шар.

За маленьким шла девочка и упрямо просила:

— Дай, ну, дай на секундочку!.. Так они шли и шли.

Когда они остановились наконец, их было уже не трое, а двое. Улицы были чужие, а желтая собака с хвостом, как палка, грубо сказала им:

— Ну, ну проходите, нечего тут останавливаться!.. Глаза у нее были сердитые, как у дворника, и дети испугались и пошли дальше.

Вероятно, они зашли очень далеко, потому-что, когда они хотели повернуть обратно, они не знали, в какую сторону им идти. Все дома были так похожи друг на друга, что трудно было их различить, но их дома не было здесь.

— Видишь, сказала девочка, ты все уходишь и уходишь от меня и зашел теперь неизвестно куда, и она рассердилась на мальчика.

Пуговица расстегнулась на пальто у мальчика, и зеленый шар чуть-чуть не вырвался и не улетел.

Мальчик не умел застегнуть пуговицы, и ветер дул ему прямо в живот. Все-таки, он и теперь не дал шара девочке. Напрасно девочка строго сказала ему:

— Ну, дашь ты мне или нет.?. Он не дал ей шара, и они пошли дальше.

И вдруг дома кончились и вместо улиц началось поле.

— Теперь мы уже не найдем нашего дома!.. — сказала девочка, но мальчик не обратил внимания на ее слова.

Снег у него проваливался под ногами, и он барахтался в воде и смеялся. Солнце грело, и детям не было холодно.

Но, когда они зашли уже так далеко, что ни один человек не шел им навстречу, они устали и озябли.

Солнце вдруг опустилось куда-то вниз и закрылось от них белой занавеской. Над полем поднялся туман. Птиц уже не было и только вороны кружились и сердито каркали:

— Так вам и надо!..

Мальчик остановился и сел прямо в снег, а зеленый шар рвался в небо и дергал деревянную пуговицу.

— Теперь можно?.. робко попросила девочка и потянула за ниточку. Деревянная пуговица оторвалась, и зеленый шар остался в руках у девочки. Лицо ее засияло от счастья и радости.

И вдруг, они разом увидели старикашку, который шел по полю, согнувшись в три погибели, все с той-же сосновой веткой в руках и чему-то тихонько посмеиваясь.

— Отдайте мне ваш шар, сказал он, останавливаясь против детей, и махнул на них сосновой веточкой.

— О, нет, нет!..— испуганно вскрикнула девочка,— и не просите... И она прижала шар к себе так крепко, как только могла.

Снег посыпался на детей, и кончики пальцев на руках и ногах застыли у них.

— Так вам и надо!.. — захихикал старикашка и повернулся к ним спиной.

— Так вам и надо!..— Закаркали голодные вороны и закружились над детьми.

Снег расстаял на шаре, и шар стал еще зеленее и ярче.

— Хитрый, сказала девочка, — отдать ему шар...

И они встали и пошли дальше. Без солнца было холодно. Старикашка спрятался за холмом и дул оттуда, что есть силы, чтобы заморозить детей. Ноги у детей совсем обмерзли, и они едва могли идти.

— Если мы пойдем направо, сказала девочка, — мы наверное найдем наш дом.

И они повернули направо. И как только они повернули направо, они увидели опять старикашку, который бежал прямо на них и уже не смеялся.

— Смотри!.. — крикнула с испугом девочка, — он опять бежит к нам!..— И они спрятались за холмиком.

Старикашка подбежал к холмику и заглянул туда и сюда, но детей не нашел.

— Выходите, — крикнул он, — все равно найду вас и отниму шар!..

Перебежали дети на другую сторону холмика и присели. Ох, как

страшно стало им. Что, если найдет их старикашка и заморозит, чтобы отнять у них шар?.. А как будет плакать за ними мама, когда узнает, что их заморозил злой старикашка?

И только они присели по другую сторону холмика, как услышали шаги. Подкрался к ним старикашка с другой стороны и крикнул:

— А, вот они где!.. — И быстро направился к детям.

Подбежал он к мальчику первому и больно ударил его сосновой веткой, после подбежал к девочке и стал отнимать у нее шар.

— Я-таки отниму у тебя, глупая девочка, шар!.. — И он больно схватил ее за руку.

Потекли у девочки из глаз слезы и она закричала:

— Не дам, не дам тебе шара!.. — Она прижимала шар к себе все крепче и крепче, пока шар — ах!.. и лопнул!.. Вот вам и весна!

Сразу солнышко открыло белую занавеску и осветило все. Сразу трава вылезла из земли и зазеленела, птицы запели — Вот так тепло!.. И потекла вода.

А старикашка открыл рот от испуга, замахал веткой, но ничего у него уже не получилось. Никому от этого не стало холодно.

Посмотрела на него девочка и засмеялась, посмотрел мальчик и тоже засмеялся.

Почернел старикашка, сморщился, а по бороде и усам потекла у него грязная вода. Поднял он руку вверх, хотел еще раз ударить детей, но вдруг, заплакал и прыгнул в канавку.

Посмотрели дети в канавку и рассмеялись. Упал старикашка и задрыгал ногами, вспенивая грязную воду.

Ну, и потекла вода!.. Ну, и зашумело кругом!.. Куда уже там мерзнуть детям! Руки и ноги у них согрелись, глазки высохли от слез, а от радости все запело вокруг.

Посмотрели дети еще раз в канавку, а по воде плыла только сосновая веточка, от старикашки же и след простыл...

Запели они от радости и побежали домой. Хорошо, что они вовремя остановились и не пробежали мимо своего дома.

А на тротуаре стоял третий из детей и кричал им во все горло:

— Где вы были?

Наконец-то они нашли свой дом!..

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДОЧКА

Рождественская сказка

ОДНАКО, как долго не загоралась первая звездочка на небе. Дед Мороз нетерпеливо крякнул и побежал по улице.

Он заглянул в одно окно, другое, третье... Никто еще не садился за стол.

В каждом доме на столе лежало свежее сено, а сверху сена была накрыта белоснежная скатерть. Все ждали появления первой звезды.

Дед Мороз заглянул и в окошко, где жила маленькая девочка.

Девочка смотрела на небо и тоже ждала, когда появится первая звездочка.

Мать сказала ей:

— Сегодня святой вечер, и мы все сядем за стол только с появлением на небе первой звезды.

Уже давно у матери был готов праздничный ужин: постный борщ с маслинами, горячие пирожки с грибами и осетриной, каша со сладким миндальным молоком и компот с винными ягодами, грушами, сливами и абрикосами. Стол был покрыт белой скатертью, а из под нее выглядывало свежее сено.

Ведь и Младенец Іисус Христос лежал на сене, почему и мать, по старинному обычаю, положила сено на стол.

Наконец, на небе вспыхнула первая звездочка. Она загорелась на небе ярко-ярко, засияла вся такими чудесными огоньками, как-будто хотела всем сказать, что завтра большой, большой праздник.

— Первая звездочка! — радостно вскрикнула маленькая девочка.

— Первая звездочка! — весело крякнул на улице Дед Мороз.

И маленькая девочка увидела настоящего, рождественского Деда Мороза. На голове у него была белая меховая шапка, длинная белая борода свешивалась у него ниже пояса. Он держал в руке маленькую елочку, а за спиной у него болтался большой пустой мешок.

— Дед Мороз!.. — вскрикнула маленькая девочка.

Дед Мороз недовольно взглянул на ее окно. Наверное, он не хотел, чтобы кто-нибудь видел его с пустым мешком, — и быстро перебежал через улицу.

На другой стороне улицы, прямо с неба, спускалась на землю тоненькая блестящая лестничка из серебряных нитей. Дед Мороз быстро подбежал к лестничке и начал подниматься по ней к звездочке.

Что за чудо! Лестничка была тоньше паутинки и вся мигала. Это были звездочкины лучи, упавшие вниз на землю, и их приняла девочка за лестничку.

Дед Мороз поднимался все выше и выше. Он был уже так высоко, что девочка едва различала его. Наконец, он достиг звездочки. Ого, как высоко он забрался!

Дед Мороз открыл двери и вошел в звездочкин дом. Нет, это был не обыкновенный дом, а дворец, который весь горел и сиял. Его стены были построены из мигающих огоньков. Они сияли синими, розовыми, красными и желтыми огнями. Крыша его поднималась, как огромная белая шапка, вся сияющая мигающими снежинками. Ах, какой чудесный был это дворец!

В нем были окна как огромные фонари и сияли так ярко, что свет их достигал земли.

Дед Мороз чувствовал себя здесь, как дома. Еще-бы! — его здесь наверное уже ждали, и не успел он еще переступить порог, как со всех сторон к нему подбежали живые игрушки.

Да, они были живые, эти замечательные рождественские игрушки. Так вот где они жили, и откуда брал их Дед Мороз.

Они обступили Деда Мороза со всех сторон и все наперебой спешили поскорее отправиться с ним к детям.

Первый прыгнул в мешок большой резиновый мяч. Он подпрыгнул под потолок, толкнул люстру, упал на пол, снова весело подпрыгнул и спрятался в мешок.

За ним вскочил в мешок паяц. Он кивнул всем головкой, его бубенчики нежно звякнули и он исчез в мешке.

Следующий за ним был Мишка. Он встал с диванчика, где лежал и читал сказку и быстро полез в мешок, что-то ворча себе под нос.

Все хотели поскорее отправиться с Дедом Морозом вниз к детям.

Но больше всех суетилась кукла. Боже, неужели эту куклу принесет Дед Мороз маленькой девочке? Какая радость!..

Девочка вся дрожала от нетерпения поскорее получить ее.

Кукла была в розовом атласном платье, с раскрытым над головой маленьким китайским зонтиком.

Она взволновано бегала вокруг мешка и всех спрашивала:

— Как мне быть? Я боюсь измять в мешке платье и сломать мой зонтик...

Ее большие синие глаза умоляюще смотрели на Деда Мороза. Она очень хотела спуститься на землю не в мешке, а сидя у него на руке.

Дед Мороз озабоченно хмурился. Он помог влезть в мешок толстой Матрешке. Она не знала, с какой стороны ей будет удобнее сидеть.

Всунул в мешок двух голых маленьких пупсов. Посадил белого кота с голубым бантом, маленькую собачку, — она никак не могла впрыгнуть в мешок, — и взял в руки барабан. Барабан был слишком большой и занял-бы много места в мешке, и потому Дед Мороз повесил его себе через плечо.

Книжка с интересными сказками тоже хотела поскорее попасть к детям и, как курица с цыплятами, растерянно бегала, раскрыв все свои страницы с картинками.

Дед Мороз поместил и ее в свой мешок. Оставалась еще кукла, деревянная лошадь, ружье, несколько оловянных солдатиков и две коробки с елочными свечами.

Но вот и они уместились в мешок.

Дед Мороз насунул на лоб шапку и... о, радость! — взял под руку куклу.

— Готово!.. — сказал он и двинулся к двери. Как-бы не оступиться!.. Он осторожно стал спускаться вниз по золотым канатикам. Все ниже и ниже. Прыг!.. — и Дед Мороз на земле.

Он, согнувшись от тяжести, — его мешок был теперь доверху набит игрушками, — подошел к дому, где жили маленькие дети.

Девочка видела, как он открыл своим ключем дверь и вошел туда.

Несомненно, он понес детям ружье и деревянную лошадь с настоящей гривой и хвостом. О, хотя-бы его только не задержали там!.. — Девочка прижалась к оконному стеклу и едва не выдавила его лбом.

Дед Мороз уже вышел из дому и спешил прямо к девочке, к ее дому.

— Сюда, сюда!.. — позвала девочка, показывая пальчиком на дверь.

Вот он и возле окна. И, вдруг, вместо того, чтобы войти в комнату, Дед Мороз сильно, сильно подул в окно, — Фуук, фуук!..

На стекле выросли белые узоры, плотная, как густое кружево занавеска закрыла от девочки Деда Мороза, улицу и дома. Как холодно и темно стало в комнате!..

— Мама!.. — испуганно крикнула маленькая девочка. — Мама!..

В комнату вошла мама.

— Да где-же ты запропастилась, Боже мой!.. все уже давно сидят за столом, а ее нет!..

Она взяла девочку за руку и повела ее в столовую. Ах, как светло было там!..

Посреди комнаты стояла нарядная елка, ослепительно сверкая множеством свечечек, а за столом с белоснежной скатертью уже сидели все, — папа, бабушка и чужие люди.

Маленькая девочка подбежала к елке и замерла на месте.

Под елкой, спрятавшись среди веток, стоял Дед Мороз и улыбался.

В руках он держал большую, как ребенок, куклу с маленьким китайским зонтиком.

— Так вот, куда он спрятался!..

Но теперь уже не так легко будет обмануть маленькую девочку. Она хорошо знает, откуда Дед Мороз приносит детям свои рождественские подарки и, где он достает настоящие живые, интересные игрушки.

Девочка протянула руку к кукле и крепко, крепко прижала к себе драгоценный подарок.

ЗАЙЧИК

ЗАЙЧИХА сердито выгребла лапами снег, заваливший ямку под стогом сена, и поспешно полезла в гнездо.

— Ну и погодка! Кажется давно пора наступить весне, а тепла все нет, да нет.

Она обнюхала маленького зайченка и бесцеремонно толкнула его носом в живот. Все-ли в порядке?..

Он крепко спал на мягкой постели из заячьего пуха и не проснулся даже от ее толчка.

Пусть спит! Она не пожалела для него пуха и нащипала его, сколько могла, из собственной шубки, чтобы ему было теплее.

Зайчиха разлеглась рядом с ним, и ее лапы крепко уперлись в стенку из клевера и цветов таволги и ромашки. Она с удовольствием втянула в себя аромат сухих трав и цветов. Не плохо было-б и закусить уже. Она подняла вверх голову и поймала ртом сухой цветок.

Теперь проснулся и зайченок. Он жадно ткнулся мордочкой в ее живот и капризно забарабанил передними лапками.

Зайчиха недовольно повернула к нему голову с цветком во рту и небрежно лизнула его языком.

Чего ему еще надо? Разве недостаточно для него молока, чтобы быть сытым? Она подвинулась еще ближе к зайченку, и он громко зачмокал в темноте. Она прикрыла его задними лапами, и он скрылся в ее густой шерсти.

В дырку в сене залетали снежинки и, одна за другой, падали недалеко от зайчихи.

Вдруг она подняла уши и испуганно насторожила их в сторону входа. Несомненно, кто-то чужой приближался к их убежищу. Кто-бы это мог быть?.. Зайчиха вскочила на ноги и в страхе прижалась к земле.

В отверстие в сене просунулась занесенная снегом голова большого жирного зайца. Его уши недовольно прижались, а глаза сердито уставились на зайчиху. Долго еще она будет скрываться от него? Ему-уже это порядком надоело. И заяц до половины влез в узкое отверстие в сене.

Ага, вот в чем дело! Здесь остался еще один из зайчат, и из-за него она не может выйти погулять.

Заяц яростно взмахнул лапой над маленьким зайчиком и хотел уже ударить его. Но прежде чем он успел нанести ему удар, зайчиха с молниеносной быстротой ударила зайца по щеке.

Шлеп-шлеп!.. Она шлепала его то по одной, то по другой щеке.

Маленький зайченок от страха забрался в самый дальний угол гнезда и спрятался от своих родителей.

Зайчиха упорно защищала его и под ее ударами большой заяц пятился назад и отступал все дальше и дальше из гнезда, пока его голова не скрылась совсем. Зайчиха таки выгнала его.

Она нашла зайченка в сене и поспешно подгребла его под себя. Нечего уже убегать от нее. Зайченок снова припал к ее соску и, успокоенный, сладко зачмокал.

На седьмой день зайчиха бросила его. Чем не взрослый заяц! Он научился сам умываться и прекрасно сидел на хвостике, как на стульчике. До каких же пор кормить его?..

Она услышала, как под стогом сена зажурчала вода, и ее ноздри уловили запах свежих почек, набухших от весенних соков. Что могло быть заманчивее этого запаха?

Она мельком взглянула на зайченка и направилась к выходу. Ослепительное солнце ударило ей в глаза, и зайчиха сразу почувствовала весну.

Она жадно задышала, поводя во все стороны ноздрями, и нетерпеливо прыгнула в темную проталину.

Впереди стоял лес и оттуда несся запах распускающихся почек. Зайчиха стремительно побежала по направлению к лесу.

Вот, когда зайченок остался совсем один, предоставленный самому себе. Впрочем, не он один, а все зайчата у других зайчих были в таком же положении, как и он. Зайчихи не особенно баловали своих детенышей материнским вниманием и любовью и даже раньше, на третий или четвертый день уже легкомысленно оставляли их на произвол судьбы.

Зайченок проснулся и ткнулся мордочкой в то место, где всегда лежала мать.

А где-же молочко? Он очень хотел кушать, но зайчихи нигде не было. Солнечный луч проникал сквозь отверстие в сене и падал на вытоптанное зайчихой место. Никогда еще зайченок не видел такого яркого света.

Он приблизился к выходу и, весь дрожа на вытянутых лапках, высунул в отверстие свою маленькую голову с длинными ушками и плоским носиком.

— Что это светится так?.. Ай, ай, как тепло!.. — От восторга

он брыкнул задними лапками и выпрыгнул из гнезда. Его лапки сами по себе все брыкались и брыкались в воздухе и вдруг — шлеп!..

Он упал в ямку и окунулся в холодную воду. Зайченок дико рванулся из воды и мокрый выскочил на землю. С его пушистой шубки текла вода. Ох, какой вид! Ничего похожего на прежнего пушистого, как шарик, круглого зайченка.

Вот так дотанцевался на солнышке! Зайченок отряхнул лапки и сел на свой стульчик. Не так-то легко облизать на себе столько воды. Вся шкурка, брюшко, ушки и даже кончик хвоста были у него мокрые. Зайченок сам облизал себе лапки, достал язычком мокрый хвостик и потер лапками ушки.

Ну вот, и опять все в порядке! Солнце обсушило ему спинку и он весело запрыгал по полю. Дальше, дальше, вот бугорок, вот ямка, вот еще кустик. Теперь он уже совсем далеко ушел от гнезда.

А где-же стог сена?.. Все вдруг исчезло, и зайченок беспомощно остановился один среди поля. Он не прочь был-бы уже спрятаться к себе в гнездо.

Но, не успел зайченок повернуть обратно, как над ним вдруг закружилась большая темная птица. Как страшно стало ему! Зайченок совсем припал к земле и слился с прошлогодней травой.

Но страшная птица уже заметила его и кружилась над ним все ниже и ниже. Что-же делать ему?.. Куда спрятаться?..

И вдруг, трах-тах-тах!.. Что-то страшное грохнуло и покатилось в воздухе. Темная птица кувырком полетела вниз. Это охотник выстрелом из ружья убил коршуна.

Зайченок совсем обезумел от страха и изо всех сил помчался по полю. Наконец он упал на землю и, обессиленный, замер на месте.

Как тихо вокруг! Солнце попрежнему светило так, как-будто ничего страшного не случилось. Там и здесь вылазила из земли зеленая травка, самая первая, такая свежая и сочная, как молочко.

И зайченок потянулся к травке и отгрыз стебелек. Очень вкусно, нисколько не хуже молочка. Он съел всю травку вокруг себя и сразу повеселел. Совсем не страшно одному.

Но куда скрылось солнце? Почему вдруг стало так мрачно? Подул ветер, по небу пошли темные тучи, и сразу стало холодно и неприветливо в поле.

Зайченок съежился от ветра и спрятался в ямку. Но и в ямке ему не стало теплее, а ветер дул все холоднее и холоднее. Дул уже так, как зимой. Небо потемнело, и сверху закружились белые снежинки. Неужели зима?..

Зайчик дрожал весь от холода, и его маленькие лапки судорожно скребли землю.

Густой снег повалил с неба, ветер закружил его по земле, исчезла под снегом трава, и вся земля стала белой.

Зайченок совсем застыл от холода и неподвижно сидел в ямке. Теперь-бы погреться в теплом гнезде возле зайчихи-матери. Но где-же гнездо?..

И зайченок вылез из ямки и поскакал по полю искать свой домик. Снег падал на его шубку, и она стала вся мокрая и холодная. Стайка ранних птичек пролетела над ним.

Зайченок не знал, что это прилетели с юга зяблики, и на секунду даже сжался весь от страха, но стайка пролетела и он опять поскакал дальше.

Удивительно, как было еще пусто вокруг, даже полевые мыши попрятались и не выглядывали из своих норок.

Зайченок остановился среди поля. Наверное здесь его домик? — и он прыгнул направо, а может-быть здесь?.. и он прыгнул налево. Он совершенно не знал, куда прыгать и где находится его гнездо.

И вдруг, когда он совсем уже ослабел от холода и не знал, где искать свой домик, он увидел перед собой стог сена. Каким образом он вернулся к себе домой, зайченок не мог понять. Да он и не раздумывал над этим, а перепрыгнул через ямку возле входа, покрытую мокрым снегом, и поспешно полез в гнездо.

Вот где хорошо, наконец! Нет ни ветра, ни снега, ни страшной птицы. Зайченок попробовал облизать свои лапки, но от усталости его глазки сомкнулись и он крепко уснул.

Ночью его разбудила Зайчиха. Она-таки пришла навестить его. От ее влажной шубы неслись тысячи самых разнообразных запахов: поля, солнца, снега, весенней травки и молочка.

Она облизала зайченка своим горячим, широким языком и подставила ему разбухшие от молока соски.

Зайченок жадно припал к ней и с восторгом громко зачмокал. Никогда еще он не чувствовал себя таким счастливым, как сейчас.

Но по мере того, как зайчиха освобождалась от молока, она становилась нетерпеливее и нетерпеливее. Наконец, не дав зайченку как следует высосать все молоко, она вскочила на ноги и, поспешно лизнув его, направилась к выходу.

Зайченок рванулся за ней, но она больно ударила его лапой. Нечего бежать за ней и надоедать ей. Пусть будет доволен, что она покормила его.

Зайченок робко приблизился к выходу и посмотрел вслед ей. Она была не одна. Рядом с нею бежал большой жирный заяц. Они направились в ту сторону, где виднелся лес.

На дворе было темно, на небе светились яркие по-весеннему звезды. Возле самого входа стояла большая лужа от расстаявшего снега.

Зайченок зябко поежился и полез обратно к себе в гнездо. Теперь он был уже осторожнее и умнее.

Так началась его самостоятельная жизнь.

МАЙКА

МАЙКА неуклюже ползла среди травы, волоча по земле свое громадное отяжелевшее брюшко. Она очень спешила и имела озабоченный и смешной вид. Ее маленькая головка казалась еще меньше на большом неуклюжем брюшке, а коротенькие черные надкрылья едва прикрывали верхнюю часть тела.

Ей нельзя было не спешить, она и так опоздала во время приготовить себе гнездышко.

Но вдруг, шмель, весь перепачканный пыльцей и занятый по горло, пристал к Майке.

— Ж-жж!.. — зажужжал он весело, что означало на его языке: — какое такое дело у вас, и куда вы спешите?

И вместо того, чтобы полететь домой, он полез за Майкой.

Вначале Майка остановилась и тоже зажужжала ему в ответ: — ж-жж!.. уходи, я занята!..

Но, когда шмель не обратил внимания на ее сердитое жужжанье и продолжал ползти за ней, Майка не выдержала и брызнула ему прямо в глаза едкой жидкостью. Это означало уже:

— На, получай, если не понимаешь, что я занята и мне некогда!

Хорошо, что природа наградила Майку такой защитой. Шмель вначале опешил, но после рассердился и сразу улетел подальше от такой неприятной особы.

Майка эта была не зеленая шпанская муха, с противным запахом, а обыкновенная черная Майка. Не добежав до удобного местечка, она остановилась на полпути и вдруг поспешно стала рыть землю прямо возле проезжей дороги.

Она быстро выбрасывала одну горсточку земли за другой, пока, наконец, не вырыла небольшой ямки.

Но только она успела вырыть ямку в земле, как вдруг, откуда ни возьмись, к ней подползла гусеница-медведица.

Гусеница, повидимому, тоже искала подходящую ямку, чтобы сбросить там свою теплую одежку. На ней была медвежья теплая шуба из темного меха, и она изнемогала от жары.

Майка закрыла брюшком ямку, гусеница подползла к ней близко и задела ее меховой шубой.

Она нарочно толкнула Майку, чтобы вонзить в нее свои черные ломкие волоски. В ту же секунду, волоски сломались в голом брюшке Майки и причинили ей невыносимую боль.

Майка зажужжала от боли и сразу отступила в сторону. Гусеница поспешно влезла в ямку и уже хотела занять это драгоценное местечко, как вдруг, Майка, до крайности раздраженная, снова выпустила свою едкую жидкость.

— На, мол, получай, если не видишь, что это ямка моя!..

Но, когда шмель не обратил внимания на ее сердитое жужжанье и продолжал ползти за ней, Майка не выдержала и брызнула ему прямо в глаза едкой жидкостью.

Гусеница завертелась в ямке, стараясь как можно скорее выбраться из нее, и быстро поползла подальше от Майки.

Майка снова принялась за работу и стала выбрасывать землю.

Но, видимо, в это весеннее утро все сговорились мешать ей.

Не успела она выбросить и двух горстей земли, как вдруг до нее донесся резкий запах чеснока.

Майка повернулась, чтобы посмотреть, откуда идет этот неприятный запах, и вся замерла от страха. Прямо на нее, не обращая внимания на дорогу, ползла большая, толстая, пестрая жаба-чесночница.

Она смотрела вперед круглыми глазами и тихо урчала. Жаба выбирала кратчайшую дорогу к воде и тоже спешила, неся толстое брюшко, полное икры.

Может-быть, если-бы Майка была немного поменьше, жаба, эта жадная чесночница, проглотила-бы ее по дороге. Но Майка была слишком велика для жабы, а жаба, также как и Майка, была слишком оза-

бочена тем, чтобы донести свою икру до воды. И, поэтому, жаба проползла мимо Майки, не задев ее, и с жалобным урчаньем исчезла в траве.

Наконец-то Майка осталась одна. Она с рвением принялась опять за работу и, выбрасывая направо и налево землю, вырыла, наконец, ямку такую, как надо было ей. Боясь, чтобы кто-нибудь не занял ее, она поспешно влезла в гнездо, закублилась в нем, как курица наседка, и стала нести свои яйца.

Вокруг Майки все было залито солнцем, все жужжало, двигалось и спешило, также как и Майка, совершить то, что полагается совершить каждому маленькому и большому существу — во-время продлить свой род, оставив после себя потомство.

Вряд-ли Майка видела что-нибудь, кроме своего гнездышка. Она была слишком занята делом, но, когда она кончила откладывать яички, она поспешила вылезть из норки.

На дворе был солнечный жаркий день. Майка осмотрелась по сторонам и стала зарывать свое гнездышко. Она сравняла его с землей и полезла отдыхать.

Конечно, никому и в голову не могло прийти, что в этом месте зарыт Майкой клад.

Она легла недалеко от дороги и, выставив на солнце пустое брюшко, отдыхала. Никогда еще не чувствовала она себя такой усталой. Теперь ей уже не нужно было никуда спешить. Ветер убаюкивал ее и Майка уснула.

Напрасно рыжие муравьи кусали ее, тормошили и всячески мучили, желая ее разбудить. Майка уснула слишком крепко и не проснулась даже тогда, когда эти грубые разбойники гурьбой потащили ее к себе.

Ровно через месяц, в закрытом землею гнездышке Майки вылупились из яичек личинки, крошечные червячки. Покрутившись в тесном темном домике, они начали рыть землю, пока не вылезли все наружу.

Несколько секунд они топтались на месте, сбившись в темную кучку, и не знали, что им делать дальше.

Наконец, старшая из личинок, наиболее сильная и крепкая, отделилась от всех и поползла в траву.

Она увидела золотой яркий одуванчик и поспешно взлезла на него. Солнце грело ее. Здесь было уютно и тепло, она стала чистить лапками свои усики.

Ей помешала пчела-цветочница, и маленькая Майка испуганно спряталась между лепестками.

Пчела, громко жужжа, опустилась на золотой одуванчик и поспешно, погружая в каждый из его крошечных цветочков длинный волосистый язычек, жадно стала пить мед.

Она была одета в шерстяное платьице с темными и желтыми полосками и вся с ног до головы была покрыта золотистыми волосками, приспособленными, чтобы побольше захватывать с цветка пыльцы.

Маленькая Майка с любопытством выглянула и стала рассматривать пчелу.

Пчела выпила весь мед, собрала всю пыльцу и, оправив крылья, хотела уже лететь, как вдруг Майка подлезла к пчеле и, уцепившись за ее волоски, взобралась к ней на спинку. Она удобно поместилась между крылышками пчелы и, когда пчела слетела с цветка, Майка вместе с нею поднялась в воздух.

Пчела даже не почувствовала Майку, сидевшую у нее на спине, и с нею полетела домой в свой улей. Она опустилась на землю возле старого пенька и, подлетев к маленькому окошечку в улье, радостно зажужжала. Всякий раз, когда пчела видела свое гнездо, она не могла удержаться от радости.

Ни у кого не было такого чудесного дома, какой выстроили себе пчелы. Внутри он весь был выложен весенним клеем, собранным пчелкой с почек тополя, липы, сосны и перемешанным со слюной и липкой смолой.

А какие теплые и уютные комнаты из воска выстроила она своим будущим детям. Всю заботу и любовь вложила пчела в свою постройку.

Она наклонилась над одной из восковых комнаток, где плавала в медовой кашице ее детка — беленький, нежный слепой червячок и, облизав его, направилась дальше к многочисленным комнаткам с детками.

Но прежде, чем она успела отползти дальше, Майка вдруг быстро сползла с пчелы и забралась прямо в одну из восковых комнаток. Она сразу же почувствовала себя хозяйкой этой теплой уютной комнатки и, схватив детку пчелы своими цепкими лапками, начала ее грызть.

Напрасно старалась личинка пчелы сдвинуть свое вялое безногое тельце и убежать от Майки. Она только беспомощно вертелась на месте и не двигалась вперед.

А Майка, тем временем, с жадностью, не отрываясь, грызла ее. И, по мере того как она поедала детку пчелы, плоское тело Майки наливалось, делаясь все толще и белее, пока, наконец, совсем не превратилось в такое же нежное и белое, какое было у детки пчелы.

Теперь ее уже совсем трудно было отличить от пчелиной личинки. Она заняла восковую комнатку и удобно и спокойно улеглась.

С каждым днем Майка становилась все больше и больше. Это был жирный, белый, необыкновенно жадный и вечно голодный червячек.

Пчела без устали кормила его, не замечая, что кормит чужое дитя, хитро захватившее колыбель ее личинки.

Она кормила бы так Майку без конца, но однажды Майка вдруг почувствовала себя пресыщенной. Она становилась все более сонной и

вялой и отказывалась от пищи. Наконец, она совсем перестала есть и превратилась в куколку.

Через несколько дней она проснулась и вылезла из кокона. Это была уже настоящая взрослая красавица Майка. У нее были иссиня-черные блестящие надкрылья и бархатное брюшко.

Она вылезла из восковой комнатки и остановилась. В конце улья она вдруг заметила небольшое отверстие и полоску света. Туда и направилась молодая Майка.

Но, что за переполох поднялся в улье, когда пчелы вдруг заметили, что вместо мокрой беспомощной молоденькой пчелки у них вывелась толстая, черная и самоуверенная Майка.

Вот кого они приняли за свое дитя и выкормили. Пчелы жалобно зажужжали и полезли вслед за Майкой. Но они не знали, что в их улье, среди личинок, росла еще не одна такая Майка, сожравшая их дитя.

Молодая Майка даже не повернула головки в сторону пчел и, вся подавшись вперед, рванулась к отверстию улья, откуда виднелся свет и голубое небо.

Она вылезла на солнце и радостно зажужжала. Теперь это была уже взрослая Майка, такая же здоровая и плодовитая, как и ее мать.

Она быстро спустилась со старого пенька и беззаботно поползла навстречу цветам и вкусной травке.

ЖАБА КУМ-КУМ

Кум-КУМ с трудом вылезла из зимней норы и села у входа. Ее толстое брюшко раздувалось от икры. Солнце ослепило ее. Она зажмурилась от света и неподвижно застыла. Настоящая весна на дворе! Кожа на спине у Кум-Кум сразу стала сохнуть от солнца. Это ей не совсем было приятно, Кум-кум предпочитала сырость и темноту, но что поделаешь!

Она слегка посторонилась, и из норы, потягиваясь, вылезли и другие жабы. Этим было еще труднее. Кум-Кум была самая молоденькая.

Впереди всех, несмотря на свои двадцать лет, поползла самая старая жаба.

Ну и красавицы, одна лучше другой. Не чета обыкновенным жабам с темными бородавками и серой клеенкой вместо кожи.

Кум-Кум начала умываться и приводить себя в порядок. Она действительно была очень красива: вся кожа ее была покрыта пятнами темнозеленого и оливкового цвета с розовыми бородавками.

Кум-Кум была пятнистая земляная жаба.

Она протерла свои чудесные глаза, с золотистой каймой вместо ресниц, и тихо заурчала. Но она пела недолго, ей нужно было торопиться. Наконец-то и она стала взрослой жабой. Ей шел пятый год, первая весна, когда она должна идти искать воду. Ее брюшко раздувалось от икры все больше и больше, и ей нестерпимо тяжело было сидеть на одном месте.

Впереди всех, несмотря на свои двадцать лет, поползла самая старая жаба. Просто страшно становилось за нее, что она не дойдет до воды и лопнет. А за ней — Кум-Кум и другие жабы.

Вот так путешествие, нечего сказать!..

Кум-Кум остановилась передохнуть, она едва дышала. А воды еще и в помине не было.

Она закрыла глаза и беспомощно застыла среди дороги. Весеннее солнце совсем ослепило ее ярким светом. Трудно было даже думать, что она сможет донести свою икру до воды.

Но нечего было особенно беспокоиться о ней. Не она одна выбилась из сил. Всем хорошо пришлось.

Кум-Кум от нетерпения даже запрыгала дальше. — Ляп-ляп!..

По дороге никто им не мешал идти. С сосен летела желтая пыльца и устилала им путь. Папоротник уже поднимал землю, как гриб, и пытался сбросить ее с себя.

А воды все еще не было. Солнце сушило Кум-Кум спину. Решительно некуда было спрятаться от его пронизывающих лучей.

Зато хорошо было цветам. Они, один за другим, вылезали из земли и тянулись к солнцу. Сон трава, вся еще закутанная в теплый мех, уже выпустила свой серебристый бутон.

Кум-Кум даже остановилась здесь. Только возле цветов и можно поймать что-нибудь вкусненькое. Но другие жабы не ждали ее.

Наконец, одна из них не выдержала и повернула в сторону. Она направилась прямо к небольшой лужице, где уже начинала пересыхать вода. Нельзя было назвать ее примерной матерью. Но Кум-Кум ползла дальше. Она прекрасно угадывала, где можно найти воду.

Перед Кум-Кум выросло поле, все взъерошенное и почерневшее. Она храбро прыгнула вперед и сразу же скатилась вместе с куском сырой земли прямо в свежую борозду. Она беспомощно задрыгала лапками, не будучи в силах поднять толстое брюшко, наполовину засыпанное землей. Наконец, она перевернулась и встала на ноги. Все жабы были уже далеко впереди. Кум-Кум поспешила за ними.

Поле опускалось все ниже и ниже. Запахло болотом. Кум-Кум быстро задышала, раздувая свои крошечные ноздри. Вместе с запахом болотных трав и ила доносилось пение лягушек.

А вот и вода! — Шлеп!.. И самая старая жаба поплыла по воде.

Кум-Кум остановилась. Вся вода перед нею кипела и булькала от кваканья лягушек. Вот кто радовался солнцу и не боялся подставить свою спину под его лучи.

Кум-Кум тоже прыгнула в воду.

— Уф!.. — У нее даже захватило дыхание, вода была еще совсем холодная.

На самом дне, между водяными растениями, уже сидела старая жаба и к стеблю стрелолиста поспешно прикрепляла длинную ленту икры.

Кум-Кум тоже подплыла к водяному растению и, протянув коротенькие лапки, начала привязывать к нему свою ленту икры. Брюшко

у нее становилось все легче и легче. Вот-вот и оно станет совсем пустое.

Кум-Кум села на дно и стала отдыхать. Вокруг нее плавали разные личинки и головастики, но она ничего не видела и только смотрела вверх через воду большими черными, как-будто стеклянными глазами. Весь день Кум-Кум провела в воде.

Изредка она подплывала то к одному, то к другому растению и привязывала к нему свою ленту икры. Иногда она выплывала на поверхность, чтобы подышать воздухом и снова опускалась на дно. И только на третий день она вдруг почувствовала себя свободной.

Она выплыла из воды, легко выпрыгнула на берег и радостно заурчала. Никогда еще ей не было так легко и весело.

Она посидела некоторое время на берегу, ища глазами, чем перекусить. Вдруг глаза ее жадно загорелись. Она сделала стойку и неожиданно метнула длинным, липким языком. Она поймала большого комара и с аппетитом проглотила его. Вот и завтрак!

Теперь можно и домой, обратно в путь-дороженьку! Кум-Кум легко прыгнула в траву. Пусть солнце печет ей спину, это уже ей не так страшно. Она сделала свое дело. Весело урча, Кум-Кум поспешила домой.

ВОЩАНКА

ОНА ВЫПРЯМИЛАСЬ, вытянула лапки как можно дальше и хотела уже выйти, но вдруг ударилась о восковую крышечку и испуганно замерла. Что-бы это могло значить? Почему она не может выйти?

Новорожденная крошка — это была Меллифика, медоносная пчелка, беспомощно оглянулась и постучалась снова. Вокруг нее было темно, и она ничего не видела. Вся она была мокрая, слабая и у нее не было сил даже облизать себя язычком.

На ее стук никто не открыл ей дверцы и она обиженно вытянула длинную губку и хотела уже заплакать, но вместо слабого детского и беспомощного писка, она вдруг издала низкий трубный звук. Какой смешной бас! Она и сама не ожидала, что у нее такой голос. Значит, она не простая рабочая пчела, а пчела-царица, будущая матка.

Крошка Меллифика с любопытством прислушалась к самой себе и, подняв головку, снова затрубила. Ей понравился звук собственного голоса.

Но вдруг она услышала, как в ответ ей грозно, властно и недовольно затрубил такой же как у нее низкий, сильный и сердитый бас. Это трубила старая — пчела царица, ее мать.

— Не думаешь-ли ты, сударыня, занять мое место? Какая наглость!.. — гневно трубила она. — Недоставало еще этого!.. Как-бы не так!.. Я не уступлю никому свое первенство.

Но Меллифика ничего не думала. Ей просто хотелось есть и поскорее вырваться из темноты. Она изо всех сил снова затрубила, застучала лапками и даже попробовала грызть дверцу, но у нее не было сил открыть ее.

С той стороны комнатки до нее доносился шум, и она ясно почувствовала, что кто-то крепко держит дверцу и нарочно не выпускает ее.

Шум не прекращался и всякий раз, когда она трубила, в ответ ей долетал угрожающий низкий бас старой пчелы-царицы. Какая долгая и бесконечная была для нее ночь!

И вот, только под утро, восковые дверцы открылись, и новорожденная пчелка увидела заботливо склонившихся вокруг нее пчел-няней.

Но, Боже, какой смешной и озабоченный имели они вид! Сразу

можно было сказать, что они не спали всю ночь, оберегая ее, и не имели времени привести себя в порядок.

Их смешные усики беспорядочно сбились, щеточки на ногах для собирания пыльцы с цветов торчали запыленные, а чопорное платьице, утыканное как булавками золотистыми волосками, было все смято.

Они заискивающе и смущенно окружили новорожденную крошку.

Однако, это дитя совсем не было такой крошкой, какой могла быть новорожденная! Она была на целую голову выше своих няней, длиннее их и больше.

Но, несмотря на это, она беспомощно подставила им свои смятые крылышки и мокрую на груди шерстку. — Делайте со мной все, что хотите! Вы видите, какая я еще слабая и маленькая.

И пчелы-няни любовно обнюхали малютку, полизали язычком ее мокрое платьице и стали заботливо кормить.

Наконец, они привели ее в порядок. Какое чудесное дитя! На ее ножках были золотистые чулочки, а ее черное дорогое платьице блестело, как атлас.

Прихорошившись, она повернула свою хорошенькую головку и с любопытством стала рассматривать улей. Вдруг, она вся вытянулась, насторожилась и тревожно спросила:

— Что это за шум?..

— Это твоя мать, — сказала ей одна из пчел-няней, — наша старая царица вылетела только-что с роем из улья. Она передала наш улей тебе. Теперь уже ты будешь нашей царицей-пчелой маткой.

Крошка Меллифика важно выпрямилась и сразу стала взрослой. Она гордо стала расхаживать по улью, внимательно рассматривая восковые комнатки.

Но вдруг, она остановилась и стала прислушиваться.

Из угловой, большей чем другие, комнатки, где могла помещаться только будущая царица, раздался низкий трубный звук. Что-бы это могло значить? Вся ее золотистая шерстка сердито наерошилась и она часто и тяжело задышала. Ух, какой гневный вид! Ее глаза сердито загорелись и она возмущенно обернулась назад. Разве она не одна в этом улье пчела-царица?

Пчелы-няни уже бежали к ней и заботливо окружив ее, не пускали идти дальше. Они услышали, как низко и глухо затрубил новый бас. Это трубила новорожденная сестра Меллифики, новая крошка, тоже будущая пчела-матка.

Пчелы-няни хотели удержать молодую царицу, но она в один миг растолкала всех и бросилась на трубный звук.

— Где это ты прячешься? — грозно затрубила она, точно также, как перед тем трубила старая пчела-матка. — Думаешь-ли ты, что я уступлю тебе добровольно свое место? Ты слишком многого хочешь. Я сама только-что получила это право и никому его не отдам.

И Меллифика хотела уже броситься на свою новорожденную соперницу-сестру и, вонзив жало сквозь восковую дверцу, убить ее, но в этот момент ей быстро и решительно загородила дорогу старая пчела-няня.

— Я не допущу ненужного убийства, — сурово сказала она, наш улей достаточно велик, и тебе хватит работниц и трутней, чтобы вылететь с новым роем.

Теперь в улье поднялась еще большая суматоха и шум. Сторонники еще не появившейся новой царицы оставались в улье, улетающие готовились к отлету и жадно поедали мед на дорогу. Одни из них, с раздувшимися от меда брюшками, сидели на пороге летка и ожидали отлета. Другие не выгружали из карманчиков пыльцы и, перепачканные в желтый порошок, тревожно гудели.

В улье становилось все жарче и жарче. Пчелы метались, толкали друг друга и пронзительно жужжали. Наконец, весь рой устремился к выходу и бурным потоком вырвался из улья.

На дворе была весна. Воздух дрожал от пыльцы. Она неслась с ольхи, сосны, тополей и ложилась на все золотистым ковром. И в этот золотой день Меллифика, молодая царица, вылетела со своим роем искать место для своего нового дома.

Она низко пролетела над полем, пронеслась над заброшенным садом и тяжело упала со своим многочисленным веселым хором на дупло старого дуба.

— Здесь мы построим наш дом!.. громко затрубила она и, окруженная тесной толпой пчел, поползла по дуплу.

Какая суета поднялась сразу около старого дупла! Все пчелы, а их было до десяти тысяч пчел-работниц, стали выражать молодой царице свою необыкновенную любовь и преданность.

Они становились перед ней во весь рост, трепетали крылышками и по очереди знакомились с нею.

— О, как мы любим тебя, с восторгом жужжали они, как мы рады, что ты с нами! И, одна за другой, они подходили к ней.

Молодая царица церемонно принимала их ласки и терпеливо ждала, когда все пчелы-работницы познакомятся с нею. Ведь она одна среди них была пчела-царица и могла иметь потомство, и не одно, а тысячи и десятки тысяч детей, создавая из них свой улей.

Наконец, знакомство закончилось и пчелы-работницы принялись за работу. Они спешно стали вычищать старое дупло, вынося из него весь сор своими маленькими ротиками.

Меллифика озабоченно ползала по дуплу. Ее раздражали пчелы-няни. Они ни на минуту не оставляли ее одну, оберегая от всякой опасности. И когда она, охваченная общим бодрым настроением, хотела вылететь, няни не пустили ее. В улье кипела работа, и еще не время было делать веселую прогулку.

К вечеру все дупло было уже старательно вычищено и оклеено весенним клеем из почек и смолы. В дупле было тепло и пахло воском и смолой. Это было прекрасное, защищенное от ветра и дождя помещение, еще недостроенное, но уже уютное и достаточно просторное, чтобы поместить в себе весь рой.

Пчелы-работницы, сбившись кучками, отдыхали после трудового дня, а Меллифика расхаживала по улью, рассматривая свой новый дом.

Также рассеянно и беспокойно блуждали по улью трутни, дородные большеглазые красавцы в черных гладких костюмах. Они не принимали участия в общей работе и нетерпеливо ждали только предстоящей прогулки с молодой царицей.

На утро она вылетела. Солнце обожгло ей грудку, а свежая зелень и цветы опьянили ее. Она покружилась некоторое время над дубом, как-бы запоминая место, и возбужденно понеслась к лесу. Она была не одна. Следом за ней полетела и ее стража — молодцы трутни.

Меллифика видела их и ее крылышки дрожали от радости. Она поднималась все выше и выше. Опьяненная восторгом, она неслась навстречу горячим лучам солнца. Это была ее первая и последняя прогулка.

Когда Меллифика вернулась в улей, пчелы радостно стали обнюхивать ее, лизать язычками и всячески выражать ей свою любовь. Теперь пчела-царица уже, как должное, принимала их ласки и внимание.

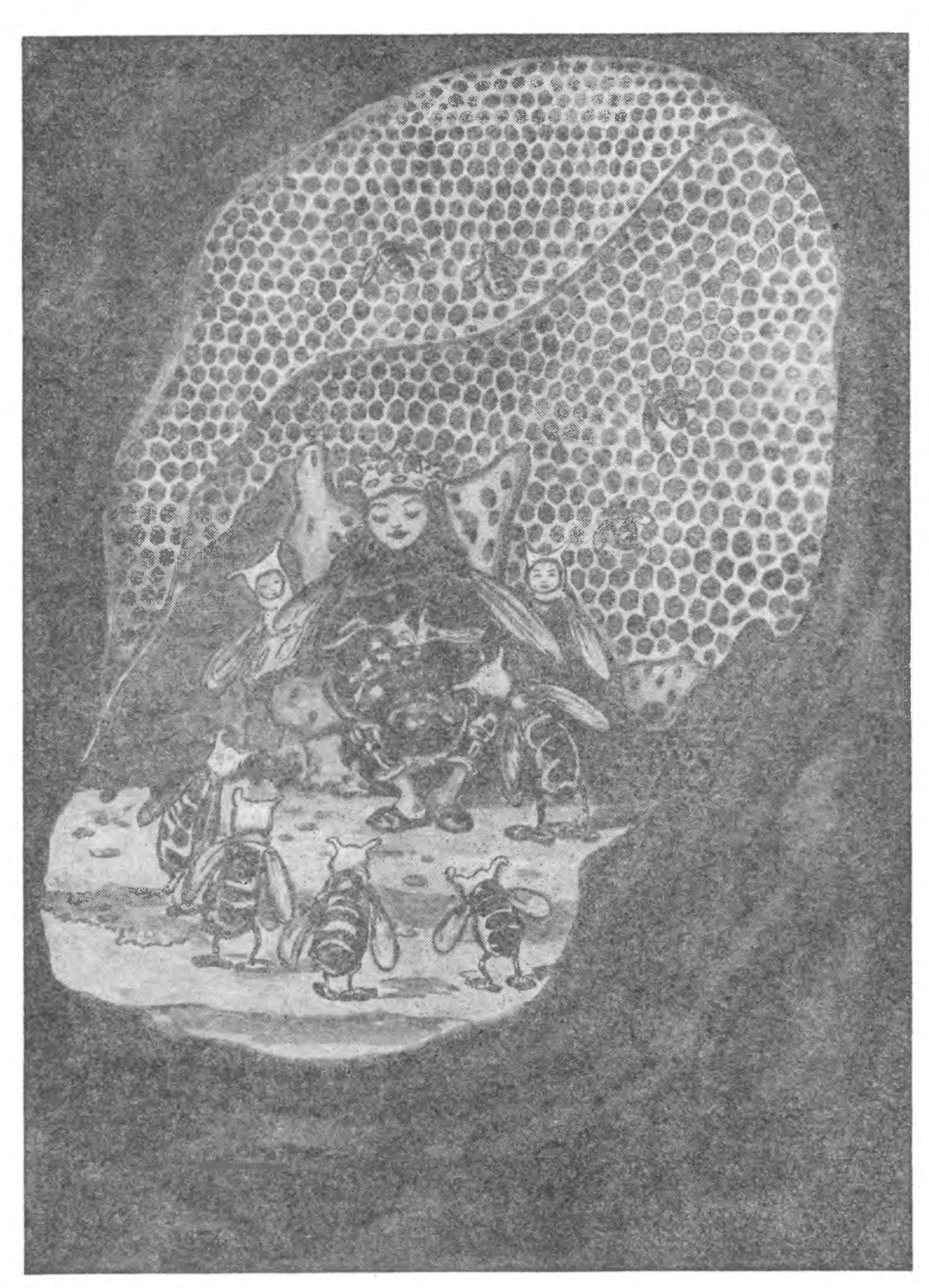
Как жаль, что она не могла больше оставить своего улья и наслаждаться солнцем. Каждый листок и почка, мокрые от весеннего клея, трепетали на солнце. А как много было солнца на лужайке! Оно спешило прогнать все тучки, какие только были на небе, зажигая вслед им разноцветную веселую радугу. Дожди были мимолетные, шумные и бесследно высыхали на земле.

Но Меллифика ничего этого не видела. Ей было уже не до солнечных дней. Весь день она была занята и озабоченно расхаживала среди своих восковых домиков. Она мало уже походила на прежнюю беззаботную, молодую красавицу пчелку.

С трудом переползая от одного воскового домика до другого, она волочила за собой располневшее, тяжелое брюшко. Возле каждого домика она останавливалась и, внимательно осмотрев его внутри, клала туда молочное продолговатое яичко.

Следом за нею шли няньки, нагруженные сладкой кашицей для будущих детей, и быстро выплевывали кашицу туда, где лежало уже яичко.

Но иногда Меллифика смотрела на леток, и ей казалось, что она слышит запах цветов. Тогда она беспокойно шевелила своими коротенькими усиками и нетерпеливо переступала ножками в золотистых чулочках.

Теперь она уже как должное принимала их ласки и внимание

Старая няня озабоченно лизала ее языком, гладила лапками и заботливо давала ей лучший мед.

Но она не хотела есть. Охваченная желанием улететь, она неподвижно стояла на месте и смотрела на леток. После, очнувшись, она ползла дальше и без конца выгружала свои многочисленные яички.

Солнце стояло уже совсем высоко. Оно выгоняло из земли, один за другим, цветы и отдавало их пчелам.

— Собирайте сладкий сок с цветов, если хотите иметь запасы меда на зиму!.. Спешите!..

Какие разнообразные цветы! Одни из них капризно прятали свой сок, от них так трудно было отобрать его, другие нарочно открывали широко лепестки венчика, легко отдавая свой мед пчелам. Наступала страдная и жаркая пора.

Даже старая пчела-няня решилась оставить свою царицу и вылетела за сбором. Какая смешная бабуня! Она так неуверенно поднялась с пустыми еще корзиночками и полетела. Вернется-ли она назад?

Как тоскливо стало Меллифике без няни! Она ползала по своим восковым комнаткам и скучала. В улье было так горячо и душно. Солнце ворвалось даже сюда через леток разом с горячим воздухом.

Меллифика подбегала к каждой пчеле-работнице и нетерпеливо спрашивала:

— А няня, ее еще нет?..

Наконец, под вечер, когда пчелы-работницы уже вернулись отдыхать, прилетела еще одна запоздавшая пчела-работница и сказала:

— У нас несчастье! — няню съел пчелиный волк. — И она рассказала, как это случилось.

Няня все собирала и собирала сладкий сок с цветов и пыльцу, ей все казалось мало. А волк, — какой хитрый и злой!.. — прикинулся пчелой и в пчелиной одежде сел на цветок. Няня приняла его за пчелу и села рядом, а ему этого только и надо было. Он схватил няню и потащил ее к себе в гнездо, скрытое в песке. Там ей и конец пришел!

Меллифика не выдержала и громко на весь улей затрубила низким густым басом. Впрочем, не одна только пчела-няня погибла в это горячее время. Разве легко было выдержать такую напряженную, спешную работу, какая была теперь в улье.

Пчелы-работницы не жалели себя и весь день вылетали, одна за другой, за сбором. Они возвращались с полными карманчиками пыльцы и вытряхивая ее, плотно набивали ею восковые боченочки. После отрыгали из зобика мед, сладкий сок из цветов. И, наконец, снимали с брюшка пластинки воска для новых ячеек и опять летели за новым сбором.

Вечером, когда пчелы-работницы должны были уже все возвратиться в улей на отдых, Меллифика с тревогой недосчитывалась многих из них.

— Сегодня снова не все, — говорила она, — где же остальные, почему они не все вернулись?..

Она бегала среди всклокоченных, исхудавших пчел-работниц и искала среди них тех, что не вернулись, но их не было.

Одни из них погибли, как погибла няня, другие потонули во время водопоя, а третьи просто не имели силы уже больше работать и оставались там где-то на цветке, изнемогая под солнечными лучами от чрезмерного напряжения.

Но не все работали так горячо. В улье томились трутни. Они не хотели ничего делать и лениво ползали по улью, натыкаясь на пчел-работниц.

Меллифика слышала, как пчелы-работницы раздраженно и озлобленно кричали на них:

— Ну, с дороги! Мало вам места, бездельники, дармоеды!..

Трутни презрительно молчали и свысока косились на пчел-работниц. Они самодовольно охорашивались, поглаживали лапками свои усики и без конца чистились. Иногда они вылетали из улья, но только для того, чтобы поупражнять свои крылья и подышать свежим воздухом, а, вернувшись в улей, сразу же бесцеремонно набрасывались на готовые запасы меда и спокойно поедали их.

Меллифике неприятно было смотреть на них, так они растолстели. Она видела, как все больше и больше росло раздражение среди переутомленных пчел-работниц и слышала их возмущенные разговоры.

— До каких пор мы будем кормить этих ненасытных обжор? — Довольно с них, пора уже перестать им объедать весь улей!

Вот, когда было-бы во время появиться на свет новому поколению, новым силам на помощь обессилевшим пчелам-работницам.

Но в восковых домиках было еще тихо. Напрасно Меллифика подбегала к ним и с волнением прислушивалась. Пчелы-няни, суровые на вид и спокойные, еще продолжали выгревать, как наседки, будущее поколение, ничем не показывая своего нетерпения и волнения.

Но однажды на рассвете, когда Меллифика еще крепко спала, в улье поднялась суматоха. Меллифика не могла сразу понять, что случилось. Но, когда она увидела раскрытые восковые домики и возле них суетившихся пчел-няней, она поняла, что в ее улье, наконец, начало появляться новое поколение.

А вот и новорожденные крошки, будущие пчелы-работницы. Они смешно потягивались, выходя из восковых домиков в своих мокрых темных платьицах. Какие слабые еще крошки! Трудно даже поверить, что через несколько часов они смогут уже принять участие в общей работе.

Наконец-то!.. Меллифика вся гордо выпрямилась и окинула счастливым взором улей. Какой радостный день!..

Но не все радовались новому поколению. Трутни не разделяли

общей радости. — Какая неприятная молодежь!.. — говорили они между собой о пчелах-работницах.

Эта молодежь сразу же показала себя и дала почувствовать трутням: — Мы не пара старым пчелам-работницам, около нас не потанцуете. Достаточно на вас поработали они!..

И вот, когда на дворе уже появились первые белые шелковинки и золотой лист стал уже прятаться в ветках берез, молодые плечы-работницы совсем перестали с ними церемониться.

Меллифика ничем не могла помочь трутням и молча сторонилась их. Но однажды рано утром, когда она не успела еще положить двух первых яичек, в улье поднялся тревожный шум. Он становился все громче и, наконец, перешел в свирепый вой.

Меллифика перестала класть яички и поспешно стала убегать, напуганная шумом. Но не успела она сделать и нескольких шагов, как целая толпа разгоряченных и разгневанных пчел-работниц бросилась к ее ногам. Она отскочила от них и в страхе прижалась к восковой стенке.

Пчелы-работницы гнались за трутнем, и толстяк трутень, крепко прижав к брюшку крылья и обезумев от страха, убегал от них.

Он хотел спрятаться и бросился к пустой каморке, успел даже вскочить в нее, но пчелы-работницы в один миг окружили его и на глазах Меллифики убили.

Меллифика, вся дрожа, еще успела крикнуть: — Что вы делаете? Зачем убиваете его?.. Но они даже не взглянули на нее и погнались за другим.

В улье началось истребление трутней. Никакие силы не могли уже остановить его, и то возмущение, какое все время нарастало у пчел, сразу вырвалось и охватило весь улей.

Трутни, эти сильные и здоровые на вид молодцы, на самом деле оказались самыми беззащитными и никчемными созданиями. У них не было даже жала, чтобы отбить нападение пчел, и их тайна была открыта.

Они убегали, падали, прятались в пустые домики, но их везде настигали молодые пчелы-работницы и убивали. Какой страшный день!..

Меллифика забежала в самый дальний угол и, спрятав голову в пустой домик, вся дрожала от страха. Ее нашли там пчелы-няни и успокоили. Напрасно она так испугалась, ведь нельзя же иначе поступить с трутнями, если они не хотят работать и так бесцеремонно объедают улей.

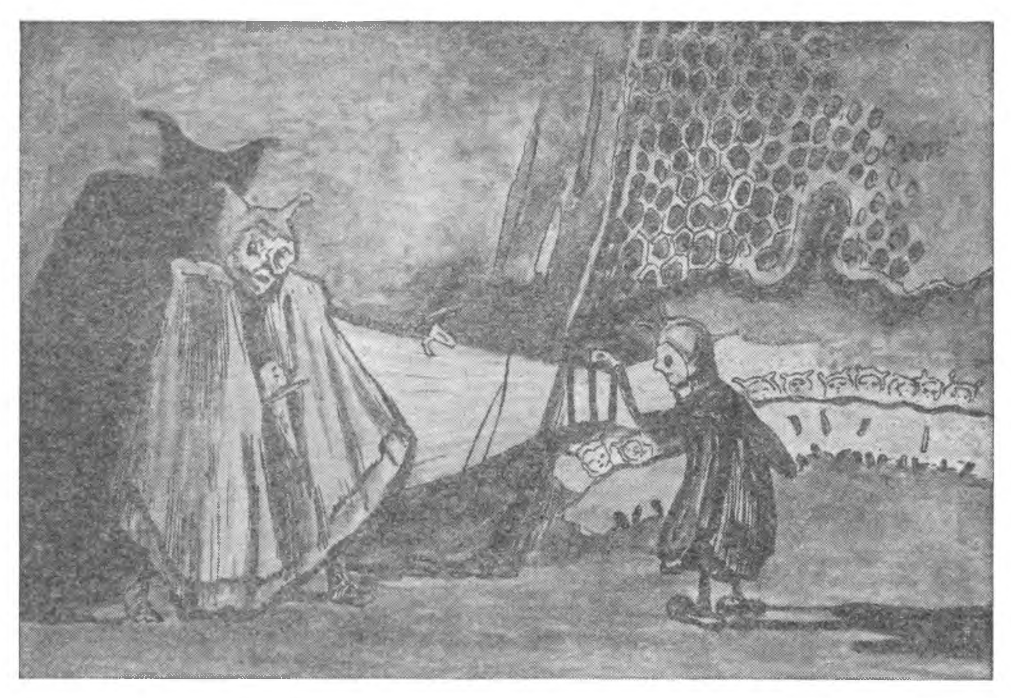
Наконец, в улье водворилось спокойствие и тишина. Тела трутней были уже выброшены из улья и пчелы-работницы могли теперь спокойно сказать, что запасы заготовленные на зиму принадлежат только им.

Солнце жгло, накаляя все, и сладкий запах меда и вощины лился из летка. Ветер нес его в опустевшее поле и дразнил всех.

И вот, ночью, когда этот разогретый солнцем запах был еще слаще и острее, чем днем, прилетела на него Вощанка, серая, мрачная и некрасивая бабочка.

Она тяжело опустилась над дуплом и, отыскивая по запаху своими длинными черными усиками вощину, подползла к летку.

У нее были круглые, как у совы, глаза, насупленный серый хохолок из чешуек и пепельные, длинные, как плащ, крылья.

— Кто там?.. — испуганно спросила пчела-сторожиха. — Это я, — тихо ответила Вощанка, — не бойся...

Она остановилась возле летка и жадно вдохнула в себя запах вощины и меда. Вот откуда несся этот сладкий запах пищи, такой необходимой ее будущим детям.

Вощанка вся съежилась, поджала крылья и, крадучись, как вор, приблизилась к летку.

— Кто там? .. — испуганно спросила из летка пчела-сторожиха.

— Это я — тихо ответила Вощанка, — не бойся... И она быстро проскользнула мимо доверчивой пчелы-сторожихи и спряталась в улье. И здесь, на дне улья, среди сора и остатков воска, она поспешно разбросала свои белые яички.

А утром солнце золотило листья на березах и пчелы, одна за дру-

гой, полетели за сбором. Ничего не изменилось в улье, все было, как раньше, и ни одна из пчел не заметила страшного ночного посещения.

Меллифика, теперь уже солидная и счастливая хозяйка улья, спокойно расхаживала среди своих домиков.

Чего уже только не было в улье! И полные закрома хлеба на зиму — пыльцы с цветов, и запасы меда на каждый день и, наконец, чистый сок с цветов — самый дорогой мед для царицы.

Всего уже было достаточно в улье. Но пчелам-работницам казалось все еще мало и они попрежнему жадно продолжали заполнять свои закрома.

Просто смешно уже было смотреть на них, такие жадные и скупые стали эти маленькие, исхудавшие от непосильной работы труженицы.

А, когда наступала ночь и отдых для всех, они не имели уже покоя и тревожно прислушиваясь ко всякому шороху, как настоящие скряги, не спали всю ночь.

Конечно, они недаром так беспокоились о своих запасах. Всем было дело до их богатства, до их запасов меда! Сколько желающих было на них. И осы, и шершни, и жадные пчелы из других ульев, заправские воровки, что берегли свое и не жалели чужого, и даже бабочки.

Например, страшная мертвая голова — такая жадная и бесцеремонная особа, какая, если уже влетит в улей, то глотнет меду не раз и не два, а выпьет его добрую ложку. А сама, сильнее всех пчел, отбросит их своими крылищами и вылетит, как ни в чем не бывало.

А кроме насекомых, разве мало всяких зверьков, желающих полакомиться медком? И куницы, и кровожадные землеройки, и мыши.

Один раз даже — хорошо, что пчелы не крепко спали и были настороже, — около летка поднялась настоящая мышинная атака. Но пчелы сразу услышали тревожный крик стражи о помощи, и в тот же миг они все, как одна, свирепо бросились с высунутыми жалами к летку. Ну, и досталось же мышам!.. Пчелы впивались в них, кусали их, облепивши их со всех сторон и преследовали до тех пор, пока мыши, обезумевшие от боли, не убежали, кто куда.

Так пчелы умели себя защитить от всякого врага, кто-бы он ни был. И все-же, несмотря на свою храбрость, они не смогли противостоять такому незначительному, казалось, врагу, каким была Вощанка.

Дни стояли ясные. Солнце зажигало яркие осенние цветы, и они догорали, отдавая пчелам свой последний сладкий сок.

Но пчелы уже не спешили лететь за сбором и, весело переговариваясь, неохотно оставляли свой уютный, полный запасов дом.

А когда подул холодный ветер и спряталось солнце, они совсем уже не хотели лететь и кучками собирались вокруг Меллифики. Они грели друг друга и тихо, удовлетворенно гудели.

Они как-бы говорили между собой о своем богатстве, о своих

запасах меда и о долгой холодной зиме. На дворе ветер гнал желтые листья, а в улье было тепло и тихо.

И вдруг, Меллифика услышала где-то там, внутри восковых стен, шорох. Она вскочила и тревожно шелестя крылышками, полезла к восковым стенкам.

— Вы слышите или нет?.. — испуганно затрубила она. — Кто-то точит наш дом!.. И, охваченная предчувствием беды, она побежала к пчелам.

Какой это был страшный шорох! Он сразу нагнал на пчел ужас. Они взволнованно загудели, замахали крылышками и полезли всюду по улью, разыскивая своего где-то спрятавшегося врага.

И вот, среди восковых стен подвального этажа, где были сложены на зиму запасы меда и цветочной пыльцы, они заметили почерневшие куски воска, отвалившиеся от стенок.

Теснясь и сбивая друг друга, пчелы бросились к месту разрушения и здесь вдруг, неожиданно увидели длинный как галлерея ход.

Это были, сотканные из белой шелковой ткани, неприступные для пчел траншеи, где крепко засели гусеницы, выведшиеся из яичек Вощанки. Как хитро они спрятались от пчел!.. Теперь пчелиное жало не могло уже достать их, и они никого не боялись и бесцеремонно подрывали со всех сторон восковую постройку, пожирая вощину.

Напрасно Меллифика надеялась, что ее храбрые вояки-пчелы смогут остановить наступление гусениц. Пчелы ничего не могли поделать и, бессильно ломая свои жала о твердую ткань, отступали.

Какое это было печальное отступление!.. Беспомощно сбившись, жалобно жужжа и махая крылышками, они сдавали позиции, один за другим, этажи своего дома.

Теперь уже каждый день приносил им только одно разрушение. Как быстро вырос и окреп их страшный враг, эти маленькие слабые червячки, превратившиеся теперь в толстых желтых как воск гусениц.

Они быстро разрушали своими сильными челюстями стройные стены воскового дома, оставляя за собой источенные, истлевшие груды воска.

Они безжалостно разливали дорогие запасы меда, и он густыми каплями падал на дно улья, смешиваясь с сором и паутиной.

Уже кислый, удушливый запах наполнял весь улей. Он доходил и до Меллифики. Она сидела высоко под крышей, мрачно наерошившись, пряча ножки в потемневших чулочках.

Пчелы-няни окружали ее и, махая крылышками, старались ее согреть. Но она не замечала их и, вдыхая в себя этот страшный запах тления, оцепеневшая, неподвижно сидела.

Она молча смотрела вниз, где вместо теплых, уютных восковых комнаток, все больше и больше открывалось черное, пустое дупло дерева.

На дворе было холодно. Напрасно пчелы вылетали, надеясь еще найти себе пищу, ветер безжалостно подхватывал их и далеко заносил в поле.

Теперь это были уже не прежние сильные и здоровые работницы в блестящих платьицах, покрытые золотистыми волосками, а исхудавшие облезлые пчелки, быстро погибавшие одна за другой.

Меллифика равнодушно смотрела на них, сама такая же серая и потемневшая, как и они. Ее ничто уже не трогало. Также равнодушно смотрела она и на свой дотлевающий дом, укрытый, как пеплом, паутиной.

Но один раз, она словно сбросила с себя это оцепенение и, сердито наерошившись, гневно замахала крылышками. Она заметила среди истлевшего воска ряд сытых, черных и неподвижных куколок. Это были откормленные гусеницы вощанки, превратившиеся теперь уже в коконы.

Она хотела затрубить своим властным басом и, уже приподнявшись, с гневно горящими глазами, вся вытянулась, чтобы кинуться первой на врага и вдруг остановилась, издав только беспомощный, слабый и неуверенный звук. Этот неуверенный, слабый призыв глухо замер в дупле.

Она равнодушно перевела на пчел-няней взгляд и, крепко прижав к себе крылышки, неподвижно замерла. Они, как и раньше, окружали ее, готовые отдать за нее свою жизнь.

Холод становился все нестерпимее, ветер завывал на дворе и, угрожая всем, свирепо врывался в раскрытые теперь щели дупла. Он холодной ледяной струей обливал царицу и ее нянек.

Тесно прижавшись к Меллифике, они старались согреть ее своими худыми тельцами. Но, сами уже окоченевшие, больше не согревали ее и тогда, размахивая слабыми крылышками, они пробовали еще вернуть себе утраченное тепло...

А ночью полил ледяной дождь. Небо лило на землю потоки ледяной воды и она, падая на кусты, деревья и землю, застывала всюду скользким прозрачным панцырем.

Она падала и на дупло и барабанила изо всех сил по летку.

Меллифика слышала, как забивался ее леток. Она содрогалась всякий раз, когда гололедица, забавляясь, стучала ледяными гвоздями по ее разрушенному гнезду.

Но она не видела белых ледяных дверей, нараставших снаружи на ее летке. Лед становился все толще и толще и, крепко законопачивая от ветра раскрытые щели дупла, покрывал ледяной броней леток и весь ее улей.

КУКУШКА

УЖЕ С УТРА у одной мухоловки, один за другим, начали вылупливаться птенчики.

Ну и крошки!.. Чуть-чуть побольше фасолины. Сначала появился один, мокрый и голый как червяк, смешно сказать — первенец.

Мухоловка вынула осторожно из под него пустую скорлупу и выбросила ее из гнезда. Он не в силах был даже поднять головку и сразу-же уснул.

За ним появился другой, точь-в-точь такой-же, как первый, за другим — третий и, наконец, вывелся четвертый.

Мухоловка привстала в гнезде, чтобы выбросить пустую скорлупу из под птенчиков и, вдруг, увидела рядом со скорлупой еще одно яйцо — пятое. Оно было немного крупнее остальных, но по цвету почти не отличалось от яиц мухоловки.

Она опять села на гнездо и стала ждать, когда из яйца вылупится птенец. Мухоловка просидела так весь день, но яйцо продолжало неподвижно лежать на месте. Так прошел еще день, и еще.

На дворе шел дождь, мухоловка как можно шире раскрывала крылья, прикрывая ими детей. За шумом дождя она не слышала, как треснуло яйцо. Она почувствовала только, как под нею зашевелилось какое-то живое существо и сразу-же стало ее толкать. Она привстала и с нетерепением ощупала клювом птенца.

Какой красивый и большой!.. Но птенец совсем не был так уже красив, как ей казалось. У него была необыкновенно широкая с углублением спина, совершенно голый, без всякого пушка, череп и слепые, выпуклые глаза.

Он сразу же поднялся на ноги и стал ощупывать вокруг себя голыми крыльями, с большим оттопыренным пальцем на сгибе.

Какое уродище!.. Недаром же птенчики сразу почувствовали в нем своего врага и испуганно прижались друг-к-дружке. Было, чего испугаться!

Дождь перестал идти и мухоловка-мать полетела за кормом.

Новорожденный, казалось, только этого и ждал. Он встал на ноги, высоко поднял большую слепую голову на слабой шее и, вытянув

далеко вперед голые крылья, стал, как руками, ощупывать ими вокруг себя.

Нащупав своим оттопыренным большим пальцем самого крайнего птенца, он стал толкать его крыльями и задом.

Это был четвертый по счету самый маленький и слабый птенчик мухоловки. Он доверчиво вспрыгнул на широкую, как лопата, спину, удобно подставленную перед ним, и сел.

И, в ту же минуту, слепой птенец привстал на ноги и, пошатываясь от тяжести, приблизился к краю гнезда. Здесь он остановился, ощупал край гнезда и, раскачиваясь из стороны в сторону, неожиданно выбросил птенчика из гнезда.

Мухоловка-мать не заметила исчезновения своего детеныша. Она не успела еще сесть на гнездо, как уже увидела только большой голодный рот новорожденного. Он дальше всех вытягивал тонкую шею и просил пищи. Мухоловка ткнула ему в рот корм и сразу же улетела за новым кормом.

Как только она улетела, птенец опять встал на ноги и стал снова нащупывать вокруг себя голыми крыльями. Он искал второго птенчика и, нащупав, выбросил его так же, как и первого.

В гнезде теперь стало просторно, и два оставшиеся птенчика с испугом следили за каждым движением страшного соседа.

Он вытянул далеко свой безобразный палец и нащупывал следующего птенчика мухоловки. Он выбросил и этого также, как и первых двух.

Теперь оставался еще последний по счету, четвертый. Это был первенец, самый крепкий и большой птенец. Он сел на край гнезда и воинственно наерошил перышки.

Мухоловка опять прилетела с полным ртом пищи. Но напрасно ее первенец тоже широко открывал рот и жалобно просил пищи. Она не замечала его и, попрежнему, стала кормить только новорожденного птенца.

Когда она улетела, новорожденный сразу же поднялся на ноги и приблизился к краю гнезда. Это было уже настоящее чудовище — голое, слепое и страшное.

Птенчик заметил приближение слепого врага и, храбро наерошившись, во-время подвинулся дальше, не дав ему нащупать себя.

Но слепое чудовище, направив вперед свой палец, уже щупало, как палкой, то место, где сидел птенчик. Наконец, оно быстро и неожиданно опустило свое крыло прямо на птенчика и едва не вытолкнуло его из гнезда. Птенчик зашатался, но, удержав равновесие, опять отодвинулся в противоположную сторону гнезда.

Хуже всего было то, что мать ни разу не подкрепила его, и он чувствовал сильный голод. Воинственное настроение его понемногу проходило, сменяясь слабостью. Солнце убаюкивало его теплом и

нагоняло дремоту, его наерошенные перышки сами собой опускались, и он становился все безучастнее к действиям своего противника. Наконец, не выдержав напряжения, он крепко уснул.

Теперь с ним было легче всего справиться, и он без всякой борьбы был выброшен из гнезда также, как и его братья.

Вот, когда стало совсем просторно в гнезде. Птенец сразу же это почувствовал и спокойно занял все гнездо.

И удивительное дело, из страшного уродливого существа он превратился теперь в самого обыкновенного беспомощного птенчика.

Он тоненько пищал, точно также, как перед этим пищали птенчики мухоловки, раскрывал беспомощно рот и жалобно просил его покормить.

Даже спина его, эта страшная лопата, вдруг выравнялась и стала обыкновенной спиной.

Мухоловка весь день без отдыха кормила его и все-таки не могла досыта накормить. Он всегда был голоден и без конца пищал и открывал свой ненасытный рот.

Гнездышко становилось для него все теснее и теснее. Он рос необыкновенно быстро. Его крылья уже не помещались в гнезде, голова свешивалась за край, и он все больше и больше вытеснял своих приемных родителей.

Но крошка мать все-таки попрежнему умудрялась спать в гнезде и, усаживаясь на спину громадного птенца, старалась прикрыть его своими маленькими крыльями.

Но, однажды, когда ему было уже настолько тесно, что он не мог больше помещаться в гнезде, он вылетел из него.

Теперь это была уже большая серая птица с длинным хвостом и желтыми глазами. Она пугливо и беспокойно оглядывалась по сторонам и попрежнему тоненьким голоском пищала, подражая мухоловке.

Они летали оба, встревоженные первым шагом своего большого, но еще беспомощного детеныша и поочередно кормили его.

Вот он опять взмахнул крыльями, но, подлетев к дереву, вдруг соскользнул с ветки и неловко упал в траву.

И, в ту-же минуту, его крошечные родители тоже стремительно упали в траву и, пронзительно крича, начали учить его, как подняться с земли. Они всячески махали крыльями, взлетали и опускались над ним. Но ему не так-то легко было подняться с земли. Он неловко прыгал в траве и, ударяясь грудью о ствол дерева, не мог взлететь. Наконец, с трудом взлетев на нижнюю ветку, он сел. Отсюда он перелетел выше и так, с ветки на ветку, опять поднялся наверх.

Больше он уже не рисковал летать в этот день. Мухоловки не оставляли его ни на минуту и по очереди кормили.

Он открывал громадный желтый рот и жадно хватал все, что они

ему давали. И все-таки этой пищи ему было недостаточно. Он становился все требовательнее и требовательнее и по пятам преследовал своих родителей.

И вдруг, этот жадный детеныш мухоловки попробовал сам клюнуть большую гусеницу и, проглотив ее, стал быстро уничтожать их одну за другой, пока не почувствовал себя сытым.

Это были волосатые гусеницы, они ползли по деревьям, уничтожая на своем пути все листья. Другие птицы не трогали их, боясь колючих вредных волосков.

Найдя, наконец, то, чего ему не хватало, птенец сразу перестал пищать тоненьким голоском, перестал раскрывать поминутно рот и преследовать родителей.

А когда они прилетели к нему с полными клювами пищи, он равнодушно отвернулся и перелетел на другое дерево.

На утро он улетел совсем.

Напрасно мухоловки звали его, таская в клювах пищу, напрасно искали его в лесу и жалобно пищали. Он больше не возвращался к ним.

Ведь это был уже не их детеныш, а дитя леса, взрослая серая кукушка.

ВОБЮЛЬ

ХОД ВЕСНЫ

Это ВОБЮЛЬ!.. радостно вскрикнула Ива. — Смотрите, она уже пришла... И Ива поспешно раскрыла свои еще несозревшие цветы-сережки.

Как стало весело вокруг! Солнечный зайчик запрыгал на весенней лужице и проломил ледок. Радуга заиграла тысячами брызг на разбитых льдинках. И все запело:

— Вобюль, Вобюдь!

Ива бросила ей свои золотистые цветы-сережки и сказала:

— Надень платьице, Вобюль, это будет твой первый наряд!..

Вобюль подняла с земли платьице и с любопытством рассмотрела его.

Это было бархатное платьице золотистого цвета. Дождь вспрыснул его своими духами и оно пахло свежестью и медком. Вобюль с удовольствием надела его. На ножки она не знала, что ей надеть. Вокруг нее еще было совсем пусто. Наконец, она нашла потемневшие скорлупки от прошлогодних желудей и всунула в них ножки. Нельзя сказать, чтобы ботиночки у нее были удобные, но Вобюль была рада им. На головку она набросила серенький платочек из сухого лишайника и оживленно крикнула Иве:

— Я иду уже!.. И Вобюль пошла. Первых, она разбудила Мать и Мачеху.

— Просыпайтесь скорее, — весело сказала она, — на дворе уже тепло!.. И она слегка приоткрыла их корзиночки с цветами.

Это были первые весенние цветы. Они смущенно встрепенулись и опустили перед Вобюль свои нераскрытые зеленые головки. Вобюль горячо зашептала им:

— Скорей же, скорей просыпайтесь!.. И она помогла им раздвинуть плотно сжатые зеленые листочки, скрывавшие их светложелтые цветы.

Когда Мать и Мачеха надели свои нарядные платья, Вобюль обсыпала их пыльцей.

— Вот вы и готовы уже!.. — облегченно сказала она. — Теперь,

когда прилетит к вам шмель, обмажьте же ему пыльцей головку, брюшко и лапки. Пусть он весь будет желтый. Он перенесет вашу пыльцу на другие цветы «Мать и Мачеха», и те цветы дадут крепкие и здоровые семена.

И Вобюль направилась к домику шмеля. Но как еще было пусто и одиноко вокруг! Домик шмеля стоял еще крепко забитый и дверь его была наглухо заложена землей.

Вобюль подошла к двери и нетерпеливо постучала. За дверью было все тихо. Тогда она постучала еще раз, и из домика, где-то глубоко под землей, раздался сонный и недовольный бас:

— Кто там?

— Это я, Вобюль, — сказала она, — пора вставать! И она помогла ему раскрыть дверь.

Из норки показался мохнатый широкий кончик брюшка и две задние лапки. Шмель пятился задом, выгребая землю. Он вылез из норки, радостно загудел и, отряхнув свое дорогое плюшевое платье от земли, стремительно поднялся в воздух. Вобюль крикнула ему:

— Лети прямо, там ждут тебя уже Мать и Мачеха!

Дорожка кончилась, и Вобюль увидела поле. Там все было уже зеленое и веселое от солнца. Навстречу ей летели журавли и серые цапли.

Она присела на камешек, чтобы немного отдохнуть и вдруг услышала звонкую ликующую песенку. Это пели овсянка и зяблик свой весенний дуэт. Песня была простая, как и сами птички, но потому-что это была весенняя песенка, посвященная Вобюль, в ней было много радости.

— Если-бы я могла, сказала Вобюль, я слушала бы вас без конца, но день так короток, а мне еще так далеко идти...

И Вобюль озабоченно оправила тяжелые башмачки и пошла дальше. Ей нужно было пройти к болоту, и она направилась туда.

Но не так-то просто было добраться до болота. Какая топкая и вязкая была еще вокруг земля! Вобюль сразу увязла в своих тяжелых ботиночках и оставила их в земле.

— Мои башмачки!.. — вскрикнула она и, наклонившись, вытащила их из грязи.

Они были все в земле, и Вобюль с трудом надела их на ножки. Она стояла теперь среди топкого луга и беспомощно оглядывалась. Но ее уже заметила жерлянка. Она успела проснуться после зимней спячки и теперь сидела на кочке.

Это была маленькая красавица лягушка, веселое и грациозное созданьице. Она уже вылезла из воды и весело грелась теперь на своем бережку. Привстав на задние лапки, жерлянка повернулась своим животиком к Вобюль, чтобы она могла видеть ее оранжево-красные и темно-

Из норки показался мохнатый широкий кончик брюшка и задние лапки. Шмель пятился задом, выгребая землю.

голубые крапинки, и во весь голос радостно заурчала, приветствуя Вобюль своей нежной песенкой.

— Прыгай на кочку! Здесь твердая земля!.. — крикнула она. И спрыгнув с кочки, жерлянка показала Вобюль дорогу.

В каждой маленькой лужице уже плавали и суетились крошечные созданьица: личинки комаров, водяные блошки, жучки-вертячки, плавунцы.

— Как хорошо, что вы уже не спите!.. — радостно сказала Вобюль жучкам. Вокруг нее еще было так пусто, что она даже подумала, что напрасно пришла так рано. Но это только ей так показалось. Ольха уже была покрыта сережками-цветами, из земли показались всходы болотной калужницы, а вдоль берега стояла лоза, тоже вся покрытая уже своими серенькими барашками-цветами, и грелась на солнце.

Чибисы заметили Вобюль и, вылетев из сухого очерета, подняли радостную суету и крик.

И все-таки, несмотря на радость, их крик был такой жалобный, что Вобюль, затыкая ушки, смеясь, крикнула им:

— Довольно, довольно!.. И, отвернувшись от них, она наклонилась над водой и позвала тритона.

Черный тритон стремительно поднялся на поверхность воды и, глотнув свежего воздуха, головой вниз смущенно спрятался от Вобюль на дно.

— Я сейчас, Вобюль, — крикнул он ей из воды, — я сейчас!.. И он поспешно начал сменять домашнее старенькое платье на нарядный жениховский костюм: оранжево-красную с черными крапинками жилетку и яркий причудливый гребень на спине и хвосте.

Какой праздничный и счастливый вынырнул тритон из воды и побежал по бережку навстречу Вобюль.

— Как!.. — воскликнула она, смеясь, — ты уже в брачном наряде?.. И, в восторге, она захлопала в ладошки.

Как гордо и самоуверенно тритон-жених пополз среди кочек и мха искать свое счастье.

Солнце светило все ярче и ярче, и днем стало настолько тепло, что красные солдатики все вылезли на пенек и легли отдыхать против солнца. Увидевши Вобюль, они оживленно засуетились и радостно зашептались между собой.

Но как быстро ушло тепло! Солнце светило недолго и, капризно укрывшись облаками, спряталось от всех.

Вобюль постучала кроту. Она подошла к его домику, заваленному рыхлой землей, и крикнула:

— Это я , Вобюль! Выходи!..

Крот был еще очень глубоко под землей, но он сразу же услышал ее голосок и поспешил к ней навстречу.

Какой праздничный и счастливый вынырнул тритон из воды и побежал по бережку навстречу Вобюль.

Вобюль ждала его. Когда он, наконец, выбрался из своего черного как туннель корридора, солнце уже скрылось за тучами.

Он вылез и, отряхивая землю, радостно поднял вверх свое смешное рыльце с круглым как пятачек, носом.

— О!.. — вскричал он возбужденно, — я давно уже ждал тебя. И радостный, он побежал, скрываясь среди прошлогодних листьев и молодой травы. Но как вдруг стало холодно. Подул ветер и сорвал с дуба желтый лист. Над Вобюль пролетел жук-навозник и прожужжал:

— Уф, как холодно!..

Вобюль плотнее завязала вокруг шеи свой теплый платочек и спряталась за клен. Здесь не так дул ветер.

— Ай, вскрикнула она, — кто это?..

— Это я!.. — пропищала жужелица-великан. Она поспешно ползла на своих длинных, быстрых ногах, хищно высматривая добычу.

— Здесь никто не спрятался?.. — спросила она, подозрительно оглядываясь во все стороны.

— Нет, испуганно ответила Вобюль, — я не видела никого.

И страшная жужелица-великан проползла мимо.

Небо становилось темнее и темнее. Это черная туча откуда-то быстро выползала, неся с собой ледяной холод.

— Там дупло в дубе, — сказала Вобюль маленьким птичкам, — и пустое гнездо дятла, прячьтесь скорее, там тепло!..

Не солнце ли так жестоко пошутило над зябликом, пеночкой-веснянкой и другими маленькими птичками, поспешившими прилететь первыми? Это оно нарочно закрылось холодной тучей и не оставило на земле ни капли тепла.

Как дрожал крот, застигнутый ледяным ветром среди листьев и травы. Его уродливые лапки озябли и ослабели, и он не в силах был копать ими землю.

— Вобюль, — жалобно стонал он в темноте, — помоги мне найти мой домик!.. Где ты?.. И ощупью, он полз по холодным, замерзшим листьям.

— Я не могу найти двери, стонал он, топчась на одном месте. Ветер заглушал его слабый голосок, а от холода он потерял обоняние.

Вобюль была недалеко от него. Но она дремала в гнездышке синички-ремеза и не слышала его голоса за шумом деревьев. Какое счастье, что ветер сжалился над ней и бросил ей эту ветку с прошлогодним гнездом, этот теплый уютный домик, искусно свитый из мха и паутины гусениц и выстланный внутри пухом и шерстью.

Но вдруг Вобюль показалось, что кто-то жалобно и тихо ее позвал. Тогда она вскочила и, высунув головку из крошечного бокового отверстия в гнезде, громко спросила:

— Кто там?..

Холодный ветер ударил ей в лицо, а туча бросила в нее своей гро-

мадной пригоршней ледяную крупу. Вобюль сжалась от холода и спряталась в гнезде. Она так и не услышала крота.

Едва передвигая лапки, крот приблизился к гнезду и несколько минут топтался на месте, не чувствуя, как близко от него Вобюль. Его бархатная черная шубка, несмотря на дорогой мех, плохо грела и он быстро коченел от холода.

Ледяная крупа сменилась снегом. Ветер поднимал теперь снежную пыль и бросал ее направо и налево. Хорошо было только тем, кто успел скрыться в теплые норки и, притаившись там, спал.

Жужелица-великан, увлекшись охотой, также не успела спрятаться и, оцепенев от холода, неподвижно сидела среди дороги.

Не успел добежать до воды и нырнуть головой вниз тритон-жених и в своем нарядном брачном костюме растерянно остановился в траве, покрытой снегом, и беспомощно ждал тепла.

Только жерлянка успела во время уйти со своего бережка в ил.

Всю ночь зима, неожиданно вернувшись домой, шумела и сердилась на всех.

— Кто набросал на землю травы?.. — кричала она недовольным голосом.

— Кто полез на деревья и навесил сережки?.. — визжала она.

— Кто открыл раньше времени цветы?.. Кто выпустил из нор зверьков и насекомых?..

Она шумела, брызгала холодной слюной и суетливо бегала по полю, лесу и болоту, разыскивая виновника нарушившего ее покой.

И все сразу замерло и пугливо попряталось под землей.

Вобюль притаилась в гнездышке и вся дрожала от страха.

Напрасно зима искала ее и шарила костлявой рукой по веткам деревьев. Напрасно она злобно выла:

— Не здесь ли спряталась Вобюль?.. Не она ли всполошила всех раньше времени и подняла со своих мест?..

— Я убью ее!.. — выла она и с громким визгом неслась дальше по полям и лесам.

Вобюль вздрагивала от воя и визга и еще глубже прятала головку в теплый пух, перевитый шелком из тонких паутинок.

Всю ночь бушевала зима. Но утром она утихла и, усталая, побрела на север.

Первый робко застучал по сосне дятел и стал будить птиц.

— Вставайте!.. — сказал он, — зима уже ушла!.. Но не все птички проснулись в это холодное утро. Пеночка-веснянка и нежная зарянка не ответили дятлу веселой песенкой.

Вобюль увидела их, как только выглянула из гнезда. Что натворила за ночь злая старуха! Она убила ранних птичек, заморозила молодые побеги и листочки, и жестоко наказала бедного крота. Он тоже

Всю ночь зима, неожиданно вернувшись домой, шумела и сердилась на всех.

лежал недалеко от своей норки, повернувшись на бочек и его уродливые лапки неподвижно застыли в воздухе.

Вобюль подбежала к нему и, наклонившись, испуганно позвала его, но крот молчал.

— Проснись! Проснись!.. — тормошила она его, — да, проснись же!..

Напрасно солнце хотело загладить свою жестокую шутку и светило теперь так сильно, что всем стало даже жарко. Но жара не разбудила уже крота, не разбудила и жужелицы-великана; оцепенев, она так и сидела среди дороги, не двигаясь с места. Не вернула к жизни жениха-тритона, не успевшего найти свое счастье и в своем ярком, веселом брачном костюме крепко уснувшего. Не согрелся и шмель и, вместе с опавшими сережками, весь укрытый пыльцей, лежал под ивой.

— О... — шептала в отчаянии Вобюль, — как рано я пришла и как рано я разбудила вас!..

Но солнце не дало ей долго печалиться. Скоро маленькие птички, первые, радостно запели свои песенки, раскрыли свои чашечки цветы «Мать и Мачеха» и все опять ожило.

Никому не было уже дела до мертвых птичек, до крота, до жужелицы-великана, до нарядного тритона, все были заняты своим делом. Только жуки-могильщики спешили исполнить свой мрачный похоронный обряд и суетились над ними.

Вобюль оставила печальное место и пошла дальше, навстречу пробуждающейся жизни.

— Сними свой шерстяной платочек!.. — сказало ей солнце. — Сегодня будет жаркий праздничный день. И Вобюль сняла шерстяной платочек.

— Сними и свое теплое платьице, я дам тебе другое, — сказало солнце, и Вобюль сняла свое бархатное тяжелое платьице.

Солнце бросило ей пушистое платье лилового цвета, приготовленное для сон-травы. Вобюль разбудила эти дремлющие нежные цветы и одела их.

Больше не было уже холодных дней.

Серые вороны праздновали свое новоселье и садились на гнезда. Вылезла из зимнего убежища черная гадюка и, спрятавшись в траве, смотрела оттуда острыми хищными глазами. Солнце не жалело уже ничего и бросало прямо под ноги разноцветные наряды.

— Выбирай, Вобюль, — говорило оно ей, — выбирай все, что тебе нравится. И Вобюль, возбужденная и счастливая, бросалась то к одному, то к другому платьицу и жадно собирая их все вместе, смеясь и радуясь говорила цветам:

— Сейчас, сейчас!.. Я всех одену... — и Вобюль раздавала направо и налево платья.

— Это твое, — говорила она медунице. И, вынув розовое надушенное медом платьице, отдавала его медунице. Торопясь и проливая мед на траву, Вобюль наливала до края полные чашечки цветов медом.

— Тебе... — говорила она смолке, — видишь, какое яркое малиновое платьице... Тебе не надо никаких духов. На твой цвет прилетят тысячи маленьких мушек, бабочек, пчелок и даже шмелей. Тебе нечего бояться за свою пыльцу... Надевай, надевай его скорее!..

И Вобюль щедрой рукой разбрасывала солнечные подарки. Но не все были довольны Вобюль.

— Наше платьице никуда не годится, — сердито говорили ей маленькие ландыши. — Ты нарочно выбрала для нас такие дешевые, простые, белые платья. Кто нас заметит в них?.. Какая глупая пчелка или бабочка прилетит за нашей пыльцей? И обиженно, ландыши отворачивались от Вобюль. Но Вобюль, смеясь, вытаскивала уже флакон духов и говорила:

— Вы ничего не понимаете! Нельзя всем быть разодетыми. Наряды быстро приедаются. Я надушу вас...

И она лила прямо в середину их чашечек крепкие, сильные, дурманящие духи.

— О... — говорила она, — теперь вас даже ночью найдут бабочки и отнесут вашу пыльцу, куда нужно...

Но шиповнику она бросила завязанное в зеленый пакетик бледно-розовое платьице и серьезно, уже не смеясь, сказала:

— Спрячь!.. Тебе рано еще его надевать... Когда ты его наденешь, твои цветы скажут нам, что весна уже кончилась...

И нахмуренная, немного опечаленная, Вобюль передала шиповнику крепко связанный зеленый пакетик.

С каждым часом Вобюль становилась все прекраснее и прекраснее. Теперь уже каждый жук жужжал ей об этом, каждая бабочка, пчела и даже маленькая мушка восхищались ею.

И Вобюль, эта маленькая королева весны, шла по своему роскошному ковру и радостно говорила всем:

— Торопитесь жить! Выходите поскорее из норок, стройте скорее гнезда, высиживайте поскорее птенцов...

Это было ее счастливое и радостное шествие. Но весна приходила к концу. Птицы спешили накормить своих жадных птенцов. Зверьки торопились к своим норкам. И даже монашенки, эти неповоротливые толстые бабочки, прятались в укромные местечки и откладывали там свои яички.

И веселое шествие Вобюль кончилось. Никому уже не было дела до нее, все были заняты своим делом, и Вобюль почувствовала, что она уже лишняя. Ударил гром, и все залил проливной летний дождь.

— Весна коротка... — грустно сказала Вобюль.

Солнце заходило теперь поздно. Дни стали длинные и в сумерки жуки-навозники тревожно гудели:

— Весна прошла, прошла...

Вобюль поправила свою плюшевую туфельку из зеленого мха и остановилась. Она подошла к Иве, но Ива сверху до низу вся была покрыта уже пушинками-семенами.

— Ты уже отцвела?.. — спросила ее Вобюль, и огорченно, с тревогой, она подумала, что ей пора уже уходить.

Всю ночь Вобюль не спала. Как много еще дела нашлось для нее в эту тревожную последнюю ночь.

Ветер дул сухой и жаркий, чтобы не дать ей отдохнуть.

— Вобюль!.. — просила ее Ива, — сорви с меня пушинки, пока еще нет дождя.

— Вобюль!.. — просили ее одуванчики, — помоги нам, ветер не все унес от нас семена...

— Вобюль! Вобюль!.. — звали ее осина и тополь, не забудь же и нас. И Вобюль, спеша и волнуясь, бежала ко всем.

— Я сейчас!.. — говорила она всем, — я сейчас!.. и, взбираясь на ветки Ивы, легкая и гибкая, Вобюль срывала пушинки-семена и бросала их ветру.

— Неси!.. — волнуясь говорила она ветру, — скорее же неси их, не задерживай... Как ты медлишь!.. И передавая пушинки ветру, она рассыпала их по траве, земле и песку.

Какая тревожная была ночь! Сухой и жаркий дул ветер. Напрасно Вобюль думала, что он медлит. Он дул из всех сил, срывая семена с веток, подхватывая их с земли, вырывая из рук Вобюль.

И все-таки, он не успел все сорвать. На рассвете пошел дождь и смочил все пушинки и семена. Они теперь, как вата, мокрые повисли на ветках и не могли больше лететь.

Вобюль, бледная и бессильная, опустилась на землю. Ветер бросил ей зеленый пакетик. Вобюль подняла его с земли.

Это были цветы шиповника — последний весенний наряд Вобюль.

— Раскрой пакетик, весна уже кончилась... — сказала она шиповнику и устало набросила на себя нежное и непрочное платьице бледно-розового цвета.

— Как ты прекрасна!.. — сказала ей Ива; Вобюль грустно улыбнулась ей...

Неизвестно, куда она ушла. Молодые грачи видели как-будто она шла на север. Может-быть и так. На севере весна бывает ведь позже, и Вобюль могла направиться туда.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ МУХА

Всем БЫЛО не по себе. Веселый песик Кип и собака Чипа поссорились и сидели повернувшись друг к другу хвостиками. Старое дерево еще больше пожелтело и сорило вокруг себя на землю листьями. Даже ветер, шальной озорник, спрятался под крышей и жалобно там скулил.

Но мухе было весело. Она поднялась высоко над крышей дома и полетела, вся замирая от удовольствия. Чему она радовалась в такой холодный, невеселый день? Трудно сказать; вероятно, тому, что она могла еще летать и еще не погибла от холода.

Она долго кружилась в воздухе, выделывая самые замысловатые и сложные фокусы, пока, наконец, запыхавшись, не опустилась на крышу дома.

На крыше возле трубы сидел незнакомый кот и мылся, а недалеко от него на сухом листе спала божья коровка.

Муха подлетела к ней и осторожно потрогала ее лапкой.

— Ты спишь?.. — спросила она, но божья коровка ничего ей не ответила и продолжала крепко спать.

— Почему божья коровка молчит и не просыпается?.. громко спросила муха.

Слабенький голосок под листом пропищал ей в ответ:

— Она умерла сегодня ночью от мороза... говорила личинка, укрытая с ног до головы в шелковый, как теплое одеяло, кокон.

Муха строго посмотрела на божью коровку и поспешно полетела прочь.

Незнакомый кот возле трубы уже помылся и крепко спал. Муха села ему на горячее ухо, и он проснулся.

— Убирайся вон! — недовольно мяукнул кот и отмахнулся от нее лапой. Но мухе это показалось забавным, и она с уха перелетела к нему на глаз.

— Фрр!.. какая надоедливая! — фыркнул кот и сердито поднялся с насиженного места.

Муха игриво закружилась над ним и стремительно слетела вниз.

— Однако, как холодно!.. — прожужжала она и села на старое дерево.

— Можно у тебя погреться? — спросила она у дерева и залезла в одну из глубоких, как морщины, трещин на его коре.

Но дерево спорило со старым дворником и не заметило мухи.

— Нечего сказать, дерево! — ворчал дворник и, с сердцем, сгребал под деревом желтые листья.

— А, чем не дерево!.. — обиженно отвечало дерево.

— Старое такое, — бурчал дворник, — а туда-же... сорит тут на землю...

— Подумаешь, такой молодой, а не может убрать листья, — ворчало дерево.

— Охота вам ссориться!.. — прожужжала муха и выглянула из трещины на коре.

Песик Кип и собачка Чипа сидели уже рядышком и нетерпеливо посматривали на окошко.

Вдруг, форточка в окне открылась и мальчик Чурик, высунув в форточку стриженную голову, громко закричал:

— Все зверята, собирайтесь!.. Раз-два-три!.. И он начал бросать через форточку крошки хлеба.

Кип и Чипа вздрогнули от неожиданности и бросились к окну. Утка и веселый петух столкнулись впопыхах. Рыжая кошка, индюк, и незнакомый кот разом вскрикнули и тоже бросились к окну.

Муха села на форточку и, прежде чем мальчик успел закрыть ее, влетела уже в комнату.

— Здравствуй, Чурик, — прожжужала она, — здравствуй, не думай, что я обыкновенная муха, нет, совсем нет...

И она так закружилась по комнате, точно собиралась сломать себе шею.

Чурику не было дела до мухи, и он не обратил внимания на ее танцы. Но вдруг до его слуха донесся жалобный, отчаянный писк:

— Спаси, спаси меня скорее, Чурик!.. — пищала муха и изо всех сил пыталась вырваться от паука.

Паук был втрое больше ее и уже занес над нею свои острые, страшные челюсти, чтобы выпить ее мозг, когда Чурик услышал ее жалобный писк и поспешил к ней на помощь.

— Ого, какой паучище!.. — сказал он и, взяв за крылышки муху, легко освободил ее из паутины.

— Лети себе, — сказал он и разжал пальцы.

— Спасибо, Чурик, я никогда не забуду тебе этого!.. — крикнула ему благодарная муха и взлетела на потолок.

Мальчику нездоровилось, и вечером мама, бабушка, и старая служанка пораньше уложили его в постель. С потолка мухе было видно, что делается в комнате, как мальчик ложился спать, а песик Кип и собачка Чипа, крадучись, вошли в комнату и тихонько подлезли под диван.

— Сидите себе спокойно, — зажужжала муха им, — вас никто не заметил, кроме меня.

Кип и Чипа перестали виновато вилять хвостиками и крепко уснули под диваном.

Ночью их разбудил слабый свист. Так звал их иногда Чурик. Они радостно выскочили из под дивана и хотели уже бежать к Чурику, но вдруг остановились и с недоумением посмотрели друг на друга.

Среди комнаты стояла черная муха, повязанная красным платочком, с электрическим фонариком в лапке и тихо посвистывала.

— Не шумите, — строго сказала она им, — вы разбудите всех в доме. И она медленно, слегка прихрамывая на левую ногу, пораненную пауком, направилась к комнате Чурика. Кип и Чипа хотели было идти за нею, но она строго погрозила им лапкой.

— Оставайтесь здесь, — сказала она им, — вы не умеете ходить на цыпочках и громко стучите ногтями. И, бесшумно открыв дверь, она вошла в комнату Чурика.

Мальчик крепко спал и не слышал, как она вошла, но он сразу же проснулся, когда она сказала ему:

— Вставай, Чурик, скорее вставай, иначе ты опоздаешь, и я не смогу никогда больше тебя отблагодарить!.. И она помогла Чурику встать и одеться.

Кип и Чипа стояли уже возле двери и с нетерпением ждали Чурика. Но муха, казалось, не замечала их и очень спешила.

— Сюда, Чурик, сюда!.. — торопила она, направляясь через двор к старому дереву. Под деревом лежали желтые листья и каждый из них светился таинственным желтым светом.

— Почему листья светятся?..—спросил мальчик у мухи, но она ничего ему не ответила и бегом направилась к забору.

— Сюда, сюда!.. — жужжала она, показывая лапкой на забор, и перелетела на ту сторону.

Кип и Чипа перепрыгнули за ней, и Чурик поспешил за ними. На дворе было так темно, что мальчик не мог понять, где он находится. Электрический фонарик потух. Вдруг до его слуха донеслось жалобное пение, похожее на плач.

Пение приближалось и становилось все громче и громче. Теперь уже ясно можно было различить отдельные голоса кузнечиков, мух, шмелей, ос...

— Что это за пение?.. — испуганно спросил мальчик у мухи.

Но муха, казалось, не слышала его вопроса. Она подняла лапки и, откинувшись назад всем корпусом, присоединилась ко всем поющим. Она пела таким жалобным тоненьким голоском, что трудно было удержаться от слез.

Муха пела о том счастливом времени, когда на дворе светило жаркое солнце, цвели деревья, цветы, была зеленая трава и каждый день

для всех был веселым праздником. Но жаркие дни быстро пролетели. Наступила холодная осень, и сразу все перестало радоваться и петь.

Печальное шествие приблизилось, показался таинственный зеленовато-желтый свет. Это желтые листья ползли по земле, освещая дорогу. За ними шли комнатные мухи и жалобно пели. Их было так много, что не было никакой возможности сосчитать их.

За мухами, прихрамывая, прыгали кузнечики и полевые сверчки. За кузнечиками, мрачно опустив голову в землю, гудели, как трубачи, шмели. За шмелями шли пчелы, нагруженные пыльцей. Где они достали ее в такое время, прямо непонятно было! А за пчелами шествовали осы, жуки, бабочки, пауки...

На бабочках были праздничные нарядные платья. Бабочка «павлинье очко» выставила напоказ на своих крыльях большое, как у павлина на хвосте, очко, оно сверкало радужными красками.

Но замечательнее всего были пауки. Паук-крестовик нес на спине большой белый крест, а паук-бродяга, весь укрытый как бородавками собственными детьми, тащил их на себе, едва дыша от тяжести.

Все пели. Кто-бы мог думать, что и у пауков был голос и они тоже пели нисколько не хуже остальных.

Шествие поравнялось с Чуриком, и он поднял вверх руку в знак сочувствия общему горю.

— Кого они хоронят?.. — тихо спросил он у мухи.

— Ах, — шепотом ответила ему муха, — они хоронят последний, самый последний теплый день!..

В середине шествия Чурик увидел погребальную колесницу. Это был большой зеленый лист лопуха, цугом запряженный жуками могильщиками. На лопухе, вытянувшись во всю длину, лежал последний солнечный день.

Вокруг колесницы шли с сосновыми свечечками на рогах жуки-олени. Все пели. Но больше всех старались комнатные мухи, это были настоящие плакальщицы.

Торжественное шествие остановилось возле высокого дерева с опавшими листьями. Листья, как живые, расползлись во все стороны, и вокруг дерева образовалась площадка.

Жуки-могильщики с трудом, медленно втащили на площадку лопух. Шмель-трубач приблизился к погребальной колеснице и низким басом что-то загудел, видимо, он хотел сказать надгробное слово. Он обронил слезу, и она покатилась по его плюшевому дорогому наряду.

— Шмель плачет!.. — тихо прошептала мальчику растроганная муха и заплакала сама.

Жуки-олени расступились и дали дорогу шмелю. Шмель вплотную подошел к колеснице.

Чурик увидел, как он вытянул лапки в желтых бархатных перчатках

и осторожно, осторожно развязал белую шелковую нитку, завязанную крепким узелком возле головы летнего дня.

Вдруг, он отдернул лапку и усиленно замахал ею в воздухе. В том месте, где он развязал первый узелок, пробился горячий солнечный луч и ожег его.

Шмель помахал лапкой в воздухе и снова низко наклонился. Он еще осторожнее ухватился за кончик шелковой ниточки и развязал второй узелок.

Новый луч солнечного света пробился и в другом месте, но шмель во время отдернул лапку и горячий луч не ожег его. Он повернул летний день и развязал сбоку узелок.

По мере того, как он развязывал новые узелки и накручивал шелковую нитку на черешок лопуха, солнечные лучи со всех сторон неудержимо вырывались наружу.

Это было замечательное зрелище. Чурик, не отрываясь, смотрел на работу шмеля и с нетерпением ждал, чем все это кончится. Наконец, шмель смотал последний ряд ниток и быстро отскочил в сторону. Жаркий солнечный свет ослепил всех. На лопухе, во всей своей красоте, лежал последний солнечный летний день.

Невообразимый восторг и радость охватили всех. Бабочки закружились в воздухе, пчелы загудели, жуки-олени подняли высоко рога и бросили на землю сосновые свечечки, а паук-крестовик и паук-бродяга выпустили, одну за другой, паутинки, ни больше и не меньше, величиной с бабье лето.

Чурик подбежал к лопуху, чтобы лучше рассмотреть летний день, как вдруг, шмели грозно загудели, жуки-олени воинственно наставили против него рога, поднялся ужасный шум.

Летний день открыл синие глаза и глубоко вздохнул. За спиной у него медленно расправились прозрачные голубые крылья. Он улыбнулся всем и приветливо кивнул головой мальчику.

Жаркий солнечный свет горячей волной снова согрел всех. Но, однако, как ненадолго стало тепло. Напрасно летний день пытался подняться вверх и взлететь на высокое дерево, чтобы сверху еще горячее греть всех. Его большие крылья только беспомощно махали, но не могли поднять высоко его тело.

Холодный ветер откуда-то с поля задул на него и растрепал на крыльях голубые перья. Он еще и еще раз помахал крыльями и бессильно упал обратно на лопух. Солнечный свет погас, и вокруг сразу стало мрачно и холодно.

Мухи в темноте жалобно заплакали, да и было из-за чего. Летний день неподвижно лежал на лопухе, и от него не шло больше ни капли тепла.

Шмель, первый, подошел к нему проститься. Он снова пытался что-то сказать, но не смог и только безнадежно махнул лапкой. Это

было сигналом для жуков-могильщиков. Они натянули зеленые постромки, и лопух медленно двинулся с места, увозя куда-то далеко летний день.

В воздухе пронеслось холодное дыхание, а на дороге, где исчезла печальная колесница, появилась, в белой до земли шубе, высокая как столб, прямая старуха. Она издали остановилась и погрозила всем мохнатой как у медведя лапой.

Этого было достаточно. В ту-же секунду все, кто был здесь, все до одного, бросились, куда видно бежать и скрылись в темноте.

— Скорее, скорее беги домой!.. — испуганно запищала муха мальчику и, тоже сломя голову, бросилась убегать. Кип и Чипа с громким лаем помчались за ней. Чурик побежал вслед за ними.

Во дворе уже было совсем темно, желтые листья под старым деревом потухли и больше не освещали дорогу.

Мальчик добежал до дома. Муха уже стояла на крылечке и ждала его. Они вошли в дом, а Кип и Чипа остались на дворе.

— Спи, Чурик!.. — грустно сказала муха мальчику и закивала ему головкой, как бы говоря, — прощай, прощай!..

А на утро, когда Чурик открыл глаза, он увидел в окно белый, покрытый снегом двор, занесенное снегом старое дерево, двух собачек, жавшихся от холода друг к дружке, и веселого петуха, кричащего хриплым голосом:

— Я охрип, охрип, как холодно на дворе!..

А возле кровати на полу он увидел маленькую мертвую муху. Да, это была она, в этом не было сомнения. Чурик сразу узнал ее по прозрачным крылышкам и кривым лапкам. Она лежала неподвижно и тихо, как будто случайно опрокинулась и не могла подняться.

Чурик тронул ее пальцем, но она не двинулась и не полетела. Электрический фонарик и красный платочек лежали около нее, как бы указывая Чурику, что все, все, что произошло ночью, была правда, а не сон.

И никто в доме, ни старая бабушка, ни мама, ни умная служанка, никто не мог обяснить, откуда взялся в доме электрический фонарик и красный платочек.

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК

НЕИЗВЕСТНО, каким образом Найяс* получила золотой ключик. Говорили, как-будто его уронил нечаянно гром с каплями дождя, а Найяс спрятала его на дне реки.

Еще говорили, что его нарочно бросила птица, которая пролетала в это время с грозой. Она была такой-же величины, как туча.

Крылья у нее были большие и светлые и в красном клюве она держала золотой ключик.

Птица крикнула Найяс что-то на своем непонятном языке и бросила ключик в воду.

Не каждый понял, что крикнула она, но старая рыбачка, понимавшая язык зверей и птиц, говорила, что птица крикнула Найяс:

— Отдай ключик человеку, пусть он узнает, что такое счастье!

Так или иначе, а ключик был у Найяс. Она спрятала его глубоко на дне реки, в пустой крошечной ракушке, и стала ждать.

Первым пришел хромой человек на двух костылях. Он положил свои костыли на песок и наклонился над водой.

Он долго искал своими близорукими глазами золотой ключик в воде, но ничего не мог найти.

Тогда Найяс крикнула ему тоненьким голоском: :

— Ты ищешь ключик?.. Вот он!.. И она слегка приоткрыла ракушку.

Теперь человек увидел золотой ключик. Он лежал на крошечной створке белой перламутровой ракушки и сиял, как драгоценный камень.

— Какое счастье иметь его, — подумал хромой человек. — За него можно взять немало денег! Наконец-то я вылечу свои больные ноги.

И он протянул костыль к воде, еще ниже наклонился и стал шарить костылем по дну, надеясь вытащить ракушку с золотым ключиком, но он достал только комок ила.

Найяс спрятала ракушку в песок и шаловливо смеялась.

— Напрасно ты мутишь воду своей палкой, — крикнула она, — ключик у меня, я спрятала его так далеко в песок, что ты не найдешь его.

Хромой человек поднял голову, разочарованно взглянул на мутную

* Найяс — водяное растение (Русалочья трава).

воду, ничего больше не увидел в ней и, грустный, заковылял домой.

Вторым пришел пожилой человек, но он не был еще старым. Глаза у него видели хорошо, слышал он тоже хорошо, руки у него были сильные и он был такой толстяк, что Найяс не могла смотреть на него без смеха.

Он сразу заметил Найяс:

— А-а!.. — радостно вскрикнул он, — я знаю эту историю, ключик спрятала Найяс!..

— Да!.. — игриво крикнула Найяс, — ключик спрятала я! И она достала ракушку и, слегка приоткрыв, подразнила ею человека.

— О!.. за этот ключик можно отдать все свое состояние!.. — крикнул он и, низко наклонясь, протянул жадные руки к Найяс, чтобы достать ее из воды.

Найяс присела на песке, как только могла, и спрятала в водорослях свою головку.

Долго толстый человек искал ее в песке, два раза задел даже Найяс пальцами, но все-таки не нашел ее и ушел.

— Ха-ха-ха!.. — смеялась Найяс вслед ему, — и тебе тоже захотелось иметь золотой ключик!

Шел дождь. Вода делалась в реке быстрая и мутная, и Найяс очень беспокоилась, чтобы ключик не занесли волны.

Буря бывала ночью. Найяс не спала и смотрела на ракушку. Она боялась еще рыб, особенно сомов. Они ползали прямо по дну, не поднимаясь кверху, и всюду шарили своими широкими тупыми носами.

У них были длинные черные усы и они смотрели на Найяс стеклянными страшными глазами.

Найяс сказала им однажды:

— Напрасно вы ищете себе здесь пищу, здесь ничего нет, кроме песчинок и камешков. Но они не обратили никакого внимания на ее слова.

Днем пришел еще один человек. Песок был мокрый, и человек присел на камень. Лицо у него было печальное и безразличное, как-будто ему не было никакого дела до ключика. Он сидел так очень долго, пока не озяб от ветра. Тогда он встал и ушел.

Найяс не успела, как следует, рассмотреть его и не поняла, зачем он приходил.

Трудно перечислить всех, кто приходил к Найяс. Приходили и дети, но Найяс не любила их. Дети всюду лазили, не боялись холодной воды, что-то искали и чему-то радовались.

Они напоминали Найяс молодых охотничьих собак. Она видела однажды поздней осенью, когда они, разгоряченные и обезумевшие, схватили еще живую подстреленную птицу.

Найяс долго не могла забыть ее крика. Птица кричала без конца, пока охотник не прибил ее прикладом.

Дети уходили, и Найяс облегченно вздыхала. Все равно, она никогда не дала-бы им ключика.

День сменялся ночью, ветер уносил время, а Найяс стерегла ключик и не знала кому его отдать.

Но однажды, тот человек, который пришел тогда, неизвестно зачем, пришел на рассвете, когда Найяс меньше всего ждала кого-либо.

Ночью была буря, и только на рассвете Найяс крепко уснула.

Человек сидел на камне. Найяс проснулась в тот момент, когда он наклонился над водой и смотрел куда-то вниз, на дно реки. Теперь Найяс рассмотрела его. Лицо у него было совсем молодое, а глаза светились как две звезды, готовые упасть на дно реки, чтобы никогда больше не подняться.

Он увидел Найяс и грустно улыбнулся ей. Лицо у него было печальное и безразличное и он совсем не думал о золотом ключике.

Найяс сразу почувствовала, что это пришел он. Она раскрыла обе створки ракушки, кивнула ему своей крошечной головкой и радостно крикнула:

— Я открыла ракушку!.. Смотри! Тебе виден ключик?.. И она подняла ракушку, как только могла выше.

Человек наклонился, чтобы увидеть ракушку, но в это время поднялся ветер, пошел дождь, и он ничего не увидел. Когда Найяс взглянула вверх, человек уже ушел. Она смотрела на пустой камень и не могла понять, почему ей неприятно. Капли дождя падали в воду и мешали ей смотреть.

На другой день на рассвете она уже не спала и ждала его. Дождь перестал идти, и утро начиналось светлое и тихое, но человек не пришел. На дворе была весна, и Найяс цвела. Солнце стояло высоко, и Найяс сияла, освещенная солнцем. Наконец, он пришел.

— Почему ты так долго не приходил? — спросила Найяс. — Я ждала тебя три дня. И она снова открыла обе створки ракушки и показала ключик.

Человек сразу увидел ключик таким, каким он был в действительности.

Ключик был крошечный. Он совсем не был в драгоценных камнях, и золота на нем тоже не было. Но он был сделан так тонко, работа на нем была так прекрасна, и он весь сиял таким весельем, такой красотой, и вместе с тем он был такой крошечный и легкий, как пушинка сорванная с цветка солнечным лучем и унесенная вместе с ветром.

Человек сразу понял, что такое счастье. Глаза его вспыхнули от восторга, лицо озарилось улыбкой, и он весь потянулся к Найяс.

Найяс встретилась с его вспыхнувшими глазами и вздрогнула от радости, охватившей ее.

— Если я отдам ему сейчас ключик, я никогда больше не увижу

его чудесных глаз, — тревожно подумала она. И стряхнув с себя тревогу, она весело засмеялась и закрыла ракушку.

— Не правда-ли, его приятно иметь? .. — крикнула она задорно. — Я буду ждать тебя завтра, придешь? .. — спросила она, пряча ракушку и игриво выглядывая из водорослей.

— О, да! .. — вскричал человек, — я приду к тебе на рассвете, я приду! ..

Найяс теперь была одна. Ее радость ушла вместе с человеком, и она ничего не могла понять, что с нею. Она грустно посторонилась и дала дорогу черной беззубке.

Сквозь воду она увидела желтые лепестки расцветшей ночью кубышки. Качнувшись гибким телом, она хотела оторваться от крепких корней, чтобы всплыть наверх и еще раз увидеть человека.

Вдруг она услышала грубый смех и вздрогнула. Это смеялись над нею рыбы сомы. Они подплыли совсем близко к ней и крикнули ей прямо в уши:

— Ты потеряла вместе с ключиком свое сердце, Найяс! .. Ха-ха-ха! ..

Их страшные стеклянные глаза были так близко от Найяс, их черные жесткие усы кололи ее нежное тело, и они смеялись так громко, что Найяс спрятала головку в песок и закрыла глаза.

Когда она открыла глаза, сомы уже уплыли, и она увидела только водяного паука, который плыл мимо нее вместе со своим воздушным домиком.

Злая Элодея, водяная зараза, наклонилась к нему и смеясь сказала:

— Какой позор! Найяс влюблена в человека... Вы видите, она потеряла всякий стыд... Какой позор! .. — и самодовольно тряхнув своими запутанными кудряшками, Элодея отвернулась от Найяс.

Найяс было скучно, и она с тоской смотрела вверх. Время тянулось необыкновенно медленно, и она не знала, что ей делать.

И все-таки она дождалась рассвета. На рассвете пришел человек. Его глаза горели, его рот тянулся к Найяс и весь он был охвачен огнем, который мог сжечь его.

Найяс сразу поняла, что он пришел за ключиком.

— Ты пришел за ключиком? — спросила она волнуясь, — я дам тебе его... И она достала ракушку из песка и крепко прижала ее...

Но она продолжала держать ракушку и смотреть на человека. Она не могла оторвать от него своих глаз. Теперь его глаза не хотели упасть на дно реки... Сколько ласковых слов было скрыто в его улыбке, сколько трепетной волнующей жизни было в его молодом лице. Теперь оно не было безразлично.

Найяс вздрогнула от волнения и нерешительности.

— Нет! — с трудом вскрикнула она и весело засмеялась. — Я отдам тебе его завтра... — И она шаловливо брызнула в лицо человека водой.

— Освежись!.. — смеясь сказала она, — утром все умываются!.. И она спрятала ракушку в песок.

Человек не скоро ушел. Он не понял, над кем смеялись рыбы сомы и не слышал, как они сказали:

— Ну, подожди, мы подшутим над тобой, глупый человек, ты легко хочешь взять свое счастье!..

Он не обратил внимания и на злые слова Элодеи. Она вертелась у его ног, всячески желая привлечь его внимание.

— Его надо наказать, — говорила она, — какой позор, какой стыд!..

Человек видел одну только Найяс и ждал от нее ключика. Он ушел поздно.

Найяс больше не смеялась. Теперь она была печальная и тихая. Она поняла, что завтра ей надо отдать ключик.

Ночью была буря. Вода была холодная и мутная. Найяс слышала, как жалобно плакали чайки. Она не спала ни одной минуты и все время, с тревогой, смотрела на ракушку.

Волны были такие большие и сильные. Они рвали и дергали Найяс, как будто хотели унести ее вместе с ключиком. Они нарочно нанесли на ракушку зеленые длинные русалочьи волосы и мешали ей смотреть. Элодея с ненавистью следила за нею. О чем-то таинственно шептались страшные рыбы-сомы и пугали Найяс.

Как ужасно устала Найяс. Она вся дрожала от напряжения, тоски и страха. Ее глаза едва уже различали ракушку, ее уши уже едва слышали шопот рыб, ее гибкое тело с трудом боролось с волнами.

А на рассвете она не смогла больше побороть усталость и крепко уснула.

Когда она проснулась, было уже утро. Сквозь желтую воду она увидела серое тяжелое небо и мокрый пустой камень.

Человек стоял на берегу и искал Найяс. Найяс печально крикнула ему:

— Как хорошо, что ты пришел. Наконец-то я отдам тебе золотой ключик... Бери же его, скорее, бери!..

Она достала ракушку, закрыла глаза и протянула ее человеку.

Теперь человек наклонился над водой, как только мог ниже, чтобы взять ракушку. Он с волнением прижал ее к себе. Сердце его билось теперь только для счастья и не смогло-бы уже биться ни для чего другого, и он приоткрыл створки...

Но, может-быть, это страшные рыбы-сомы так зло подшутили над человеком, когда уснула Найяс, а может-быть, это волны нечаянно приоткрыли ракушку во время бури, — Найяс не знала, и никто не знал.

Но, когда человек раскрыл ракушку, она была... пустая.

МАНЬЦЯ И ТАНЬЦЯ

РАЗВЕ-ЖЕ ЗНАЛИ два маленьких муравья, что после дождей, когда было так мокро и холодно на дворе, вдруг сразу наступят солнечные дни?

Нет, они этого не знали. Не знали этого и земляной червяк, и беленькая орхидея, и сердитый шмель. Нечего и говорить о Маньце и Таньце, конечно, они никак не могли знать, так как родились как раз в то время, когда начались дожди.

Но голубая Вероника знала все, она была старше всех и хорошо помнила день рождения Маньци и Таньци. Это был удивительный день!

Вероника притаилась среди чужих листиков, кажется, то был подорожник, а может быть глухая крапива, она не могла точно вспомнить, и подсмотрела, как появились на свет Маньця и Таньця.

Сначала закапал дождик. Она очень обрадовалась чудесным капелькам, отчего еще больше и еще ярче засинела ее головка.

— Ты похожа на кусочек неба! — сказала ей большая, мокрая и добродушная улитка и, оставив на дорожке белую блестящую пену, поползла дальше.

— Я знаю... — ответила ей Вероника и радостно засмеялась. И в тот момент, когда ее смех встряхнул росу на лепестках, она увидела, как из белой мыльной пены, оставленной улиткой на дорожке сада, выглянули две крошечные детские головки и разом кивнули ей:

— Вот мы и родились, доброго утра, Вероника!.. — крикнули они ей. Как они были прекрасны!.. Вероника ничего подобного еще не видела в своей жизни. Она засмеялась еще радостнее, еще веселее и крикнула, как могла громче, улитке:

— Смотри, смотри, кто родился!.. Но улитка уже уползла и исчезла, неизвестно, где.

Так родились Маньця и Таньця. Это, уже после, окрестил их так земляной червяк. Он тоже подсмотрел, как они родились, и потому считал себя крестным отцом.

Вероника была очень огорчена за малюток. И как же не огорчиться! — Таким чудесным крошкам дать такие простые, некрасивые имена! От волнения она так сильно раскачалась на своем стебле, что чуть-чуть не сломала себе головку. Но, в конце-концов, все-таки ее

утешили: она попала в крестные матери и крестила одну из девочек, по имени, Маньця.

В это время и зачастил дождь. Он положительно все заливал, — траву, листья, цветы, зеленый мох и даже домик Маньци и Таньци.

Домик был очень мудреный, потому что все принимали участие и строили его. Откуда и набралось такое количество народа! Прежде всех приползли два маленьких муравья и положили две соломинки, — заложили фундамент, затем прилетел шмель и построил из воска крышу и стенки. Опустился паучек и застеклил окна, Вероника бросила два голубых одеяльца из своих лепестков, чтобы теплее было малюткам спать. А бабушка, — заботливая пчелка, наготовила им в восковом ведерце меду.

Даже крестный отец, земляной червяк, взрыхлил землю возле домика и устроил потайной ход на случай опасности. Положительно все позаботились о Маньце и Таньце. И крошки чувствовали себя очень хорошо, ни о чем не беспокоились и весело бегали и играли друг с дружкой.

Но все-таки, и им могло бы быть гораздо веселее, если-бы не дождь. Дождь мешал играть с песочком и рассыпать его по дорожкам, мешал сдувать пух с одуванчиков и, наконец, мешал свободно резвиться и шалить среди цветов и травки.

Веронику никто так и не спросил, скоро-ли прекратится дождь? А она никому ничего не сказала, только склонила свою скромную головку под дождем и стала ждать утра.

Вероника знала, что утром дождь прекратится и настанет солнечный день, но вокруг нее стоял такой ропот, такой шум, что она так и не рискнула ничего сказать.

Беленькая орхидея сердилась, сердился мокрый шмель, сердилась трава трилистник и желтый лютик, все были ужасно недовольны погодой. Даже Маньця и Таньця приуныли и спрятались под грибом вместо того, чтобы резвиться и шалить.

— Хотите, я вам расскажу о чем-то?.. — спросила робко Вероника. — Хотим, хотим!.. — крикнули своими серебряными голосками Маньця и Таньця.

Но сердитый шмель, недовольные муравьи и глухая крапива раздражительно замахали головами и крикнули ей:

Нет, нет, не хотим слушать опять про день рождения Маньци и Таньци!.. — Так Вероника ничего и не сказала.

А, может быть, если-бы она сказала всем, что завтра дождя не будет, она предупредила бы одно событие, неожиданно разразившееся над всеми.

Рано утром, едва только Маньця и Таньця проснулись, как сразу же они зажмурились от яркого солнечного света. Весь домик горел,

как в огне, от ярких солнечных лучей. Они проникали во все оконца и разбудили Маньцю и Таньцю.

— Вставайте, вставайте, Маньця и Таньця, — говорили они, птички уже давно проснулись, а вы все спите!.. — и солнечные лучи прямо в глаза направили им свой яркий свет.

Маньця и Таньця никак не ожидали увидеть столько света. Откуда он шел?.. Как светло и радостно было на дворе! На небе не было ни одной тучки, все небо было синее и чистое, а над зелеными деревьями поднималось уже восходящее солнце.

Маньця и Таньця выскочили из под голубых одеялец и быстро выбежали на двор. Боже, как хорошо было на дворе! Как тепло, как весело! И они побежали прямо к солнцу. Они бежали прямо и прямо, теряясь среди травы, цветов, веточек и кустов, путаясь в зеленом мхе у корней больших деревьев и убегая все дальше и дальше от своего родного домика.

Они забыли уже про своих крестных, про всех, кто заботился и кормил их, и бежали до тех пор, пока не свалились под первым попавшимся листом.

А какой переполох поднялся в это время вокруг их домика! Во-первых, приползла улитка и так рассердилась на всех, что не присмотрели за ее детьми, и столько напустила мыльной пены, что все забыли даже на время о Маньце и Таньце и стали с любопытством смотреть на белую пену, ожидая, что из нее родятся не только две, а целый десяток Маньцей и Таньцей, но, увы!.. из пены ничего не показывалось, и улитка смущенно поспешила уползти подальше, даже перестав сердиться.

Это было тем ужаснее, что о Маньце и Таньце не было ни слуха, ни духа. Пустой домик, освещенный солнцем, казался таким печальным. Голубая Вероника не могла без слез на него смотреть и все время плакала.

— Слезами горю не поможешь... — с сердцем сказала ей беленькая орхидея и огорченно отвернулась от Вероники.

Но, чем могла помочь Вероника, когда ее корни крепко сидели в земле, и она не могла сдвинуться с места. Одна только легкомысленная стрекоза ничего никому не сказала, но полетела куда-то так поспешно, что едва не сломала себе крылья, зацепившись за ветку дерева.

А в это время Маньця и Таньця уже пришли в себя и, вместо усталости, вдруг почувствовали необыкновенную радость под горячими лучами солнца. Еще-бы, им было теперь так тепло и так весело, как никогда до сих пор.

— Лови меня!.. — крикнула Таньця, и они побежали. Они прыгали, ныряли в траве, купались в воздухе и пели своими тоненькими как у комара голосами.

— Что значит, что нам так весело?.. — спросила Маньця свою

сестру, но Таньця ничего не ответила, а, звонко засмеявшись, встряхнула так сильно лиловый колокольчик над ее головой, что блестящие росинки, как целое ведерко воды, облили с ног до головы Маньцю.

— Ай, — вскрикнула Маньця, — как хорошо!.. — и встряхнула над Таньцей желтый лютик. Так они шалили, две крошечные девочки, а вокруг них все пестрело от всевозможных цветов и зелени.

Один только воробей, случайно залетевший сюда, смутил и испугал их. Он сидел на бузине и с удивлением разглядывал их.

— Какие странные существа, — думал он, — жуки-не жуки, — неужели люди?

Он ничего не мог понять издали и слетел с дерева поближе, чтобы хорошенько рассмотреть их.

— Как вас зовут?.. — строго спросил он девочек и наерошил все перья.

— Маньця и Таньця... — ответили сестренки и испуганно прижались друг к дружке.

— Что же вы здесь делаете?.. — еще строже спросил их воробей и грозно начал наступать на них своей грудью.

— Мы играем, — разом ответили ему девочки, — ох, не пугай нас!.. — взмолились они, и воробей смягчился и отступил от них.

— Ну, ничего, играйте себе.. — милостиво разрешил он и улетел прочь.

Сколько было таких происшествий, трудно даже передать, — каждый хотел сначала обидеть их, а после, присмотревшись к ним, жалел их.

Но, чем старше становились Маньця и Таньця, тем резче выступала разница в их играх. Маньця просто шалила. Подбежит к цветку, всунет головку в самую середину венчика, наберет желтой пыльцы на волосы и весело смеется:

— Смотри, Таньця, я — пчелка!.. — Или-же побежит так быстро, что кажется, будто белая бабочка трепещет в траве, и спрячется под зеленым зонтиком.

— Ау, Таньця!.. — крикнет и громко засмеется, чтобы Таньця скорее могла ее найти.

Но у Таньци игры были совсем иные; недаром волосы у нее с каждым часом становились все темнее и темнее. Теперь уже совсем легко было отличить их одну от другой: Маньця была беленькая с золотым отливом в волосах, а Таньця — черная, с синим блеском в волосах, как на крыльях у земляного жука.

Они забежали очень далеко от своего домика, так далеко, что нечего было уже и думать о скором возвращении домой. На дворе становилось все темнее и темнее. Наконец, наступил вечер, и солнце совсем скрылось за горизонтом.

Но, как страшно, как темно и неуютно было ночью без их домика.

Даже ночные сильфиды, со своими прозрачными зелеными тельцами, нагоняли на них страх. А лист, неожиданно упавший с дерева, внушил им настоящий ужас. О сне не могло быть и речи. Они сидели, крепко прижавшись друг к дружке и, широко открыв глазки, испуганно смотрели в темноте.

Наконец, на небе появилась луна и осветила все своим бледным светом. Теперь они снова могли видеть траву, цветы, и рой мошек, пляшущий над ними. Луна успокоила их, и они, склонившись друг к дружке, начали дремать, как вдруг услышали легкий трепет крыльев и веселое пение.

То была стрекоза, она поспешно летела к ним, играя прозрачными крылышками при луне и блестя своими светящимися, фосфорическими глазами.

— Вот, где они!.. — радостно вскрикнула она и спустилась к детям. — Как вы попали сюда?.. Боже, как это далеко от вашего домика, и какой у вас жалкий вид!.. — И легкомысленная стрекоза даже всплакнула, уронив на них свою слезу.

Маньця и Таньця вылезли из-под листка и, наперебой, стали рассказывать стрекозе, как они забежали сюда и потеряли дорогу.

— Что же нам делать теперь? — растерянно спросили они ее и снова беспомощно прижались друг к дружке.

Но стрекоза долго не думала и, повернувшись к ним своим крепким зеленым хвостиком, весело сказала.

— Ну, садитесь, я отнесу вас домой!.. — И, когда Маньця и Таньця взлезли к ней на спинку и крепко обняли ее, она затрепала крылышками и поднялась на воздух.

Она летела очень долго, так долго, что Маньця и Таньця начали дремать и едва не свалились вниз, на землю.

— Не спите!.. — строго крикнула им стрекоза и запела веселую песенку, чтобы разогнать у них сон.

Так они долетели до домика. Голубая Вероника уже спала, земляной червяк тоже спал под землей, спали деревья и трава, не спали только комары и светлячки. Светлячки заползли в домик и освещали маленькие оконца.

Но беленькая орхидея проснулась первая и радостно вскрикнула, увидевши Маньцю и Таньцю. Проснулась и Вероника, и глухая крапива, и желтый лютик. Как уютно и весело сразу стало под ореховым кустом!

Домик весь засветился от радости, откуда и набралось столько светлячков! Стрекоза уселась на трубу домика и начал рассказывать всем, как она нашла девочек.

А Маньця и Таньця забыли уже про сон и, припав к восковому ведерку, с наслаждением пили мед. Как хорошо было дома, как радостно встретили их все и с каким интересом слушали все рассказы стрекозы.

Маньця первая напилась меду и хотела уже идти спать, как вдруг услышала, как кто-то плачет. Она подняла свою светлую головку и увидела свою крестную мать, голубую Веронику. Вероника целовала ее пушистые волосы и плакала от радости.

Сердце Маньци переполнилось любовью к своей крестной, и она нежно прошептала ей:

— Я люблю тебя, Вероника, и никогда больше не оставлю тебя...

Так закончился их первый летний день. На рассвете Маньця и Таньця проснулись от громкого разговора.

— Смотри, Вероника, — говорила крапива, — разве ты не замечаешь, как выросли девочки за ночь? Нет, ты наклонись и посмотри ближе, — они растут не по дням, а по часам...

И Маньця почувствовала взволнованное дыхание Вероники и Крапивы. Действительно, они необыкновенно сильно выросли за ночь, настолько сильно, что их крошечные ножки не вмещались в кровати и упирались прямо в стенку домика.

Но самое ужасное было то, что дверца в их домике оказалась слишком тесной и они не смогли выйти из своего домика. Уже солнце взошло совсем высоко, давно уже проснулись все птички, все бабочки и цветы, а Маньця и Таньця все еще сидели у себя в домике и никак не могли выйти из него.

Наконец, они горько заплакали и начали звать на помощь.

— Что делать с ними?.. — взволновано говорили между собой лютик, крапива, и беленькая орхидея.

Стрекоза летала над домиком и от волнения так громко трещала крыльями, что распугала во все стороны мошек, шумел шмель, пищала пчела, но больше всех тосковала Вероника.

— Надо поскорее разрушить домик!.. — крикнула, наконец, она всем так громко, насколько хватило у нее сил. — Скорее, скорее сюда!.. Ей показалось, что Маньця и Таньця задыхаются и уже умирают.

Муравьи первые засуетились и забегали по домику, вылез земляной червяк и стал подрыхлять землю, — все принялись за работу.

Маньця и Таньця перестали плакать и только громко стонали, упершись головами в потолок. Наконец, домик зашатался, затрещал и треснул пополам. Над крышей просунулись белая и черная головки Маньци и Таньци.

— Ура!.. — крикнула стрекоза. — Ура!.. — подхватили шмель, пчелка и муравьи. Цветы бросили несколько лепестков вместо носовых платочков, и Маньця и Таньця вытерли ими свои слезинки.

Но, Боже, как они изменились, как выросли и как стали непохожи друг на друга. Конечно, они были еще совсем крошки, не больше шмеля, но все-таки, сравнительно с тем, каковы они были раньше, они казались всем теперь очень большими.

— Смотри, Вероника, — сказала вдруг крапива, — смотри, ведь Таньця обижает Маньцю!..

Это было первое, что заметили цветы после возвращения девочек домой. Но не только цветы заметили это, увидел это и шмель, и бабочка, и даже улитка. Вначале все засмеялись, увидевши, как Таньця, поймав Маньцю за ее шелковистые светлые волосы, бьет ее зеленой травкой, но Маньце было больно, и она заплакала.

Все услышали ее обиженный голосок и всем, не исключая даже муравьев, стало жаль Маньцю.

— Нет, нет, нельзя допустить, чтобы девочки обижали друг друга! .. Стрекоза уселась на треснувшую крышу дома, прилетел шмель, таинственно нагнулись друг к дружке цветы, все заволновались и начали совещаться.

А собственно говоря, ничего особенного и не случилось. Сестренки поссорились и только, они также быстро и помирились, но всем почему-то еще долго было неприятно вспоминать их ссору.

Дни были жаркие, настолько жаркие, что даже деревья жаловались на жару и готовы были каждую секунду сбросить с себя все листья. Боярышник уже начал отцветать, белая акация, серебристый тополь уже выпускал на волю свои пушистые семена, и они далеко разлетались по воздуху при малейшем дуновении ветра.

— Как жаль, что они отцветают! .. — говорила Маньця и показывала Таньце на сухие лепестки на земле. Но Таньця не понимала, что такое жалость. Да это было и лучше для нее. Ей легче жилось, чем Маньце. У Маньци было слишком много забот.

Она боялась обидеть даже травку и наступить на нее своей крошечной ножкой. Она за всех заступалась и никого не давала в обиду. А сколько у нее было друзей! .. Каждый мог-бы ей только позавидовать, даже птички прилетали к ней издалека и делились с ней своим горем и радостями.

Но, что случилось с Таньцей? Почему так неожиданно и сильно изменилась эта крошечная прекрасная девочка? Чем больше становилась она, тем с каждым днем все резче и резче изменялось ее отношение ко всем. Она совершенно разучилась понимать язык, на котором научили говорить ее цветы, зеленый мох, деревья, шмель, бабушка пчелка, муравьи и, наконец, все, с кем она жила и говорила раньше.

Она совершенно разучилась понимать их язык. Когда однажды Вероника сказала ей, чтобы она не смела обрывать крылышки у насекомых, она посмотрела на нее с таким недоумением и так громко рассмеялась, что даже земляной червяк выполз из своей норки посмотреть, что случилось.

И чем старше становилась она, тем меньше любили ее все и тем больше боялись. А однажды, на празднике светлячков, когда все светлячки собрались вместе и, веселые и радостные, кружились в хороводе, Таньця ворвалась в веселый хоровод, переловила всех светлячков и, нанизав их на стебель травы, надела это живое ожерелье на себя.

Как мучились живые светлячки, нанизанные на колючую траву, как страдала Маньця, глядя на них, как грустно стало на веселом празднике, и как все стали еще больше бояться маленькой злой девочки!

Все тихо шептались, все волновались и держали совет, да, даже держали совет, как избавиться от Таньци. Вероника первая заявила об этом, сказала это и беленькая орхидея, и лютики, и даже крапива и земляной червяк.

— Нет, это не может продолжаться так дальше, сегодня — светлячков, а завтра — нас, с этим нужно покончить, и раз навсегда!

Так решили цветы, так решили и муравьи, у них тоже пострадали дети — Таньця разорила их муравейник и уничтожила все личинки, белые маленькие яички. Все жаловались, все роптали и, наконец, придумали, как избавиться от Таньци.

Таньця спала и ничего не слышала, но Маньця не спала. Она подошла к Веронике, прижалась к ней и тихо заплакала.

— Неужели они лишат ее сестрицы? Она никогда этого не переживет и умрет без нее...

Все, как-будто, забыли о Маньце и, увидев ее, вдруг смутились. А Маньця молча плакала и ее слезы, вместо росы, падали на головки цветов и смиряли их взволнованные сердечки. Так она проплакала всю ночь, а на рассвете Таньця попрежнему осталась жить вместе со всеми.

И вот случилось то, чего боялись все. Таньця выросла настолько, что с нею не легко было уже справиться. Она свободно взлазила на деревья и разоряла гнезда птичек, забегала далеко от дома и делала все, что хотела. Теперь никто уже не смел сказать ей: — не делай этого, потому-что это нехорошо... — Ее боялись, и она чувствовала это и смеялась.

— Подожди, глупый лютик, и до тебя дойдет очередь!.. — пугала она лютик и останавливаясь, нарочно так наклоняла его головку, что тот стонал от боли. Она обижала и улитку и сыпала ей в раковину песок, пока улитка совсем не замирала от страха. Она не жалела никого и всех нарочно пугала и мучила.

Одна только Маньця ее не боялась и всячески пыталась ее останавливать.

— Что ты делаешь, Таньця, зачем обижаешь всех?.. — говорила она ей и горько плакала, когда Таньця не слушала ее и продолжала мучить всех. Ах, как быстро выросла Таньця, гораздо быстрее, чем желтый лютик, и даже Маньця.

— Ты, Таньця, неблагодарная девочка, — строго говорила ей крапива, — ты родилась с недобрым сердцем и потому причиняешь всем только страдания.

— Ты опять ворчишь, — отвечала ей Таньця и громко смеялась над ней; впрочем, она даже не понимала, о чем говорит ей крапива.

Но больше всех почему-то Таньця не любила Вероники. Вероника

укоризненно смотрела на нее, Вероника мешала ей ловить жучков, мушек, бабочек, Вероника вечно стояла на дороге и не давала ей покоя. Таньця не понимала, о чем она говорит, но ее беспокоили синие, ясные глаза Вероники.

И вот, однажды, ночью, когда все уже спали спокойным сном, Таньця одна не могла спать. Она тихо встала и пошла к Маньце. Маньця крепко спала, разметав во сне свои золотистые волосы, и не проснулась, когда Таньця подошла к ней. Таньця посмотрела на уснувшего рядом с Маньцей паучка, на спрятавшегося в коре клена шмеля, на крапиву, тихо дремавшую, на всех, и осторожно направилась к Веронике.

Вероника тоже спала, склонившись так низко к земле, что Таньце ничего не стоило склонить ее еще ниже, и Таньця схватила тоненький стебель, крепко-крепко сжала его в своих сильных ручонках, и пригнула его к земле так низко, что стебелек треснул и сломался.

Но Вероника еще не сразу умерла, ее головка еще держалась на зеленой кожице, и она успела еще чуть слышно прошептать:

— Ах, Таньця, Таньця... зачем ты это сделала?.. — И она умерла.

Утром, когда все проснулись, Таньця еще спала. Может-быть, такбы никто и не узнал, отчего умерла Вероника, может, подумали-бы, что ее сломал ветер, но судьба сама посмеялась над Таньцей, и головка Вероники лежала рядом с головой Таньци, и синие глаза Вероники смотрели на всех, как живые, и без слов, с упреком говорили обо всем случившемся.

Не было сомнения, что это было дело рук Таньци. Это поняли все, и молча, как один, решили покончить с Таньцей. Ни слезы Маньци, — она горько плакала над мертвой Вероникой и над суровым приговором всех, — ни смущенный, виноватый вид Таньци, ничто не могло больше изменить общего решения.

Даже солнце не выглянуло в этот день, и на дворе было невесело и холодно. После закрапал дождь, и откуда-то залетел жук-навозник.

— Вы не знаете-ли, что за печальный день сегодня? — спросил жук у шмеля, и шмель ответил:

— Сегодня день траура по доброй Веронике, она умерла от руки злой Таньци!.. — И жук увидел Таньцю.

Она сидела на самой верхушке дерева и, как ни в чем не бывало, грызла семячки. Ей не было холодно, потому-что ее черные волосы, как шерстяной платок, закрывали ее до пят.

А на земле, склонившись над Вероникой, стояла Маньця и так горько плакала, что не заметила жука.

После жук-навозник улетел, улетел вместе с ним и шмель, стало очень тихо, как перед грозой. Маньце показалось, что муравьи от нее что-то скрывают, и она спросила у одного из них:

— Отчего стало так тихо?.. Но муравей только строго посмотрел на нее и ничего не ответил.

Теперь некому было ее пожалеть, и она снова горько заплакала. Крапива протянула к ней лист и хотела ее приласкать, но нечаянно ужалила ее. Маньце стало больно, и она спряталась от всех под лист орешника и одиноко там сидела. Как медленно тянулось время, и как стало все печально вокруг.

Но к вечеру все изменилось. Со всех сторон стали собираться всякие зверята, прилетел не один, а целое гнездо шмелей, налетело бесчисленное множество ос, начали ползти со всех сторон целые полки муравьев, всяких жучков, мушек, мошек, светлячков, появились совсем незнакомые обиженные таракашки, — все, кому причиняла мучения Таньця.

И как злобно и гневно роптали они на Таньцю! Теперь они не боялись ее и громко кричали ей:

— Ага, поймалась, наконец, вот мы и съедим тебя сейчас живую, будешь знать, как обижать нас!..

У Маньци, от страха за Таньцю, так забилось сердечко, что она упала на листок подорожника и не в силах была подняться. Но это было еще не все. Со всех сторон, громко хлопая крыльями, стали слетаться птицы.

— И мы, и мы присоединяемся к вам, и нас разоряла и мучила Таньця!

Но Таньцю не так легко было испугать. Она взлезла на самое высокое дерево и громко крикнула оттуда всем:

— Если вы меня не тронете, я уйду от вас сейчас-же и никогда больше не вернусь к вам!.. Но ей никто не поверил.

— Не верим, не верим тебе!.. — закричали все и угрожающе стали подниматься к ней на дерево. Сердитые птички стали подлетать к ней и клевать ее.

— Мы выклюем тебе глаза, и ты будешь слепая, — пищали они.

И тогда, вдруг, над всеми раздался звонкий, серебристый голосок Маньци. Птички, жучки, цветы, — все повернули головки в ее сторону и смолкли.

Маньця поднялась с листка и, протянув ко всем свои крошечные, нежные ручки, громко сказала:

— Вы должны поверить ей, потому-что мы уйдем вместе, я также уйду с Таньцей!.. Вы можете поверить мне, если не верите ей!.. — и, сказав это, она бессильно опустилась на листок.

Какой шум поднялся после слов Маньци! Ее любили слишком сильно, чтобы не поверить ей, но как грустно было лишаться Маньци в то время, когда все к ней так привыкли и полюбили ее.

— Нет, нет и нет!.. Мы не хотим, чтобы ты уходила от нас!.. — закричали ей все разом и еще более грозно накинулись на Таньцю.

Но Маньця уже оправилась от волнения и твердо сказала еще раз:

— Если вы любите меня, вы должны отпустить нас вместе, меня и Таньцю... — И Маньця умоляюще протянула ко всем свои крошеч-

ные ручки. Она была так хороша в этот момент и так вся светилась от доброты, сиявшей на ее лице, что никто не посмел нарушить молчания, водворившегося после ее слов.

Одна только хитрая Таньця поняла, что наступила решительная минута. Она быстро спустилась с дерева, волоча за собой по земле свои длинные, черные волосы, подбежала к Маньце и, схватив ее за руку, поспешно прошептала:

— Идем, идем скорее!..

Как быстро наступила ночь в этот вечер, как неприветливо смотрели звезды на землю и, как пусто и страшно было на тропинке, где шли Маньця и Таньця. Они шли все быстрее и быстрее, уходя подальше от зеленых деревьев, от цветов, от птичек, от мохнатого шмеля, от суровых муравьев, от всех, всех, даже от добродушной улитки. Она смотрела им вслед и горько плакала.

Они уходили все дальше и дальше, пока совсем не скрылись в темноте.

— Куда они ушли?.. — огорченно спросила крапива.

— Я не знаю... — простонала улитка, — вокруг так темно, и их уже не видно!..

— Я знаю, — взволнованно затрещала стрекоза, — я знаю, они ушли к людям!..

— Добро и зло... — прогудел о них глубокомысленно шмель.

СКАЗКА ПРО АИСТА

Боже, что творилось на дворе, когда аист спустился на землю. Снег занес всю улицу, метелица кружилась и неслась, сломя голову, даже воробьи не спали и, спрятавшись в вентиляторе, жалобно чирикали в темноте. Ужасно, как было холодно и страшно на дворе.

Бедный аист, он не знал куда девать свои длинные, голые ноги и, весь занесенный снегом, стоял на тротуаре, поднимая то одну, то другую ногу.

— Впусти меня, — жалобно попросил он маленькую девочку и постучал ей длинным клювом в форточку.

Девочка крепко спала в своей теплой кроватке и не услышала аиста.

— Впусти меня, я очень озяб!.. — еще жалобнее попросил он.

В это время метелица ударила снежкой в окно, и девочка проснулась.

— Я не сплю, — сказала она и хотела уже снова лечь на подушку и крепко уснуть, как аист в третий раз постучал, еще сильнее прежнего, и нетерпеливо крикнул:

— Да, впусти-же меня, впусти скорее, я совсем замерз!..

Девочка быстро вскочила с кроватки и подбежала к окну. Она очень хорошо знала, что зимой аисты живут в теплых странах и прилетают только весной, когда греет солнце и дует теплый ветерок, но она нисколько не удивилась, когда увидела под окном, всю занесенную снегом, большую птицу. Бабушка предупредила ее, что этой ночью аист должен принести ей братика или сестричку.

— Я так и знала, что это ты! — радостно вскрикнула она и громко рассмеялась, когда аист застрял в форточке и не сразу влез в комнату.

— Как тепло у вас!.. — сказал он, прыгая на пол и отряхивая с мокрых крыльев снег.

— О, воскликнула маленькая девочка, — у нас тепло, как летом, потому-что зимой во всех домах топятся печки.

— Вот как!.. — удивился аист и озабоченно что-то пощупал у себя под одним, а после под другим крылом.

Метелица снова подлетела к окну, и снова громадный ком снега, совсем плотно, залепил уже все стекло.

— Ай, какой снег!.. — вскрикнула маленькая девочка. — Бедный, бедный аист, подумала она, что он будет делать на дворе? — Хочешь, — сказала она ему, — оставайся у нас жить, пока на дворе зима.

Но аист озабоченно покачал головой и деловито ответил:

— Нет, нет, я очень занят. У меня тысяча дел, и я не имею даже времени, как следует, обогреться.

— И он подошел к запертой двери в комнату матери и, всунув длинный нос в замочную скважину, открыл ее.

— Туда нельзя, нельзя!.. — испуганно запищала маленькая девочка. Но аист не обратил внимания на ее крик и важно вошел в комнату.

— Здравствуйте! — вежливо сказал он всем и поклонился папе и доктору.

Девочка прильнула к замочной скважине и увидела то, чего наверное еще никогда никто не видел.

Папа стоял рядом с доктором и озабоченно о чем-то говорил с ним, но вдруг папа поспешно обернулся к аисту и радостно вскрикнул:

— Наконец-то, ты пришел к нам, мы просто замучились, ожидая тебя!..

И папа хотел помочь аисту что-то достать из-под крыла, но аист отстранил папу и сам прямо направился к кровати матери.

— Ой, ой!.. — стонала мать, — как ты долго не приходил к нам. И она протянула к аисту руки.

Но аист совсем не спешил. Он прошелся по комнате, покрутил во все стороны головой, почесал мокрое крыло и, наконец, порывшись длинным носом у себя в перьях, отвязал под крылом маленький сверток и положил его на кровать матери.

Девочка от нетерпения едва не открыла дверь, но в это время аист, вдруг, захлопал крыльями и крикнул страшным голосом:

— Берите-же скорее вашего ребенка, он ужасно тяжелый!..

В комнате поднялась суматоха. Папа и доктор столкнулись возле кровати матери. Доктор первый схватил сверток и хотел раскрыть его, но папа вырвал сверток из рук доктора и сам первый открыл его.

— Мальчик!.. — радостно вскрикнул он, — как я счастлив!..

Аист в это время толкнул дверь и ударил девочку в плечо.

— Как тебе не стыдно подсматривать, — сказал он, — ай-ай-ай!..

Он уселся возле печки и стал обогревать свои голые ноги.

— Ну, — сказал он, обогревшись, — мне пора, у меня еще тысяча дел.

— Как!.. — вскрикнула девочка, — ты хочешь уже улетать?..

— Да, да! — озабоченно закивал головой аист и подошел к форточке.

— Ах, не улетай, аист, миленький аист, побудь еще!.. — Девочке стало очень грустно, когда она подумала, что аист улетит и она никогда больше не увидит его.

— Останься, аист, миленький аист...

Но аист был очень занят и поспешно расправлял свои крылья.

— Нет, нет, — говорил он, — прощай, милая девочка. И он взлетел на подоконник, сам открыл себе форточку и вылетел на улицу.

Снежный вихрь с силой потащил его вдоль улицы. На голове у него поднялась белая шапка из перьев, он погрозил кому-то длинным носом вместо пальца; девочке показалось, что ей, и тяжело замахал крыльями.

— Возьми меня с собой!.. — крикнула ему вслед маленькая девочка, — возьми... И она горько заплакала, когда аист поднялся над деревом и, не обращая внимания на ее крик, полетел через улицу.

На улице ничего не было видно. Метель, как безумная, неслась по тротуару и громко визжала.

Девочка хотела только чуть-чуть высунуться из форточки и посмотреть, куда полетел аист, как метелица, в ту-же секунду, затрясла все окно и сердито захлопнула перед ее носом форточку. Все стекла в окне жалобно зазвенели. Не дай, Бог, никому выйти в такую ночь на улицу.

Но маленькая девочка спрыгнула с окна и быстро стала одеваться. Она надела на голые ножки ночные туфельки, набросила на голову платочек и тихо выбежала на двор. Никто в доме не слышал, когда она ушла.

А что делалось на дворе! Тысячи колючих снежинок неистово набросились на девочку со всех сторон и стали колоть ее. Напрасно она думала, что сможет от них отбиться. Они сшибали ее с ног, засыпали ей глаза, нос, уши, все лицо снегом. — Ай-ай!.. — пищала маленькая девочка, — как холодно!..

Но она увидела аиста по ту сторону тротуара, и поспешила перебежать улицу.

Аист стоял возле дома, где жила булочница и также, как и девочке, стучал ей в окно длинным клювом.

— Впусти меня, — жалобно просил он булочницу, — впусти меня скорее...

Девочка подбежала к аисту и радостно крикнула:

— Вот и я здесь...

Но аист как-будто не услышал ее и повернувшись спиной к ней, быстро вошел в дом. Девочка никак не ожидала, что останется одна на улице.

— Впусти-же и меня!.. — испуганно крикнула она, стуча из всех сил кулачками в дверь. Но в доме было не до нее, и ей никто не открыл двери. Она подбежала к окну и, увязая голыми ножками в снегу, прижалась к стеклу.

В комнате горела лампа, и девочка увидела аиста и булочницу. Аист расхаживал из угла в угол комнаты, а булочница лежала на кушетке и громко стонала.

— Я принес вам девочку, — сказал он булочнице. — Вот она!.. — И он положил на кушетку ребенка. Боже, как обрадовалась женщина ребенку. Она прижала его к груди и стала нежно, нежно целовать.

Девочка больше ничего не видела и, вероятно, на утро замерзла-бы в снегу, но в это время аист вышел из дома и натолкнулся прямо на нее.

— Ах, — сказал он, останавливаясь, — ты здесь, глупая девочка!.. Он наклонился над нею и, подняв ее своим сильным клювом, посадил к себе на спину.

— Держись-же крепко, — крикнул он ей и вместе с нею поднялся над землей.

Они полетели так быстро, что люди в своих домиках спросонья крестились и просили у Бога, чтобы он пронес мимо них метель. На самом-же деле, это мчался во весь дух аист с маленькой девочкой на спине.

Снег засыпал ей глаза, и она ничего не видела. Аист мчался напролом прямо через снежную мглу и его сердце так громко стучало под ухом у девочки, как-будто разговаривало с нею.

— Тук-тук!.. Тук-тук, — стучало его сердце... — Мы летим сейчас быстрее всех птиц, быстрее даже стрижей и ласточек. Мы пронеслись над городом, пролетели над лесом, вот мелькнуло под нами поле, а вот и море! Теперь держись крепко, маленькая девочка!

И сердце аиста застучало еще громче, оно уже не разговаривало, а кричало. — Держись, держись маленькая девочка! Спрячь головку в перья; тепло-ли тебе?

— Тепло, пропищала в ответ маленькая девочка.

— Мы несемся над морем, вода в нем черная и бурная. Послушай, как она шумит. Она гонит меня прочь, и я знаю, что не смогу здесь отдохнуть. Но, ты думаешь, я хотел-бы отдохнуть?.. Нет, нет. У меня крепкое сердце и сильные крылья; слушай, как оно стучит, слышишь?

— Слышу, снова пропищала маленькая девочка.

— Самое страшное на свете — шум воды. Это вовсе не вода шумит, а шумят голодные водяные звери. У них злые глаза и белые языки и они гудят: — Берегись, берегись или мы тебя проглотим.

Девочке стало так страшно!.. Она выглянула одним глазком из перьев аиста и сразу закрыла глазок. Из воды внизу смотрели на нее тысячи зеленых злых глаз, а белые языки жадно облизывались, как-будто уже глотали ее и аиста.

— Скорее, скорее летим! — просила она, но аист не мог лететь скорее. Его крылья и так махали быстрее, чем могло справиться сердце. Его дыханье становилось все прерывистее и прерывистее.

— Я не могу лететь быстрее, — прокричал он. Я никак не думал, что ты такая тяжелая, маленькая девочка. Ты становишься все тяжелее и тяжелее, и я боюсь, что не выдержу и упаду вместе с тобой в море...

От страха девочка закрыла глаза и крепко, крепко прижалась к

аисту. Ах, как хотела она быть сейчас дома, в своей удобной, белой кроватке.

— Аист, — со слезами в голосе попросила она, — миленький аист, зачем ты летишь так далеко? Не лучше-ли тебе было-б поскорее возвратиться к нам домой, а не спешить так, куда-то, пока на дворе зима.

— Нет, нет!.. — закричал аист. — Разве ты не знаешь или тебе не рассказывала старая бабушка, кто приносит на землю дитя?..

— Рассказывала, — пропищала маленькая девочка, — она рассказывала мне, что дитя приносит в дом аист.

— Да, — сказал аист, — твоя бабушка хорошо это знает, потому-что она сама имела детей, и не раз аист приносил ей их. Все птицы прячут свои гнезда подальше от людей, но мы строим его только там, где живут люди. Разве ты не видела весной, как люди всячески приглашают нас поселиться у них. Они выставляют для нашего гнезда у себя на крыше дома колесо или накрест сбитое из дерева основание для гнезда. Мы высоко, высоко с неба видим эти знаки дружбы и спускаемся на них к людям. О, они не пожалеют, что дали нам временный приют. Взамен от нас они получат дорогой подарок — здоровое красивое дитя.

И дыхание аиста стало еще прерывистее, как-будто и он уже совсем собирался упасть в море. Злые зеленые глаза засверкали из воды, длинные белые языки лизали воздух.

— Прижмись ко мне крепче, маленькая девочка! Вот так. Может-быть нам удастся пролететь это страшное, длинное море.

И аист замахал крыльями, как мог сильнее, чтобы скорее пролететь море. Его сердце неистово билось. Но девочка ничем не могла помочь ему. Она только крепко обняла его и зажмурила глазки.

— Ух-х!.. — с облегчением вздохнул аист, — наконец-то я вижу цель нашего пути, — и его сердце забилось спокойнее. Не было уже сомнения, что самая страшная часть их пути окончилась.

В лицо девочки повеял теплый ветерок, кто-то нежно коснулся ее губ.

— Что это?.. — с удивлением спросила она.

Но аист ничего ей не ответил, только его длинный клюв, как указательный палец, молча показал ей в ту сторону, где он увидел цель своего пути.

Девочка взглянула туда, куда указывал его клюв, и радостно вскрикнула. Высоко над водой прямо навстречу аисту по небу плыл зеленый и, как хрусталь, прозрачный остров.

Он был похож на светящееся зеленое облако и свет от него яркими лучами освещал темную воду. Он ослепил глаза и маленькой девочке. Она в восторге захлопала в ладоши и закричала аисту:

— Смотри, смотри, что это?..

Они летели теперь прямо к острову, на его чарующий волшебный свет.

— Нигде на земле не цветут такие прекрасные, пышные розы, как там, — говорил аист. — В каждом цветке там спит малютка, крошечное новорожденное дитя. Оно не слышит, как мы вынимаем его из цветка и осторожно заворачиваем в розовый лепесток.

— Как крепко спит оно. Мы привязываем его к себе тонким как шелковая нитка стебельком травы, но оно не просыпается и продолжает спать.

Оно спит и во время нашего далекого пути. Его крошечные руки крепко сжаты в кулачки, как-будто оно уже готово вступить в бой и отразить направленные на него удары судьбы.

Оно спит и тогда, когда мы уже подлетаем с ним к дому, где ждут его и где оно остается без нас жить.

— Ах, — прошептала девочка, — как хотела-бы я поскорее его увидеть и найти в цветке. И она широко раскрыла глаза, стараясь увидеть на острове в прозрачных зеленых лучах цветок с малюткой. Но кусты с цветущими розами были от нее далеко и она ничего не увидела.

— Ты увидишь его после, — сказал ей аист. — Дитя спит в каждом цветке и надо только уметь чуть-чуть приоткрыть два последних лепестка в венчике, два самых маленьких нераспустившихся еще лепестка, чтобы сразу там увидеть малютку. Она спит под желтой пыльцей, где прячется счастье.

— Я видела, — прошептала девочка, — я видела в одном цветке такое счастье, но малютки там не было.

— Нет, нет, — громко закричал аист. — Ты не могла увидеть счастье без малютки.

— Оно вылетело, — прошептала девочка, — когда я раскрыла цветок.

— Нет, нет! .. — еще громче закричал аист. — Оно не могло вылететь и бросить малютку на произвол судьбы... Ах, ты не знаешь, как легко ошибиться и принять за счастье ночную бабочку или пчелу, или просто веселую муху-цветочницу, каких так много летает над цветами.

— Один аист поймал вместо счастья мохнатую ночную бабочку, красавицу «Сумеречницу». До чего это было беспокойное существо. Он по ошибке принес ее в дом и вместо счастья оставил там. О, как он много наделал хлопот в этом несчастном доме, где люди вместо семейного счастья получили одно только беспокойство и неприятности.

— А другой аист ошибся и поймал стрекозу. Она тоже причинила людям только волнения и глубокое разочарование в семейном счастьи.

— Я покажу тебе, как ловлю его я. Я еще никогда не ошибался и всегда приносил людям в дом только настоящее, большое счастье. Я узнаю его по глазам. Они никогда не обманывают меня.

— Я узнаю его сразу и, когда оно спускается над цветком к спящей

малютке, я, прежде чем вынуть малютку из цветка, быстро схватываю его своим клювом и прячу под крыло.

И аист вытянул тонкую шею далеко вперед и показал девочке, как он схватывает своим длинным клювом счастье.

— Ах, — воскликнула маленькая девочка, — ах, как я хочу поскорее попасть на остров.

И она высунула голову из перьев аиста, чтобы лучше рассмотреть приближающийся остров.

Остров уже был совсем недалеко, его зеленый свет становился все ярче и ярче.

Тонкий аромат роз и пение птиц донеслись до девочки и аиста. В прозрачных зеленых лучах были видны высокие стройные деревья и пышные кусты роз с белыми, красными и желтыми цветами.

Но прекраснее всего был замок, где жило счастье. Он стоял окруженный кустами роз. Вокруг его стен вились белые и желтые розы, его крыша была укрыта красными розами, но замечательнее всего на нем была труба. Она поднималась высоко над крышей, как купол из бледнорозовых нежных цветов. Они благоухали, и их аромат далеко разносился по воздуху, привлекая к себе тысячи бабочек, мушек и пчел.

— Смотри, — чуть слышно прошептал аист девочке, — ты видишь тот красный цветок? — И он показал ей длинным клювом на куст роз.

— Там, — шептал он, затаив дыханье, — там кружится настоящее счастье. И маленькая девочка увидела над красным цветком счастье. Несомненно, это было оно. Его большие глаза светились даже в темноте. Они, казалось, говорили девочке:

— Ты не ошиблась, маленькая девочка, я и есть настоящее счастье. Я живу здесь: здесь, на этом зеленом острове, где нет ни злобы, ни ненависти, ни смерти. Здесь, где живет вечная любовь, где все поет и благоухает, и где в каждом цветке спит малютка. Я охраняю ее сон...

И вдруг, один из цветков раскрылся, и маленькая девочка действительно увидела в нем малютку. Она крепко спала среди лепестков цветка, закинув назад крошечные ручки, сжатые в кулачки, ее нежное личико счастливо улыбалось во сне.

— Видишь малютку? — спросил аист, — это и есть то дитя, которое мы, аисты, относим на землю. Ты поможешь мне завернуть его в розовый лепесток. Но, прежде, чем отнесть его на землю, мы должны сделать малютку счастливой на земле.

Но где-же счастье? Над цветком кружилась только большая ночная бабочка. Аист вытянул далеко вперед длинный клюв и весь замер.

— Тише!.. — чуть слышно шептал он девочке, — тише!..

Над цветком снова появилось счастье. Его глаза смотрели на малютку и изливали на нее свой радостный, лучезарный свет. Несомненно, это было оно, и его нужно было поймать, чтобы сделать малютку счастливой на земле.

Охота была особенная, непохожая на обыкновенную охоту и продолжалась всего несколько минут. Аист осторожно, на цыпочках, подошел к кусту и остановился, как вкопанный. Он вытянул далеко вперед шею и, зорко всматриваясь в воздух, простоял так, совершенно неподвижно, несколько секунд, а после громко щелкнул клювом и поймал счастье.

— Вот оно! .. — сказал он девочке, — я поймал его. На этот раз малютка будет счастлива на земле!

И аист осторожно спрятал счастье под крыло. Девочка так и не увидела, какое оно было вблизи.

— У каждого ребенка, сказал он, есть свое счастье, но не каждый аист может во время заметить его и поймать, почему и не все дети на земле счастливы. Теперь помоги мне завернуть малютку в розовый лепесток.

Девочка сорвала самый большой розовый лепесток и осторожно вынула малютку из цветка. Она крепко спала. Что это была за крошка! Она так крепко спала, что не проснулась даже тогда, когда девочка передала ее аисту.

Аист спрятал ее под крыло, туда-же, где находилось уже и счастье.

— Теперь я спокоен за малютку, и мы можем лететь обратно на землю, сказал он. Садись ко мне на спину! Мы отнесем дитя в одну семью, где уже много, много лет ждут его.

Девочка взлезла на спину аиста и крепко обняла его за шею.

Аист взмахнул крыльями, и девочка не успела оглянуться, как они уже поднялись высоко, высоко вверх. И сразу, вдруг, исчез зеленый остров, исчез волшебный замок, цветы, высокие деревья и птицы.

Девочка широко, широко открыла глаза, чтобы лучше видеть, куда все исчезло, и... проснулась.

Возле ее кровати стоял отец и держал на руках маленького мальчика.

— Поздравляю тебя с братишкой! — сказал он, весело подмигивая кому-то. — Сегодня ночью аист принес нам малютку.

— Я знаю, сказала серьезно маленькая девочка. — Я видела аиста, видела зеленый остров, малютку и замок, где живет счастье!

И она рассказала сказку про аиста.

ИВАН-ДА-МАРЬЯ

ПУСТАЯ СКВОРЕЧНИЦА стучала об вишню и созывала на новоселье. На деревьях только появились почки, но веселая скворцы уже прилетели и подняли такую суету, что пожилая шелковица возмущенно крикнула им: — потише вы там!..

Самый молодой из скворцов дерзко ответил ей:

— А вы кто такая, позвольте вас спросить?

Но, стоило-ли ссориться в такой день?.. Воробьи купались в песке и кричали всем:

— Ах, как жарко, жарко, жарко!.. Солнце пригрело землю, и под забором вылезла на свет Божий крапива.

— Как вы себя чувствуете? — крикнул петух белой курице. Она перелетела из соседнего сада на забор: — Благодарю, прекрасно! Курица озабоченно посмотрела на крапиву и слетела на землю.

Возле забора было тепло, и Иван-да-Марья набрались сил и робко взглянули друг на друга.

— Ты уже не спишь? — спросил Иван свою подругу и радостно потянулся к ней.

— Я все жду, все жду... — прошептала Марья слабым голоском и сбросила с себя зеленый платочек.

Молодой скворец чуть не упал с ветки, перегнувшись к ним всем туловищем, и с любопытством подслушал их разговор.

— Здравствуйте, Иван-да-Марья!.. — весело крикнул он им и рассмеялся, когда они вздрогнули и отскочили друг от друга. Конечно, ничего смешного не было в том, что они любили друг друга, но всем было дело до них.

Навозный жук упал на спинку перед ними и неприлично задрыгал ногами. Он поднял такой писк, что им пришлось заткнуть уши. Может-быть, это была просто случайность, что он упал около них, но все-таки это было им очень неприятно.

Молодой скворец улетел от них, и они слышали, как он крикнул сороке: — Подожди меня, нам по дороге!..

До чего болтливы сороки! Если у вас есть хотя-бы ничтожная тайна, не вздумайте проговориться при них! Молодой скворец ничего

особенного не сказал ей, но она повертела перед ним длинным хвостом и многозначительно крикнула старой вороне:

— Здравствуйте, голубушка, вот так историю я вам сейчас расскажу!.. И, бесцеремонно усевшись на верхушке вишни, она громко, чтобы весь околодок слышал, рассказала историю их любви.

Бедные Иван-да-Марья! Никто не подумал о них, ведь они все слышали, сгорая от стыда и волнения. Они ничего никому не сказали, но припав друг к дружке, залились слезами.

— Не плачьте! — тихо сказал им ветер и понесся дальше.

— Разве вы не знаете, что быть цветком лучше, в тысячу раз лучше, чем человеком! — горячо и взволнованно прошептала над ними крапива. И Иван-да-Марья кивнули им головками и благодарно сказали:

— Мы расскажем вам все, все как было!.. — И они поведали свою историю ветру и крапиве.

....

На том берегу реки, где стоит и теперь мельница, жил когда-то Иван. Отец кричит ему: — Иван, давай мешки! — И Иван мчится как угорелый с мешками на голове. Господи, на кого он похож, когда снимет мешки с головы, точно мышь в муке!

Отец ругает его: — Ах ты!.. — а Иван, как ни в чем не бывало, даже не вытрет с лица муки, бежит себе по полю, куда видно, и свистит, как ветер. Отчаянный мальчишка! Мать подопрет рукою голову и застынет на месте, глядя ему вслед. Что поделаешь с ним?

— Ау!.. — поет Иван уже на другом берегу реки, и до матери доносится его голос. Он не знает никаких песен и выводит только — ау, — но это не мешает ему петь с утра до вечера.

Птицы разлетаются в разные стороны, заслышав его. Он камнем может подбить на лету ласточку, из рогатки убить белку, поймать руками рыбку-малька... И все ему нипочем. Но всякому разгулу бывает конец.

Зимою, когда выпал первый снег, Иван выбежал из хаты, хлопнул дверью от радости, подпрыгнул над землей и помчался по двору к саду. Все было белое, белое в саду, и только подошвы сапог оставляли темные следы.

— На тебе, Господи! — крикнул Иван и упал со всего размаху в мягкий снег, чтобы отпечатать свой рост на первом снегу. Он встал осторожно и с изумлением посмотрел на себя. Вот так история!.. — Ха-ха-ха!.. — На снегу был добрый парень, ростом немного пониже отца.

— Что за чорт!.. — Он упал еще и еще, а на снегу все выростал взрослый человек. Возле голубятни кто-то звонко засмеялся над ним... Голуби поднялись к самому небу.

— А кто там голубей гоняет?.. — сердито закричал Иван и, не отряхивая снега, тяжело, как мужик, пошел к голубятне.

— Вот я тебе!.. — говорит Иван, но голос срывается в хриплый бас, и он смущенно смотрит на яркий женский платок.

— Чего тебе?.. — сурово спрашивает он и не может избежать веселых лукавых глаз.

— Это я, Иван, — Марья... — говорит она и скромно опускает голову.

— Попустому ходишь по чужим дворам... — хочет он сказать дерзко, но не может, вдруг, сказать, как говорил еще летом, и не отрываясь смотрит на розовое молодое лицо. — Го-го-го!.. — кричит кто-то в его сердце, — поймался, парень, теперь не уйдешь!..

Голуби возвращаются обратно к себе в голубятню, и на шапку его сыпется снег.

— Не смеешь гонять голубей, мои голуби, не твои... — говорит он ей и поворачивается к ней спиной.

— Ха-ха-ха!.. Вот тебе раз, кто в этом сомневается? Вот чудной Иван!.. На спине снег, на рукавах снег, всюду налип снег...

Он идет в хату тяжело, тяжело; теперь уже не попрыгаешь, когда нависла такая тяжесть на сердце. Тяжело стать взрослым. Отец посылает туда и сюда... — Можешь свезти сам муку, можешь сам купить овес... — Дела по горло. Нет времени выбежать в сад и посмотреть на голубятню.

А время идет. Река замерзла уже, и по ней разъезжают в город. Мальчишки прыгают на одной ноге по льду... Разве это — катанье? Вот он мог-бы показать им, как следует кататься... Господи, сколько силы в нем, мог-бы перевернуть сани с мешками в снег и в одну минуту умчаться по льду, куда видно.

Все мог-бы, только на одно не хватает смелости, сказать Марье что-нибудь такое: пойдем, Марья, вместе и покатаемся по льду. Сколько вертится в голове всяких предложений, а ни одно не выговаривается на языке.

Марья лукаво смотрит на него.

— Это я, Иван, нельзя ли у вас взять топора?

Иван берет топор и идет за нею. — Вот те и на!.. — говорит Марья и весело смеется.

— Я прошу топора, а ты и сам идешь... — Все пустое, он и сам может нарубить дров. Щепки летят во все стороны, только держись.

— Потише, Иван, потише!.. — смеется Марья.

— Что, думаешь, не хватит силы?.. Раз, два!.. Раз,два!.. Не подходи близко!.. — кричит он и бросает одно за другим поленья.

На морозе жарко, щеки того и гляди треснут от огня, рубаха прилипла к телу. А в самом деле, какой он молодец!.. Марья смотрит на него серьезно и испуганно слушает, как бьется молодое сердце. Что

с нею такое?.. Смех замирает от смущения и она виновато благодарит его: — Ну, спасибо!..

Она прячется в хате прежде, чем он успевает подойти к ней, и крепко, крепко запирает за собою дверь.

И когда это она успела вырости только! Юбка до полу и косы ниже пояса... Мать смотрит ей вслед и говорит про себя: — Уже жениха время было-бы...

Ах, время, время! Сердце так стучит в груди, так стучит, что страшно становится в тишине. — Не стучи, сердце, не стучи!.. — говорит Марья и тихо задерживает его рукой.

Снега навалило полный двор. Черный плетень сравняло с землей. Теперь уже не забежишь к соседям в сад. В оконце ничего не видно.

— Марья!.. — кричит мать, — а Марья!.. Где это ты прячешься? Отгреби от порога снег!..

Разве она прячется? Она здесь вот, сидит и штопает себе кофту. Дырка на дырке и на рукаве и на груди... Ох, если-б новую кофту купить!.. Кофта старая и юбка старая, и куда она пойдет в такой кофте!.. Девки засмеют ее, даже в праздники не собралась на новую кофту! Все пальцами затыкают. А ей то, бедной, каково? Попробуй купить что-нибудь, когда в хате хоть шаром покати.

Снег набился в рваные салоги, руки посинели от холода и в уши дует ветер через старый платок. Ивану не холодно в новом кожушище, валенки по пояс и теплые рукавицы надел — ишь, вырядился как!..

— Дай лопату, пособлю!.. — говорит ей через забор.

Не надо ей ничего, и сама с руками, не маленькая. Ой, как холодно, даже слезы на глаза навертываются.

— Уходи, уходи, Иван, не пара ты мне, нечего смотреть! — Прислонилась к стене и отвернулась от него.

— Чего сердишься, Марья? — спрашивает ее Иван и смотрит на нее ласковыми глазами. Откуда ему знать, что у нее делается на сердце. Перепрыгнул через забор и застрял в снегу. Вот смешной Иван!.. Ха-ха-ха!..

— Что это у тебя в руках такое? — спрашивает ее, как-будто не видит, что у нее лопата... Выхватил лопату.

— Стой, стой!.. — кричит. — Я сам отгребу!..

Эх, Марья.. — Схватил ее за руки и крепко, крепко прижал к своему сердцу. Любовь такова. Налетела и перевернула все вверх дном. — Попляшите и под мою дудку!

....

С юга потянул теплый ветерок, побежали ручьи и в лес налетели первые птицы. Не успел никто оглянуться, как прошла зима. Воды всюду набралось по колено.

— Марья, а Марья!.. — шепчет Иван и ждет ее, протянув к ней руки. Ноги в сапогах шлепнулись в воду, но сильные руки уже подхватили и понесли над водой.

Крылья на мельнице сурово поскрипывают: — Не бывать счастью, не бывать... Ветер несет им в лицо свои слова:

— Уходите отсюда, уходите прочь!..

Весенняя распутица заглядывает в глаза и обдает холодком.

Кто-то вышел на крыльцо и стоит, притаившись, ждет их. В хате зажгли уже огонь. Кто-то закашлялся раз за разом, раз за разом. Кто-то крикнул скрипучим голосом: — Овса заложи коню!..

Сейчас все соберутся вокруг стола. Ну, Иван!.. Вот они войдут сейчас, поклонятся низко, упадут в ноги и скажут разом: — Благословите нас, родители... — Еще минуту только постоят возле двери и соберутся с духом.

— Это мы, Иван да Марья!.. — и войдут в хату.

— Ой, страшно, Иван!

Голубь спросонья крикнул что-то... Ох, не к добру все это. Два сердца стучат все громче и громче. Ну, Иван!..

Дверь открылась широко и захлопнулась за спинами. Возле образа глянули суровые глаза, за печкой всполошились детские головы, и кто-то тяжело, тяжело закашлялся в руку.

Кто-то крикнул им в самые уши: — И знать не хотим и слышать не хотим!

Кто-то сердито забегал по хате, кто-то с сердцем бросил коромысло в угол, кто-то разбил стекло в окне и влетел в хату.

— Это я, ветер, уходите отсюда, уходите прочь!.. — И ушли Иван и Марья.

— Счастливой дороженьки, Иван-да-Марья! — Плетень поклонился им в пояс.

Воды всюду несутся, понесут и их куда-нибудь. Весенние птицы песни споют, сыграют им свадьбу. Эх, свадьба, свадьба!..

Так и ушли они. Никто не видел их больше.

Летали голуби всюду: — Не видали-ли вы, голуби, Иван-да-Марьи?..

Нет, не видели голуби Иван-да-Марьи.

Неслись весенние воды.

— Вóды, Вóды!.. вы многое могли-бы рассказать!.. — Ах, нет, ничего мы не знаем...

Река вошла в свои берега. Одна земля молчит, значит, знает правду.

Какова же правда?

Мельница уже перестала работать; давно уже все умерли на ней, а в поле, куда ушли когда-то Иван-да-Марья, выросли цветы. Поднялись они из земли в паре и по парам рассыпались по полям и лугам.

И оттого-ли, что расцветают они вдвоем, ранней весной, каждый год ранней весной, в народе прозвали этот цветок — Иван-да-Марья.

КОНЕЦ

ОГЛАВЛЕНИЕ

